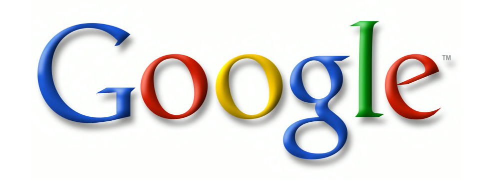
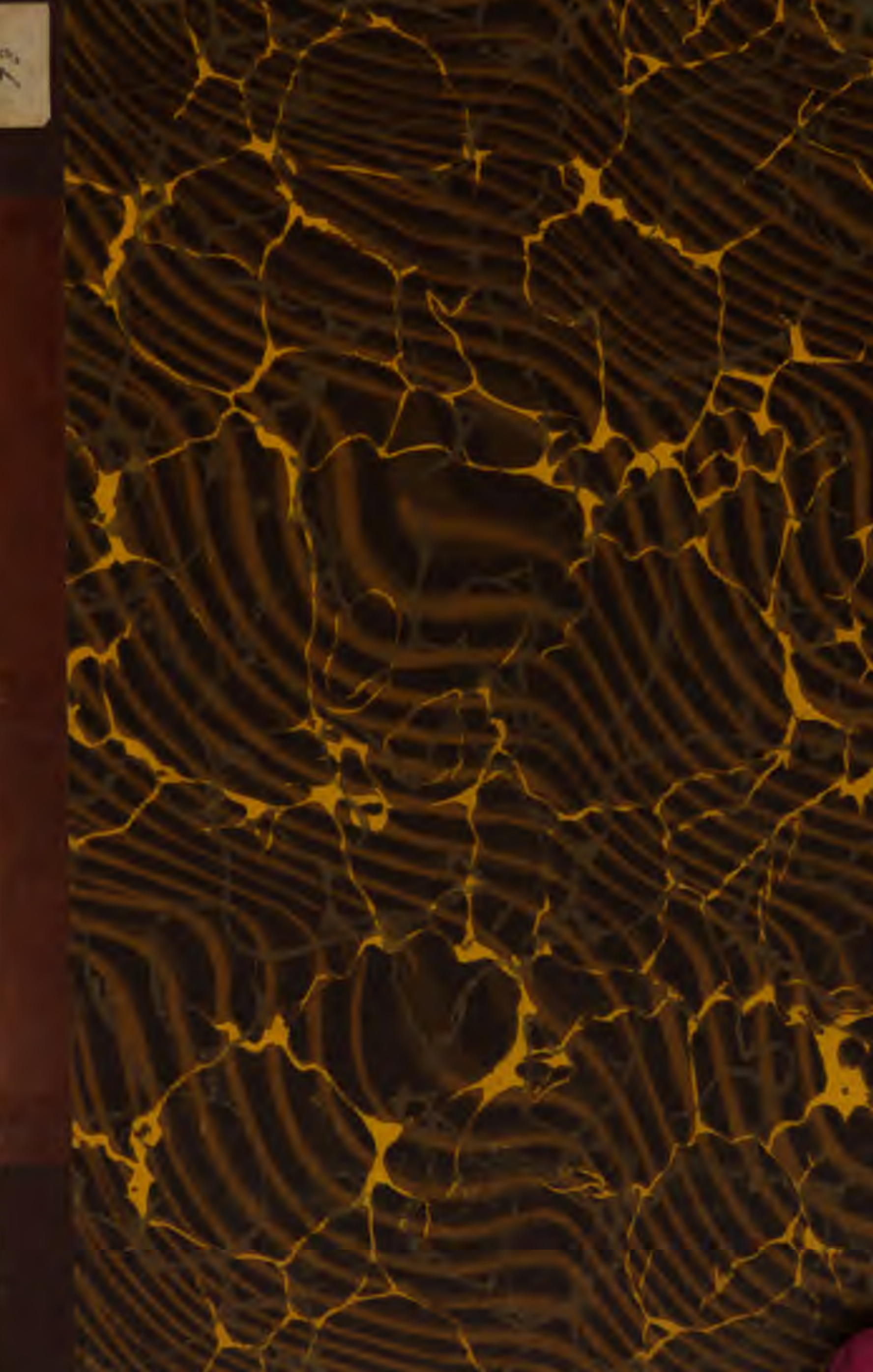

Petrov, G. S

КЪ СВѢТУ!

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

священника

Г. Петрова.

Изданіе третье.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
МОСКВА. — 1903.

Отъ с.-петербургскаго духовно-цензурнаго комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 7 февраля 1903 г.

Цензоръ іеромонахъ *Филаретъ.*

Наши мечты.

Люди по своему характеру различно относятся къ жизни. Одни смотрятъ на нее мрачно, считаютъ ее тягостью, видятъ все въ черномъ свѣтѣ, словно у нихъ передъ глазами постоянно темныя очки. Жизненныя невзгоды и неудачи они считаютъ дѣломъ обычнымъ, а радости обманчивыми, красивыми призраками. Чуть не спорится дѣло, они падаютъ духомъ, опускаютъ руки, думаютъ, что все погибло. Тяжело живется такимъ людямъ, тяжело и другимъ имѣть съ ними дѣло; немного свѣта внесутъ они въ жизнь.

Другіе, наоборотъ, бодро, свѣтло и радостно смотрятъ впередъ. Они твердо вѣрятъ въ великую, всепобѣждающую силу правды и добра; убѣждены, что никакое зло, никакая неправда не устоятъ передъ стойкой, искренней, самоотверженной работой во имя Божьяго дѣла. Неудачи ихъ не смущаютъ; они знаютъ, что, подымаясь по крутой горѣ, безъ паденій, ушибовъ не обойдешься; можетъ-быть, сверху сорвется камень навстрѣчу и больно ушибетъ. Все это возможно, но все это не останавливаетъ

ихъ. Крѣпко цѣпляясь за каждый встрѣчный выступъ, за кустъ, за траву, они подымаются выше и выше, къ солнцу, къ свѣту, къ Божьему простору. Чѣмъ дальше они идутъ впередъ, тѣмъ шире и безпредѣльнѣе раскрывается передъ ними дивная картина красоты Божьяго міра, и они оттуда, съ вершины, кричатъ стоящимъ внизу: „отъ сумерокъ, отъ болотныхъ тумановъ, изъ-подъ свинцовыхъ тяжелыхъ тучъ идите сюда: здѣсь ближе къ небу, здѣсь воздухъ чище, грудь дышитъ вольнѣе, здѣсь легче на душѣ".

Нашимъ сборничкомъ „Къ свѣту" мы и хотимъ внушить читателю такую вѣру въ свѣтлое будущее, пробудить и укрѣпить бодрость въ живой работѣ! Мы не закрываемъ глаза на темныя стороны жизни; видимъ, что зло во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ временами широко расправляетъ свои мрачныя крылья и темною, безпросвѣтною тучею закрываетъ отъ людей яркій свѣтъ правды Божіей, затѣняетъ, поглощаетъ тепло любви и добра. Но мы крѣпко вѣримъ, убѣждены, что это зло — болѣзненный наростъ, что темныя пятна жизни, это—бѣльма ея, которыя можно и слѣдуетъ снять. Нужны лишь преданные дѣлу работники, стойкіе въ добрѣ и правдѣ души, сердца, воодушевленныя любовью къ Божьей жизни. Никогда не переводились такіе люди на землѣ, есть всегда они и у насъ на Святой Руси; только работаютъ они большею частью въ одиночку, дѣйствуютъ

враздробь, а зло стѣною громадною стоитъ передъ ними. Вѣками зло копилось и росло въ сердцѣ человѣка, и въ жизни людской горою высится оно. Борьба съ нимъ предстоитъ долгая, упорная, требуетъ дружныхъ совмѣстныхъ усилій. Да и самимъ работникамъ необходимы взаимная поддержка, слово сочувствія, одобренія въ тяжелую минуту унынія, усталости, упадка силъ.

Вѣрный своему призванію пастырь духовный, народный учитель, земскій докторъ, честный и грамотный волостной писарь, тысячи прочихъ скромныхъ общественныхъ дѣятелей въ сѣрой обыденной обстановкѣ незамѣтно для дальнихъ глазъ дѣлаютъ свое невидное предъ людьми, но великое предъ Богомъ дѣло. Годъ за годомъ они, словно дождевая капля, долбятъ страшную глыбу народнаго невѣжества. Тамъ, гдѣ-то глубоко въ тайникахъ народной души, сокрыты дивныя сокровища ума и сердца, но пока еще они спятъ долгимъ, непробуднымъ сномъ, покрыты толстой корой умственной и нравственной темноты и, чтобы это золото души и перлы ума извлечь на Божій свѣтъ, требуется тяжелый трудъ рудокопа. Какъ рудокопъ, опущенный въ подземную шахту, одинокій, ударъ за ударомъ отбиваетъ тамъ и очищаетъ нужную ему породу, такъ и отдѣльные работники во имя народнаго блага, затерянные часто въ глухихъ углахъ, среди необъятныхъ полей, топкихъ болотъ и дремучихъ лѣсовъ, годъ за

годомъ будятъ отъ вѣковой спячки народный разумъ, влекутъ къ добру и правдѣ народную душу, очищаютъ, облагораживаютъ нравы живущихъ вокругъ нихъ людей. Великое, святое, но и тяжелое не въ мѣру дѣло! Порою, какъ въ душномъ подземельѣ, мучительно хочется хоть глотка свѣжаго воздуха, душа рвется къ солнечному свѣту, сердце тоскуетъ, опускаются бодрыя, сильныя руки. Закаленное въ бояхъ суровое казацкое сердце Остапа, сына Тараса Бульбы, и то погнулось подъ игомъ одиночества; въ минуты предсмертной тоски взмолилось о сочувствіи къ себѣ. Стоя одинокимъ на помостѣ среди чуждыхъ людей, Остапъ не выдержалъ, крикнулъ: „Батько! гдѣ ты? слышишь ли ты?“ И когда въ отвѣтъ нежданно донелось „слышу!“ ему, конечно, легче стало на душѣ. Несомнѣнно, что у каждаго самоотверженнаго работника на нивѣ просвѣщенія народа, какъ бы горячо онъ ни былъ преданъ своему дѣлу, также бываютъ минуты упадка духа, когда мучительно чувствуется одиночество, до боли хочется братскаго участія, когда на сердцѣ накипаетъ горючій остаповскій крикъ: „слишишь ли, батько?“ и когда ждешь, не дождешься, не донесется ли откуда-нибудь отвѣтное: „слышу! не падай духомъ! ты не одинъ, есть тысячи людей, сердца которыхъ бьются одинаково съ твоимъ и которые шлютъ тебѣ издали братскій привѣтъ“. И если удастся это услышать, тогда снова растутъ силы духа,

подымается энергія, не страшны становятся ни труды, ни препятствія дѣла.

Вотъ и думаемъ мы быть посильно вѣрнымъ и добрымъ другомъ всѣхъ честныхъ работниковъ во имя просвѣщенія, отрезвленія, оздоровленія дорогой намъ родины, великой, но и многострадальной русской земли. Какъ Тарасъ Бульба въ бою подъ Дубномъ перекликался черезъ все бранное поле съ куренными: „есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? не ослабѣла ли казацкая сила? не гнутся ли казаки?" И ему въ отвѣтъ отовсюду неслось: „есть еще порохъ! крѣпка еще сила! не гнутся казаки!" послѣ чего всѣ съ новыми силами напирали на недруга и гнали его ряды. Такъ и мы мечтаемъ дать въ сборникѣ посильное слово призыва къ упорной и неослабной борьбѣ со всяческимъ зломъ и неправдою на Руси, слово ободренія усталымъ, павшимъ въ бою за правду труженикамъ, быть глашатаемъ трезвой, доброй, разумной, истинно-христіанской, Божьей жизни.

Велика и сильна наша родина. Словно могучій великанъ распласталась она и заняла чуть не половину свѣта бѣлаго. По краямъ ея пѣнятъ волны пять морей; внутри безпредѣльно тянутся привольныя степи; шумятъ дремучіе вѣковые сибирскіе лѣса; на тысячи верстъ пробѣгаютъ широкія рѣки, за облака уходятъ высокія горы, подъ землею сокрыты неисчерпаемыя богатства. И при всемъ этомъ часто

бѣдствуетъ, горько жалуется на свою судьбу русская земля. Тяжелая жизненная школа выпала на долю нашему народу: не развивала, а заглушала она добрыя природныя свойства души русскаго человѣка и вѣками много налипло на нашу народную жизнь всяческой грязи. Много предстоитъ тяжелой работы; много надо усердія, знанія, силы сердца и ума. Подадимъ же всѣ, кому дорого свѣтлое будущее родины, другъ другу руки и дружно, въ ногу, бокъ-о-бокъ, плечо-въ-плечо, пойдемъ впередъ въ свѣтлѣющую даль правды Божьей и поведемъ за собою меньшихъ темныхъ братій нашихъ. Съ Богомъ, въ дорогу на Божіе дѣло!

Святая Русь.

Покойный уже теперь писатель, философъ-христіанинъ Владиміръ Соловьевъ, приводитъ нѣсколько замѣчательныхъ мыслей на тему о томъ, чѣмъ хочетъ, можетъ и долженъ быть русскій народъ. Это очень серіозный вопросъ. Если для отдѣльнаго человѣка важно знать цѣль жизни, основную задачу его дѣятельности, то тѣмъ болѣе необходимо для народа выяснить его историческіе пути, цѣли его завѣтныхъ стремленій, лучшія мечты и думы. Народъ вѣдь живетъ тысячи лѣтъ, его вѣковыя задачи осуществляются десятками поколѣній, и верховные идеалы медленно, незамѣтно проникаютъ въ народную глубь; чтобы новымъ смѣнамъ людей не уклониться отъ намѣченнаго лучшими силами народа вѣрнаго пути, необходимо зорко всматриваться въ идеалы, руководящіе обществомъ въ ту или другую эпоху, опасаясь, какъ бы свои силы, свой трудъ, мечты и жаръ души не отдать на мелкое, частное, вмѣсто главнаго, общаго.

Къ чему же въ общемъ прежде всего стремится русскій народъ? Кѣмъ онъ хочетъ быть?

Служеніе чему составляетъ его высшій идеалъ? Хочетъ ли онъ быть могущественнымъ вершителемъ судебъ народовъ, владыкой-поработителемъ другихъ странъ, завоевателемъ новыхъ областей? Нѣтъ, русскій народъ, если и обнажалъ свой мечъ, то не для хищнаго грабежа, не для насилія надъ слабымъ; онъ всегда проливалъ кровь лишь для защиты родины и своею грудью защитилъ многихъ сосѣдей, но самъ, по своему почину, никогда не несъ цѣпей рабства въ чужіе предѣлы.

Хочетъ ли русскій народъ быть самымъ богатымъ, образованнымъ, просвѣщеннымъ? Мечтаетъ ли превзойти другихъ въ торговлѣ, промышленности, наукахъ и искусствѣ? Нѣтъ и опять нѣтъ! Во всемъ этомъ другіе народы далеко опередили Россію, и намъ приходится на этотъ счетъ не носиться съ горделивыми мечтами, а скорбѣть и горевать за нашу отсталость. Хочетъ ли русскій народъ быть славнымъ передъ другими? Желаетъ ли онъ, чтобы вся земля, всѣ самыя отдаленныя страны были полны молвою о его подвигахъ, о громкихъ дѣлахъ его храбрости, превозносили его имя, преклонялись передъ нимъ, подражали ему? Опять отрицательный отвѣтъ. Русскій человѣкъ въ сношеніяхъ съ иностранцами страдаетъ скорѣе чрезмѣрною скромностью, чѣмъ излишнею похвальбою; про себя, втихомолку, мы, можетъ-быть, и посмѣемся надъ нѣмцемъ, французомъ, вообще иностранцемъ, но при

личныхъ столкновеніяхъ чувствуемъ себя большею частью неловко: мы охотно рѣзко осуждаемъ огульно все свое и слишкомъ снисходительно, сквозь пальцы, смотримъ на иноземное, съ чужой пломбой. Хочетъ ли, наконецъ, русскій народъ быть самимъ собою, сохранить свою самобытность, соблюсти свои старинные обычаи, вѣковой укладъ жизни? Въ нѣкоторой части народа это есть. Живутъ тутъ по старинѣ и старину блюдутъ, какъ святыню, какъ заповѣдь Божью. До насъ оно положено, такъ оно (худо ли, хорошо, — не разбираютъ) и лежи вовѣки вѣковъ, — все свое родное, съ сѣдой, стародавней древности почитаютъ священнымъ. Не брили, не стригли прежде бородъ, не пили чая, не нюхали, не курили табаку, — не должно того быть и теперь; а если есть, то это—новшество, мерзость предъ Богомъ, т.-е. нарушеніе старинныхъ дѣдовскихъ обычаевъ считаютъ за нарушеніе заповѣдей Господнихъ. Такая повадка есть у части русскаго народа, отчего эта часть народа и выдѣлилась особо отъ остальныхъ, образовала старообрядчество; но большинство народа страдаетъ, если угодно, излишнею подражательностью, неустойчивостью, склонностью сливаться съ сосѣдями: малороссъ заимствуетъ отъ сосѣда-поляка кунтушъ, отъ нѣмца-колониста куцый пиджакъ; на Кавказѣ казакъ рядится чеченцемъ; въ Крыму, въ Казани русскій пришлый рабочій въ годъ-два выучивается бойко

говоритъ по-татарски, въ Финляндіи говоритъ по-фински, въ далекой Сибири съ якутомъ бесѣдуютъ по-якутски.

Чего же, наконецъ, болѣе всего хочетъ для себя, для Россіи русскій народъ? Что онъ считаетъ за самое лучшее? Въ чемъ состоитъ высшій народный русскій идеалъ? Обыкновенно народъ, желая похвалить себя, свою родину, свою жизнь, въ самой этой похвалѣ выражаетъ то, что для него всего дороже, чего онъ болѣе желаетъ, на что готовъ, если сумѣетъ, отдать и тѣло и душу. Такъ, древніе римляне самымъ священнымъ словомъ для себя считали: „Сенатъ и римскій народъ". Для нихъ величіе Рима, могущество народа, власть сената надъ міромъ были дороже всего. Французъ съ пылающимъ лицомъ и блестящими глазами говоритъ прежде всего о *прекрасной* Франціи, о славѣ французскаго имени; англичанъ съ гордостью говоритъ и въ пѣсняхъ поетъ о *старой* Англіи; нѣмецъ горделиво отмѣчаетъ испытанную *нѣмецкую вѣрность*, добросовѣстность, аккуратность. Что же въ подобныхъ случаяхъ говоритъ русскій народъ, чѣмъ онъ хвалитъ Россію? Называетъ ли онъ ее прекрасной, или старой, говоритъ ли о русской славѣ или о русской вѣрности, точности въ дѣлахъ? Нѣтъ, русскій народъ въ данномъ случаѣ весь, съ верху до низу, отъ царя, ученаго, писателя до послѣдняго мужика и въ былинахъ, и въ народныхъ пѣсняхъ, и въ див-

ныхъ стихотвореніяхъ поэтовъ, и въ лѣтописяхъ, и въ сказаніяхъ, и въ ученыхъ трудахъ говоритъ только о *„святой* Руси". „Святая Русь", святость народа,—вотъ высшая цѣль, о которой въ тайникахъ своей души въ лучшія минуты жизни думаетъ русскій человѣкъ. Ни о чемъ такъ не болѣетъ сердцемъ, ни надъ чѣмъ другимъ не сокрушается такъ русскій народъ, какъ надъ думою, какимъ способомъ правильнѣе устроить свою жизнь *по-Божьи. Божье дѣло* — у него высшая оцѣнка человѣческихъ трудовъ; *Божій человѣкъ* — самый лестный отзывъ о людяхъ. Такимъ образомъ, главное требованіе Евангелія: „Ищите прежде всего царствія Божія и правды Его", и главная забота русскаго народа — устроить жизнь свою по-Божьи, совпадаютъ самымъ полнымъ образомъ, представляютъ одну и ту же задачу, только выраженную различными словами. Но пониманіе цѣли, къ которой надо стремиться, еще не даетъ ея осуществленія; желаніе русскимъ народомъ *святости* еще не дѣлаетъ его *святымъ*; чтобы отъ знанія перейти къ исполненію, надо приложить усилія и трудъ. Въ Евангеліи такъ и сказано поэтому: „Царство Божіе силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его" (Мѳ. XI, 12). Въ другомъ мѣстѣ Спаситель говоритъ, что законъ Моисея и писаніе пророковъ руководили людьми до Іоанна Предтечи, а съ сего времени послѣ Іоанна, „Царствіе Божіе благовѣствуется, и

всякій усиліемъ входитъ въ него“ (Лук. XVI, 6). Безъ труда нѣтъ плода; никакое дѣло не совершается безъ затраты силъ; и чѣмъ выше, цѣннѣе, славнѣе дѣло, тѣмъ большихъ условій, большаго напряженія доброй воли, большей чистоты сердца и благородства души оно требуетъ. Спросимъ же теперь самихъ себя: что мы дѣлаемъ, чтобы Русь стала святою, какою мы желаемъ ее видѣть? Проповѣдуется ли у насъ Слово Божіе громко, вразумительно и неустанно; имѣетъ ли Евангеліе широкій доступъ и распространеніе въ народѣ? Нѣтъ пахаря безъ сохи, плотника безъ пилы и топора, а тысячи, милліоны *христіанъ* живутъ и умираютъ безъ книги *ученія Христова*. Врядъ ли у насъ найдется домъ, гдѣ не было бы игральныхъ картъ, а сколько есть селеній, гдѣ не сыщешь библіи, или хотя бы Новаго Завѣта. Строятся сотни храмовъ, на колокольняхъ ихъ громко звонятъ тяжелые въ сотни и тысячи пудовъ колокола и далеко по округѣ, чрезъ лѣса, поля и рѣки, разносится ихъ призывный гулъ. Слушаешь съ радостнымъ сердцемъ этотъ веселый праздничный звонъ и думаешь: когда же, наконецъ, такимъ же широкимъ, мощнымъ призывомъ, какъ благовѣстъ колоколовъ, будетъ разноситься надъ городами и селами нашей родины благовѣстъ Слова Божія, проповѣдь Евангелія! Находятся щедрые жертвователи на тысячепудовые колокола, на мертвую мѣдь. Отчего не являются

обильныя жертвы на распространеніе среди православныхъ книги истинной жизни, живого евангельскаго слова? Темному душой народу, непросвѣщеннымъ въ сердцѣ слушателямъ Спаситель говорилъ: „Заблуждаетесь, не зная Писаній, ни силы Божіей“ (Мѳ. XXII, 29). Увѣровавшимъ же въ Него іудеямъ Іисусъ говорилъ: „Познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Іоан. VIII, 32), т.-е. очищенные ученіемъ Христовымъ люди станутъ чисты отъ зла и неправды, освободятся отъ рабства своимъ порокамъ. слабостямъ и недостаткамъ. Иначе и быть не можетъ: желаніе жить по-Божьи есть въ народѣ; люди ищутъ пути къ Богу, но гдѣ его найти — точно не знаютъ и бродятъ въ потемкахъ. Евангеліе, и оно прежде всего, можетъ разсѣять духовную тьму въ народѣ. Евангеліе — вѣдь это слово Спасителя, а Спаситель Самъ говорилъ о Себѣ: „Я есмь путь, истина и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня“ (Ін. XIV, 6). Выводите народъ на этотъ путь, дайте ему въ руки факелъ евангельской истины, укажите ему источникъ истинной, духовной жизни, и онъ станетъ тою Святою Русью, какою онъ хочетъ быть и не можетъ пока сдѣлаться по темнотѣ своихъ ума и сердца, по незнанію путей Царства Божія, по неспособности своими силами разобраться, что есть воля Божія и что установленія людей.

Читатель дорогой, вокругъ насъ тысячи темныхъ братій нашихъ; все это дѣти Святой Руси православной, а святости въ нихъ нѣтъ, отсутствуетъ часто и самое пониманіе, что такое вѣра христіанская. Передъ нами и вокругъ насъ густыя толпы нищихъ духомъ, плачущихъ сиротливо о темнотѣ своей, жадно алчущихъ правды; дадимъ имъ ясти, познакомимъ ихъ съ словомъ евангельскимъ, поможемъ имъ уразумѣть, что есть сила Божія. Встарину у насъ на Руси былъ добрый обычай (по мѣстамъ онъ сохранился и теперь) на праздники посылать по тюрьмамъ, больницамъ и богадѣльнямъ колачи, сайки, пироги. Это хорошо, трогательно и вполнѣ по-христіански. Солнечному лучу рады бываютъ и на чердакѣ и въ подвалѣ; пусть же лучъ праздника заглянетъ и на больничную койку и за рѣшотку тюрьмы. Но помните при этомъ, что человѣкъ не хлѣбомъ однимъ живъ бываетъ, а также и Словомъ Божіимъ и что въ послѣднемъ нуждается неизмѣримо большее число людей, чемъ въ хлѣбѣ насущномъ. Сѣйте же въ народъ щедрою рукою Слово Божіе; кто можетъ — рѣчью, кто раздачей Евангелій. И пусть оно, евангельское сѣмя ваше, не все взойдетъ, не всѣми принято будетъ, многими пренебрежется; пусть одна часть будетъ потоптана, другая скоро увянетъ, третья заглохнетъ; если гдѣ-нибудь въ добромъ сердцѣ зацѣпится хоть одно слово изъ вашихъ десятковъ душевныхъ рѣчей, одна

страница изъ вашихъ розданныхъ сотенъ Евангелій, вашъ трудъ вознагражденъ будетъ сторицею. Вашъ скромный, незамѣтный трудъ на пользу устроенія Святой Руси будетъ воистину святымъ, великимъ передъ Богомъ. Спаситель въ нагорной проповѣди говорилъ: „Кто самъ волю Божью сотворитъ и другого тому же научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствѣ небесномъ" (Мѳ. V, 19). Посмотришь на обширную Святую Русь православную и больно, тяжело станетъ на сердцѣ. Давно уже занялась надъ нашей родиной заря Христовой вѣры, успѣли справить и девятисотлѣтній юбилей крещенія Руси, а какія еще потемки духовныя висятъ надъ народомъ. Великая нива Божія требуетъ громадныхъ трудовъ, а работниковъ мало. Молите, православные, Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву Свою, а тѣмъ, кто уже вышелъ на работу и трудится, какъ можетъ и умѣетъ, на нивѣ Божьей, просите у Бога силъ въ помощь и подкрѣпленіе. Помогай вамъ, Господи, святые труженики, работники Святой Руси!

Мужики.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный писатель, Антонъ Чеховъ, написалъ разсказъ „Мужики“. Разсказъ небольшой, 60—70 страницъ, но въ немъ яркими красками, сильно и рѣзко обрисована вся внутренняя жизнь деревни. Гнетущая нужда, забитость, доходящая до отупѣнія, ужасающая духовная темнота, какое-то смѣшеніе звѣринаго почти одичанія и дѣтской незлобивой простоты, — все это, представленное въ небольшой по размѣру, но мастерской, правдивой картинѣ, производитъ поражающее впечатлѣніе; становится какъ-то жутко, хочется даже не вѣрить писателю, сказать ему, что онъ сгустилъ краски, что такъ не живутъ люди, нельзя жить; но суровая правда жизни не считается съ нашими желаніями Она одинаково спокойно выдвигаетъ, отмѣчаетъ и свѣтлыя и темныя стороны жизни; безпощадно раскрываетъ самыя ужасныя язвы. И разсказъ Чехова потому и производитъ такое тяжелое, удручающее впечатлѣніе, потому такъ и хочется думать, что писатель сгустилъ краски, что онъ передъ нашими глазами вдругъ развернулъ всѣ язвы деревни. Видъ одного прокаженнаго и то, гово-

рять, производитъ тягостное впечатлѣніе; если же привести человѣка въ больницу для пораженныхъ проказой, понятно, ему станетъ невтерпежъ, онъ въ ужасѣ убѣжитъ отъ этого скопища людскихъ страданій. Но отвернемся ли мы отъ страшныхъ лицъ прокаженныхъ, закроемъ ли передъ ними глаза, язвы останутся язвами, и мимо нихъ грѣшно пройти безъ помощи. Посмотримъ же, какъ внутренняя жизнь деревни, ея духовная сторона отразилась въ представленіи талантливаго писателя, который, благодаря своему чудному дару, полученному отъ Бога, одинъ часто подмѣчаетъ то, чего не видятъ тысячи и милліоны обычныхъ людей.

„Лакей при московской гостиницѣ „Славянскій базаръ“, Николай Чикильдѣевъ, заболѣлъ. Пришлось оставить мѣсто. Какія были деньги, свои и женины, онъ пролѣчилъ, кормиться было уже не на что; стало скучно безъ дѣла, и онъ рѣшилъ, что, должно-быть, надо ѣхать къ себѣ домой въ деревню. Дома и хворать легче, и жить дешевле; не даромъ и говорится: „дома стѣны помогаютъ“.

„Пріѣхалъ онъ въ свое Жуково подъ вечеръ. Войдя въ избу, онъ даже испугался: такъ было темно, тѣсно и не чисто. Пріѣхавшія съ нимъ жена Ольга и дочь Саша съ недоумѣніемъ поглядывали на большую неопрятную печь, темную отъ копоти и мухъ. Сколько мухъ! Печь покосилась, бревна въ стѣнахъ лежали криво, и казалось, что изба сію минуту развалится. Въ

переднемъ углу, возлѣ иконъ, были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги—это вмѣсто картинъ. Бѣдность, бѣдность!

„Дома не было никого, всѣ жали. Пріѣзжіе подождали. Вернулись старики, отецъ и мать Николая, тощіе, сгорбленные, беззубые, оба одного роста. Пришли и бабы-невѣстки, Марья и Ѳекла, работавшія за рѣкой у помѣщика. У Марьи, жены брата Кирьяка, было шестеро дѣтей, у Ѳеклы, жены брата Дениса, ушедшаго въ солдаты,—двое. Когда Николай увидѣлъ все семейство, всѣ эти большія и маленькія тѣла, которыя шевелились на полатяхъ, въ люлькахъ и во всѣхъ углахъ, и когда увидѣлъ съ какою жадностью старикъ и бабы ѣли черный хлѣбъ, макая его въ воду, то сообразилъ, что напрасно онъ сюда пріѣхалъ, больной, безъ денегъ, да еще съ семьей,—напрасно!

„Потянулись одинъ за другимъ томительные дни, дни тяжелой, непосильной работы и ужасной безпросвѣтной нужды. Насталъ праздникъ. Приходская церковь была въ шести верстахъ, въ Косогоровѣ, и въ ней бывали только по нуждѣ, когда нужно было крестить, вѣнчаться или отпѣвать; молиться же ходили въ чужеприходскую церковь, за рѣку. Говѣли въ приходѣ.

„Старикъ не вѣрилъ въ Бога, потому что почти никогда не думалъ о Немъ. Онъ признавалъ сверхъестественное, но думалъ, что это можетъ касаться однѣхъ лишь бабъ, и когда говорили при немъ о религіи или чудесномъ и задавали

ему какой-нибудь вопросъ, то онъ говорилъ нехотя, почесываясь:

„— А кто жъ его знаетъ!

„Бабка вѣрила, но какъ-то тускло; все перемѣшалось въ ея памяти, и едва она начинала думать о грѣхахъ, о смерти, о спасеніи души, какъ нужда и заботы перехватывали ея мысль, и она тотчасъ же забывала, о чемъ думала. Молитвъ она не помнила и обыкновенно по вечерамъ, когда спать, становилась передъ образомъ и шептала:

„— Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троеручицѣ Божьей Матери...

„Марья и Ѳекла крестились, говѣли каждый годъ, но ничего не понимали. Дѣтей не учили молиться, ничего не говорили имъ о Богѣ, не внушали никакихъ правилъ и только запрещали въ постъ ѣсть скоромное. Въ прочихъ семьяхъ было почти то же: мало, кто вѣрилъ, мало, кто понималъ. Въ то же время всѣ любили священное писаніе, любили нѣжно, благоговѣйно; но не было книгъ, некому было читать и объяснять.

„На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку. Въ первый день у Чикильдѣевыхъ зарѣзали барана и ѣли его утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ, ѣли помногу, и

потомъ еще ночью дѣти вставали, чтобы поѣсть. Кирьякъ всѣ три дня былъ страшно пьянъ, пропилъ все, даже шапку и сапоги, и такъ билъ Марью, что ее отливали водой. А потомъ всѣмъ было стыдно и тошно.

„Впрочемъ, и въ Жуковѣ происходило разъ настоящее религіозное торжество. Это было въ августѣ, когда по всему уѣзду, изъ деревни въ деревню, носили Живоносную. Въ тотъ день, когда ее ожидали въ Жуковѣ, было тихо и пасмурно. Громадная толпа своихъ и чужихъ запрудила улицу; шумъ, пыль, давка... И старикъ, и бабка, и Кирьякъ — всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили, плача:

„— Заступница, матушка! Заступница!

„Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжкой, невыносимой нужды, отъ страшной водки...

„— Заступница, матушка!—рыдала Марья.— Матушка!

„Но отслужили молебенъ, унесли икону, и все пошло по-старому, и опять послышались изъ трактира грубые, пьяные голоса...“

Страшно подумать, что это картина не одного селенья, а многихъ сотенъ и тысячъ деревень, что такъ, какъ въ Жуковѣ, живутъ милліоны людей въ крестьянской Руси! Но все это, оче-

видно, горькая правда. Вотъ что говорится уже не въ разсказѣ писателя, а въ ученомъ отчетѣ о занятіяхъ въ Боровичскомъ уѣздѣ, производившихся по порученію Императорскаго русскаго географическаго общества:

„Крестьяне религіозны, но религіозность эта чисто внѣшняя, обрядовая. Содержаніе, духъ, глубина христіанской религіи для нихъ прямо непостижимы: для нихъ въ религіи должно быть нѣчто чувственное, осязательное, реальное, нуженъ запасъ благодати, нужны чудеса“.

Крестьяне крестятъ своихъ дѣтей, вѣнчаютъ, ходятъ на исповѣдь или „на духъ“, какъ они говорятъ, ходятъ въ церковь, соблюдаютъ посты и праздники, служатъ панихиды, молебны просто потому, что такъ дѣлали и ихъ предки, и потому, что не дѣлать этого „грѣхъ“. А въ чемъ этотъ грѣхъ заключается, они не знаютъ. Стоя въ церкви, они вслухъ между собою разговариваютъ о своихъ дѣлахъ. Послѣ службы заходятъ по пути въ кабачокъ. Во время крестныхъ ходовъ они также ведутъ бесѣды, полагая, что главное дѣло заключается, именно, въ обнесеніи иконъ около деревни, а не въ молитвѣ А если бы священникъ отказался ходить около деревни въ праздникъ, то они, навѣрное, устроили бы бунтъ.

Иконы они называютъ богами, безразлично, будутъ ли на нихъ изображены Спаситель или святые. „Вишь, боженьку принесли!“ говоритъ мать ребенку при входѣ священника съ

иконами. Если ребенокъ, играя на рукахъ матери, ударилъ ее ладонью по лицу, мать, показывая ему на икону, говоритъ: „Не смѣй дратца, а то боженька-те палкой.—У-у-у!..“ Въ одной изъ записанныхъ мною былицъ разсказывается, какъ деревенскій сходъ хотѣлъ продать икону Николая Чудотворца за неисполненіе имъ даннаго обѣщанія. „Продадимъ его, т.-е. образъ, а то какой же это богъ, коли онъ смоталъ“, совѣщаются между собою крестьяне... Къ священнику, какъ посреднику между Богомъ и народомъ и носителю благодати, они чувствуютъ глубокое благоговѣніе. Во все время разговора съ нимъ крестьяне стоятъ безъ шапокъ, хотя бы это было и зимою въ страшнѣйшій морозъ.

До чего смутны у народа понятія о христіанской религіи, это видно хотя бы изъ слѣдующаго факта.

Въ прошломъ году предъ Рождествомъ инспекторъ народныхъ училищъ, производя обычную ревизію, задалъ въ Левочской школѣ на урокѣ закона Божія такой вопросъ: „Кто знаетъ молитву Святому Духу?“ Дѣти затруднялись. При повтореніи вопроса одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ мальчиковъ всталъ и сказалъ: „Я знаю“.— „Прочитай!“ предложилъ инспекторъ. И вотъ мальчикъ, не переводя духъ, прочиталъ: „Отъ Духа Святова есь на мнѣ печать Христова, спасова рука — Животворящей Кресъ. Врагъ — сатана! отступись отъ меня за трои двери, за четыре креста. Есь у Бога Христа три листа.

На первомъ листѣ мать Пресвета Богородица, на второмъ листѣ самъ Іисусъ Христосъ, на третьемъ листѣ самъ Богъ крестомъ благословляетъ, врага прочь отгоняетъ“. Оказалось, что этой молитвѣ научила его мать.

Какъ видно, крестьяне не умѣютъ даже молиться. И только, благодаря тому, что туда не заглядываютъ ни расколоучители, ни сектанты, тамъ нѣтъ ни раскола, ни сектъ.

На ряду съ вѣрой въ Бога, Богородицу и святыхъ, у крестьянъ существуетъ вѣра и въ нечистую силу, въ домовыхъ, дворовыхъ, рижныхъ, баенныхъ, водяныхъ, русалокъ, лѣшихъ, въ колдовство, въ переселеніе душъ и въ судьбу.

Какъ хотите, а ужасно читать такія рѣчи о народѣ, который справлялъ уже девятисотлѣтній юбилей своего крещенія. Грустно бываетъ смотрѣть на запущенную барскую усадьбу; рѣдкія плодовыя деревья одичали, садъ заросъ бурьяномъ, репейникомъ, поля покрыты порослью, кустарникомъ. Что же сказать, когда видишь, какъ запущена, огрубѣла, одичала жизнь цѣлыхъ сотенъ и тысячъ деревень? И пусть бы народъ глухъ былъ къ Божьему слову, не отзывался на добрый призывъ! А то вѣдь религіозности въ народѣ непочатый край: „Всѣ любятъ священное писаніе, любятъ нѣжно, благоговѣйно,—говоритъ Чеховъ,—но нѣтъ ни у кого книгъ писанія, некому читать, некому объяснять“. Темная деревня! Бѣдный народъ!

Начало.

«Идите наипаче къ погибшимъ овцамъ дома израилева; ходя же, проповѣдуйте, что приблизилось Царствіе Небесное» (Мѳ. X гл., 6—7 ст.).

Ходилъ Іисусъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ іудейскимъ, проповѣдуя Евангеліе Царствія Божія. Ходилъ годъ, другой. Вездѣ Его окружали толпы народа. Въ притворѣ іерусалимскаго храма, на вершинѣ пустынной горы, среди засѣянныхъ полей, на берегу озера сотни и тысячи слушателей жадно внимали каждому Его слову.

Истомились люди неправдою жизни.

Какъ изъ душной комнаты на свѣжій, чистый воздухъ рвались они къ правдѣ Божіей. И слово Христово дышало такою любовью, такъ ясно говорило народу о его неправдахъ, сулило такую радость чрезъ обновленіе жизни, что оно было людямъ дороже хлѣба.

Книжники и фарисеи презирали народъ, говорили о немъ:

„Проклятъ народъ сей, невѣжда въ законѣ“.

Они считали свою паству грубою, глухою къ Божьему призыву и не учили ее.

Спаситель же, видя толпы жадныхъ слушателей, говорилъ, что люди алчутъ правды, только не знаютъ, гдѣ ее найти, — что надо сумѣть подойти къ нимъ, что народъ грубъ потому, что не слышитъ добраго наученія. Народъ, такъ сказать, „запаршивѣлъ", какъ заброшенное безъ призора стадо. Не слышатъ люди проповѣди Божіей, не видятъ ниоткуда заботы о себѣ, они и одичали, бродятъ, какъ овцы, не имѣющія пастыря. Но вотъ послышался голосъ Христовъ, раздалось по городамъ и селеніямъ слово о Царствѣ Божіемъ, и народъ потянулся къ Учителю. Тѣснятся къ Нему несмѣтными толпами, бѣгутъ десятки верстъ съ одной стороны на другую, чтобы еще послушать Его, забываютъ за проповѣдью о ѣдѣ. Видя все это, жалѣлъ Іисусъ толпы народа и говорилъ ученикамъ своимъ: „Жатвы много, а дѣлателей мало. Молите Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву Свою" (Мѳ. IX гл., 35—38 ст.).

Но пока придутъ дѣлатели, нельзя оставить пшеницу Божью осыпаться: течетъ зерно, надо собирать его. Поэтому, призвавъ двѣнадцать учениковъ Своихъ, Іисусъ послалъ ихъ и заповѣдалъ имъ, говоря: „На путь къ язычникамъ не ходите и въ городъ самарянскій не входите, а идите наипаче къ погибшимъ овцамъ дома израилева. Ходя же, проповѣдуйте, что *приблизилось* Царствіе Божіе".

Впослѣдствіи, разставаясь съ учениками навсегда, Іисусъ скажетъ имъ: „Идите, *научите всѣ народы*, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ“ (Мѳ. XXVIII, 19—20).

Теперь же Онъ строго ограничиваетъ предѣлы проповѣди учениковъ: „Къ язычникамъ не идите и къ самарянамъ не входите, а идите *только* къ погибшимъ овцамъ дома израилева“.

Дѣло проповѣди Христовой *по всему міру* — дѣло великое, не всѣмъ по силамъ; оно требуетъ многихъ великихъ качествъ духа, долгой подготовки. Тутъ требуются ни одни слова; необходима самоотверженная любовь, необычайная кротость, способность проявить на себѣ всѣ заповѣди Спасителя.

Злое сердце можно смягчить только сердечною же любовью. Иначе, одни слова любви безъ соотвѣтствующихъ имъ дѣлъ пробудятъ только раздраженіе, будутъ распалять злобу людей, какъ красный цвѣтъ разъяряетъ быка.

Къ нѣкоему восточному медрецу и учителю любви подошелъ однажды ученикъ и просилъ разрѣшенія итти къ язычникамъ и проповѣдывать имъ новое ученіе жизни.

„— Собираясь готовить людей для новой жизни, готовъ ли ты самъ для нея?— спросилъ учитель.

— Испытай, учитель!— отвѣтилъ ученикъ.

— Ты собираешься итти къ чужимъ тебѣ людямъ. Невѣдомый для нихъ пришелецъ, ты встрѣтишь большую непріязнь. Грубые, жестокіе,

они не будутъ понимать смысла твоихъ словъ правды и любви. Они осмѣютъ твои самыя сердечныя рѣчи. Что подумаешь ты о нихъ, какъ отнесешься къ нимъ, когда въ отвѣтъ на твой призывъ къ чистой, любовной жизни они отвѣтятъ презрительнымъ смѣхомъ?

— Я отнесусь къ нимъ съ благодарною любовью, — сказалъ ученикъ; — буду думать, что они очень добрые люди: они могли бы бранить меня, а они только смѣются.

— Ну, а если они за твою проповѣдь правды имъ станутъ и бранить тебя?

— Я подумаю о нихъ: вотъ добрые люди; они бранятъ меня только, а если бы хотѣли, могли бы побить.

— И то можетъ случиться. Не смущенный ихъ бранью, ты дальше будешь дѣлать твое дѣло. Они, раздраженные, побьютъ тебя: станутъ бить палками, кидать камнями. Какъ ты тогда къ нимъ отнесешься?

— Я буду ихъ благодарить съ любовью: они могли бы колоть меня копьями, рубить мечами, могли бы убить, наконецъ, а они только били меня.

— Жди и этого. Будь готовъ встрѣтить и тяжкія раны и самую смерть. Злоба людей не знаетъ мѣры. Чѣмъ больнѣе люди глазами, тѣмъ имъ непріятнѣе свѣтъ солнца.

„Много великихъ праведниковъ пролили кровь, пріяли смерть за свою чистую любовь къ людямъ. Тебя легко можетъ постигнуть

та же участь. Что ты тогда скажешь, когда мечъ повиснетъ надъ твоею головою!"

— Я съ благодарной молитвой обращу взоръ къ небу: „Боже, ты призываешь недостойнаго меня къ себѣ? Великъ и благъ Ты? Яви же милость Твою этимъ людямъ. Пусть кровь моя, пролитая здѣсь за Твою истину, взойдетъ въ сердцахъ людей любовію и правдой".

Обнялъ мудрецъ ученика, благословилъ и сказалъ:

— Иди! Готовый самъ для новой жизни, приготовляй другихъ. Какой бы ледъ ни былъ въ сердцахъ людскихъ, — любовь, какъ солнце, все растопитъ".

Подобной готовности съ самоотверженною любовью и полной кротостью нести распущеннымъ язычникамъ и враждебнымъ самарянамъ Христову правду у апостоловъ въ ту пору, когда ихъ посылалъ Учитель, еще не было. Когда восходитъ солнце, оно не сразу освѣщаетъ міръ: сначала вершины, потомъ всю землю, а затѣмъ ужъ и пропасти, и стремнины. Такъ и свѣтъ Христовъ постепенно озарялъ всѣ стороны сердца апостоловъ, всѣ изгибы ихъ души. На первыхъ порахъ своего обѣщанія съ учениками Спаситель часто останавливалъ и вразумлялъ ихъ. Апостолы часто спорили между собой о первенствѣ; спрашивали, какая будетъ имъ награда за то, что они все оставили и пошли вслѣдъ за Іисусомъ; распалялись гнѣвомъ, хотѣли молиться о сожженіи самарянъ

которые не пустили ихъ сквозь селенiе; не понимали необходимости страданiя за дѣло спасенiя людей, говорили Спасителю: „Господи, не дѣлай этого (т.-е. не иди на крестъ), пожалѣй Себя“. Поэтому Iисусъ и ограничиваетъ мѣсто проповѣди посылаемыхъ учениковъ, говоря: „На путь къ язычникамъ не ходите и въ городъ самарянскiй не входите“. Чтобы говорить съ глухими, надо имѣть особо громкiй голосъ, чтобы врачевать безъ боли тяжкiя раны, необходимы мягкiя, нѣжныя, любовныя руки. Апостолы *пока* еще были на это неспособны. Въ ихъ рѣчахъ и поступкахъ проскальзывала жестокость, раздражительность. Это не привлекло бы, а оттолкнуло бы язычниковъ и самарянъ отъ новаго ученiя. Иное дѣло iудеи. Здѣсь не камень, не убитая дорога, здѣсь вспаханное поле. Земля ждетъ посѣва. Люди мучаются духовнымъ голодомъ. Толпы блуждаютъ, какъ овцы, не имѣющiя пастыря, бросаются туда и сюда, ищутъ, кто бы научилъ ихъ путямъ жизни.

Какъ земля, истомленная зноемъ, жаждетъ влаги, такъ народъ томится жаждою правды Божьей.

— Посмотрите на эти вѣчныя толпы народа, которыя тѣснятся всюду вокругъ насъ, — говорилъ Спаситель ученикамъ. — Вѣдь это нивы Божiя, которыя давно уже поспѣли къ жатвѣ. Онѣ созрѣли для житницы Господней. Приходи лишь и бери. Идите же вы къ этимъ безпри-

зорнымъ овцамъ, возвѣстите слово спасенія погибшему стаду израилеву.

Сами апостолы *пока* и іудеямъ даже не могли раскрыть пути жизни. Они много еще не знали, уразумѣли послѣ (Ін. XIII, 7). Поэтому Іисусъ не поручаетъ имъ пока проповѣдь Евангелія Царства Божія. Въ 35 стихѣ IX главы Ев. Мѳ. о Самомъ Спасителѣ мы читаемъ, что онъ ходилъ, *проповѣдуя Евангеліе Царствія.* Ученикамъ же Онъ говоритъ: „Ходя, проповѣдуйте, что *приблизилось* Царство Небесное“, т.-е. предметомъ проповѣди апостоловъ не должно было быть раскрытіе законовъ и основъ Царства Божія, которое они и сами пока еще не вполнѣ уразумѣли, а только вѣсть о томъ, что Царство Божіе приблизилось, что новая жизнь возможна, что средство отъ золъ и страданій найдено. Если же кто хотѣлъ знать, что такое Царство Божіе, какъ найти его, за этимъ пусть идетъ къ Самому Учителю. Дѣло учениковъ пока было оповѣстить всѣхъ алчущихъ истины о томъ, что Истина пришла на землю и что эта Истина—Іисусъ Христосъ. Настало утро новой жизни, взошло солнце истины надъ землей, а тысячи людей томились въ сырыхъ подвалахъ и мрачныхъ подземельяхъ. Іисусъ посылалъ учениковъ къ этимъ людямъ вызвать ихъ къ свѣту.

Такая задача посильна и обязательна и для насъ. Итти на край земли, нести проповѣдь

Евангелія язычникамъ, — этотъ подвигъ не для всѣхъ. У многихъ не хватитъ силы духа, нѣтъ должнаго жара души; но обратиться съ словомъ призыва къ Евангелію къ своимъ ближнимъ, темнымъ и заблудшимъ овцамъ родного стада, повернуть, позвать на ниву Христову — это можетъ сдѣлать каждый. Что мы сами не сильны въ разумѣніи Евангелія, это не препятствіе. *Пока* ты не толкуй Евангеліе: ты только укажи его людямъ, тверди имъ: „здѣсь истина, здѣсь разрѣшеніе всей путаницы жизни". Евангеліе само окажетъ свое дѣйствіе; ты только подведи людей къ нему. Пусть люди хоть краемъ уха прильнутъ къ нему; хоть однимъ глазомъ заглянутъ на его страницы, пусть хоть только въ руки возьмутъ его, — Евангеліе, какъ шестерня машины, захватитъ цѣпко человѣка и втянетъ его цѣликомъ. Впослѣдствіи, общими силами многихъ, или каждый въ одиночку, мы, съ Божіею помощью, уразумѣемъ и смыслъ Евангелія; теперь же, *пока* такъ мало даже внѣшняго знакомства съ Евангеліемъ, будемъ неустанно твердить: „пока не возьмешь планъ мѣстности — заблудившись, не выберешься на дорогу; пока не возьмешься за Евангеліе, — не разберешься въ путаницѣ жизни". Чтеніе Евангелія это—азы, начало поворота къ новой жизни. Азы еще не самая наука, но безъ азовъ нельзя учиться, и кто научитъ ближняго азамъ, тотъ откроетъ ему доступъ ко всей му-

дрости. Пойдемъ же къ погибшимъ овцамъ дома нашего и, ходя, будемъ проповѣдывать: „приблизилось Царство Небесное, есть путеводная нить, чтобы выбраться намъ изъ потемокъ жизни къ свѣту“. Будемъ учить темныхъ братій нашихъ азамъ. Это всѣмъ намъ по силѣ и общій нашъ долгъ.

Дороже хлѣба.

Въ Холмѣ, на ярмаркѣ, послѣ обѣдни книгоноша общества распространенія священнаго Писанія разложилъ Евангелія, Псалтири и Библіи. Народъ обступилъ продавца, смотрѣлъ книги,, но никто ничего не покупалъ.

— Денегъ нѣтъ, — жаловались всѣ. — Хлѣбъ нынче плохо родился.

— Если денегъ нѣтъ,—сказалъ бывшій тутъ горожанинъ, — корову продаешь и хлѣбъ покупаешь. Такъ же надо поступить и тутъ. Эта книга, Евангеліе, необходимѣе хлѣба. Вотъ что говоритъ Спаситель: „У кого есть кафтанъ, продайте и купите себѣ мечъ“, не желѣзный мечъ, намъ такого не надо, это противъ плоти, а намъ нуженъ мечъ духовный, противъ темной силы, противъ грѣха.

Стали покупать.

Подошелъ молодой парень, взялъ три Новыхъ Завѣта по 30 копеекъ и спрашиваетъ:

— Нѣтъ ли еще чего на 10 копеекъ. Такъ и будетъ ровно на рубль; всѣ деньги уйдутъ на священныя книги. У меня только и денегъ былъ рубль. Хотѣлъ разныхъ нужныхъ вещей купить, да обойдется: эти вещи всегда есть на

базарѣ, а священнаго вотъ Писанія объ иную пору годами не сыщешь. А что это за книга, толстая, и что она стоитъ?

— Библія это,—отвѣчаетъ книгоноша,—стоитъ три рубля. Здѣсь вся воля Божія раскрыта отъ перваго дня творенія міра до послѣдней кончины всего.

— Эхъ! — вздохнулъ парень. — Горе, денегъ нѣтъ! Если бы кто далъ три рубля за кафтанъ, продалъ бы и купилъ Библію.

Парень снялъ кафтанъ, сталъ предлагать его для продажи. Больше рубля не давали. Опечалился парень.

— Видно, не судьба. Погожу, Богъ приведетъ, куплю когда-нибудь послѣ. И то счастье, что Евангелія хоть купилъ.

— Да зачѣмъ вамъ три Новыхъ Завѣта? — полюбопытствовалъ книгоноша.

— Не для себя, для товарищей. У меня ужъ есть Евангеліе, оно пробудило меня отъ смертнаго сна,—хочется и другихъ привести къ тому же. Когда вѣдь пожаръ начинается ночью, проснешься самъ, начинаешь будить и сосѣдей. Я удивляюсь даже, какъ у насъ, на Руси, спокойно смотрятъ на этотъ общій сонъ. Надо бы вездѣ бить въ набатъ, кричать повсюду: „Вставайте, просыпайтесь, протирайте сонные глаза“, а у насъ въ кои-кои вѣки дождешься, что вотъ вы или кто другой занесетъ священную книгу: ударитъ разъ-другой въ колоколъ, стукнетъ тебѣ въ сердце, какъ въ окно, а потомъ опять

все стихнетъ, опять тѣ же потемки и мертвый сонъ. Не съ кѣмъ даже побесѣдовать объ этомъ по душѣ, а на сердцѣ накопилось много: многое мнѣ непонятно, надо бы поразспросить свѣдущаго человѣка. Хорошо бы съ вами поговорить, да вы, вишь, укладываетесь, собираетесь ѣхать. Куда вы ѣдете?

— Въ Торопецъ. У меня уже и подвода нанята.

— Въ Торопецъ? — всплеснулъ парень руками. — Да я бы съ радостью подвезъ васъ; я самъ ѣду туда. Дайте нанятому полтинникъ отступного, а я за Библію отвезу васъ: дорогой побесѣдуемъ.

Такъ и устроили. Ѣдучи, парень разсказалъ свою исторію.

— Наши парни и дѣвушки собираются на „супретки" (посидѣлки) и частенько нехорошо себя тамъ ведутъ. Мнѣ это было не по сердцу. Запримѣтилъ я тамъ дѣвушку, которой озорство на супреткахъ тоже было не по нраву. Мы слюбились и повѣнчались. Случилось потомъ вскорѣ быть въ городѣ, на базарѣ; гляжу, среди книгъ лежитъ старое Евангеліе съ надписью на переплетѣ: „Для русскаго народа", купилъ его, сталъ читать. Вначалѣ ажъ духъ спирало въ груди. Какъ бѣльма сняло съ глазъ: радостно, что свѣтъ вдругъ увидѣлъ, и страшно, что въ такой жизни всѣ пребываемъ. Сталъ своимъ говорить: „Какъ это такъ, мы живемъ и ни чуточку не подумаемъ, для чего

мы живемъ; ровно скотина неразумная: — сыта, брюхо набила, тепло, лежитъ въ покоѣ и довольна".

— А тебѣ чего же еще? — вскинулась мать.

— Не мнѣ,—говорю,—маменька, чего, а всѣмъ намъ, православнымъ, подумать надо, какъ жизнь по-Божьи устроить. Въ Писаніи вотъ сказано: „Богъ есть Духъ и кто кланяется Ему, духомъ и истиной должны поклоняться". А мы какъ кланяемся: спиной одной? Такъ вѣдь это мы богатею иному еще ниже другой разъ кланяемся; а ты и тѣломъ предъ Богомъ склонись, да и душой, главное, ему послужи: живи по правдѣ и истинѣ; не о томъ думай, какъ бы тебѣ лучше, пріятнѣе, а какъ Богу угоднѣе.

— Да ты что? Священникъ какой али монахъ?—вскрикнула мать.—Гляньте, дѣвоньки!— обратилась она къ моимъ сестрамъ, — парень ума рѣшился.

Сестры стали смѣяться; отецъ больной на печи лежитъ, только головой качаетъ; жена, видя все это, заплакала.

Я не смутился и говорю:

— Слово Господне не можетъ лишить разума; оно, наоборотъ, на умъ наставитъ. Въ Писаніи сказано: „Откровеніе Господа умудряетъ простыхъ; заповѣдь Господа свѣтла, просвѣщаетъ очи".

Глухой младшій братъ видѣлъ, что у насъ какая-то смута, а не понималъ, въ чемъ дѣло. Я показалъ ему Евангеліе, на свое сердце и на

небо. Онъ—грамотный; я раскрылъ ему нагорную проповѣдь Христа Спасителя. Братъ прочелъ, долго сидѣлъ, о чемъ-то задумавшись, а потомъ вздохнулъ и говоритъ:

— Правъ ты, Василій, правъ!

Очень я обрадовался. Съ тѣхъ поръ мы оба стали читать Евангеліе. Стали прислушиваться и сестры; жена, та давно, оказалось, полюбила Евангеліе, да боялась признаться, что матушка станетъ бранить и ее, какъ меня. Мы же съ братомъ стали ходить по деревнѣ, читать слово Христово народу, и многіе, которые сначала смѣялись надъ нами, потомъ стали слушать. Нѣкоторые просили Евангеліе оставить имъ однимъ почитать; и такъ, ходючи по рукамъ, книга совсѣмъ состарилась, обтрепалась, зато мы пообновились душой. Прежде народъ былъ какой-то—какъ дикій; не только что не было думы о томъ, какъ постоянно Богу служить, а и къ церковной-то службѣ лѣнивы были. Пріидетъ праздникъ, соберутся къ церкви да почесть все время и пролежатъ, какъ борова, вдоль ограды на солнышкѣ или въ сторожкѣ просидятъ, накурятъ, ажъ тошно станетъ, и все пустяковину несутъ. Теперь по праздникамъ, и за утреней и за обѣдней, церковь полна, а между службами собираются въ сторожку; одинъ читаетъ, другіе слушаютъ, и зерно Христово сѣется понемногу. Заросло сердце наше густо всякой сорной травою, ну, да ничего: слово Божіе все осилитъ и все очи-

ститъ, чаще бы только слышалось оно, шире распространялось. Право же, обидно, даже стыдно сознаться: живемъ мы въ христіанской странѣ, и кабакъ, водка, курево есть въ самыхъ глухихъ углахъ, въ самыхъ дальнихъ деревняхъ, а книгу жизни, святое Евангеліе, слово Христово надо и въ уѣздныхъ городахъ сторожить мѣсяцами, а то и годами, словно диковинную какую заморскую птицу. Спасибо, что вы вотъ не оставляете насъ, ходите по всей губерніи; нѣтъ-нѣтъ и заглянете къ намъ, зажгете Божій огонекъ.

Пріѣхали въ Торопецъ. Книгоноша далъ парню обѣщанную Библію. Тотъ перекрестился, раскрылъ священную книгу, поцѣловалъ ее и на прощанье крѣпко пожалъ руку книгоношѣ. Парню надо было свернуть въ сторону; онъ пустилъ лошадь свободно, шагомъ, а самъ раскрылъ Библію и сталъ читать. Книгоноша долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, и ему вспомнились слова Спасителя къ апостоламъ: „Посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ“.

Голосъ Божій.

Въ Москвѣ былъ совершенъ рядъ грабежей. Вездѣ дѣло было сдѣлано „чисто". Видимо, работала опытная рука. Передъ грабежами незадолго изъ пересыльной тюрьмы бѣжалъ бывшій каторжникъ. Очевидно, это была его работа, но схватить или даже напасть на слѣдъ никакъ не удавалось. Полиція сбилась съ ногъ, но все напрасно, а грабежи становились смѣлѣе и смѣлѣе.

На окраинѣ Москвы жила коровница, жадная старушонка, которая промышляла растовщичествомъ, покупкой краденаго и вообще темными дѣлами. Полиція нѣсколько разъ дѣлала обыскъ у нея и уходила ни съ чѣмъ. Какой-то нюхъ ищейки говорилъ, впрочемъ, главному сыщику, что бѣглый укрывается гдѣ-нибудь здѣсь, у коровницы. Не говоря никому ни слова, онъ отъ себя поставилъ двухъ переодѣтыхъ помощниковъ слѣдить день и ночь за всѣмъ, что происходитъ въ домѣ старушонки. Прошло дня три, ничего подозрительнаго не замѣчалось. Наступилъ канунъ Рождества. Дежурный съ утра послѣдній разъ пошелъ для наблюденій. Послѣ обѣда начальникъ, придя спровѣдать, какъ обстоитъ дѣло на посту, узналъ, что, когда стемнѣло, на задворкахъ у коровницы

съ улицы кто-то перебрался черезъ заборъ и сейчасъ же почти скрылся куда-то, словно провалился сквозь землю. Начальникъ отправилъ подчиненнаго за подмогой, а самъ сталъ зорко осматривать каждую доску на задворкахъ. Въ одномъ углу двора лежала груда гнилыхъ досокъ. Онъ внимательно обошелъ груду и подъ одной изъ досокъ увидѣлъ щель; приподнялъ доску — большая темная яма. Не дожидаясь помощниковъ, онъ вынулъ револьверъ и спустился въ яму. Чиркнулъ спичкой,—пусто; яма— большое подземелье, но въ ней—ни души. Вдругъ ему въ глаза ярко блеснулъ снопъ свѣта. Сбоку неожиданно раскрылась дверь, оттуда свѣтъ лампы давалъ на сыщика яркое пятно, а на порогѣ съ ружьемъ въ рукѣ, цѣлясь почти въ упоръ, стоялъ бѣглый каторжникъ.

— Ни съ мѣста, незваный гость. Шевельнешь рукой,— уложу безъ покаянія. Твори молитву, послѣдній твой часъ насталъ. Не звалъ я тебя, на себя пеняй.

Что оставалось дѣлать? Ружье было наведено. Пока достанешь револьверъ изъ кармана, куда сыщикъ положилъ его, зажигая спичку, разбойникъ успѣетъ сдѣлать выстрѣлъ. Смерть казалась неизбѣжной. Вся минувшая жизнь съ головокружительной быстротой проносилась въ рядѣ картинъ, а сердце мучительно ныло.

— Ау! — крикнулъ разбойникъ. — Крестись, стрѣляю.

Вдругъ совершилось нѣчто неожиданное. „Бумъ, бумъ, бумъ“, — пронеслось надъ Мо-

сквою. На Иванѣ Великомъ ударили въ колоколъ къ рождественской всенощной. Разбойникъ бросилъ ружье, перекрестился и сказалъ сыщику:

— Вяжи меня!.. Господи, милостивый Боже!.. Христосъ родился... Сынъ Божій на землю пришелъ, а я чуть было живую душу объ эту пору не убилъ... Бери меня.

Разбойникъ стоялъ безоружный и съ просвѣтленнымъ, преображеннымъ лицомъ благоговѣйно крестился. Перекрестился и сыщикъ.

— Милость за милость, — сказалъ онъ. — Не могу и я тебя вязать. Иди, пока не пришли мои помощники.

Оба забыли, что они только что шли съ оружіемъ другъ на друга. Божій колоколъ у обоихъ дошелъ до сердца, и люди хоть на минуту вспомнили, что они не враги, а братья. Мѣдь звенящая и та переродила людей. А что было бы, если бы съ такой же силой, какъ гулъ колокола съ Ивана Великаго надъ Москвой, надъ Русью православною проносилось слово Божіе. Отчеты книгоношъ „Общества распространенія священнаго Писанія“ полны поразительныхъ примѣровъ воздѣйствія отдѣльныхъ, случайныхъ, во-время сказанныхъ библейскихъ словъ.

Случилось одному книгоношѣ быть въ первый разъ въ казармѣ. Ходитъ изъ помѣщенія въ помѣщеніе, предлагаетъ священныя книги; не берутъ, а кой-гдѣ еще и насмѣхъ подымаютъ.

— Мы этого, братецъ мой, не пьемъ. Ты бы лучше бутылочку принесъ, ходчѣе дѣло пойдетъ,— покупателей не оберешься.

— Напрасно не пьете, — отвѣчалъ книгоноша. — Я бы вамъ очень совѣтовалъ отвѣдать этой книги; это—источникъ „живой воды“. Послѣ бутылки и въ головѣ туманъ и на душѣ скверно, похмелье ломаетъ все тѣло; а послѣ питья изъ этого источника свѣтлѣе становится и голова и сердце, да и вся жизнь прямѣе идетъ. Послушайте, что Самъ Господь Іисусъ Христосъ говоритъ о „живой водѣ“; и книгоноша читаетъ изъ Евангелія отъ Іоанна — IV главу, бесѣду съ самарянкой. Внимательно выслушали солдатики чтеніе.

— Правду, добрый человѣкъ, сказалъ, что твои книги — источникъ живой воды; прости нашу глупость.

Нѣсколько человѣкъ купили по Новому Завѣту.

Въ другомъ помѣщеніи оказались офицеры. Обступили книгоношу, стали шутить.

— Некогда, братъ, намъ твой товаръ читать; намъ надо воинскій уставъ учить, да и знаемъ мы все это, въ школѣ насъ заставляли читать.

— Въ школѣ, господа офицеры, — сказалъ книгоноша, — васъ заставляли читать, а вы теперь сами почитайте; тамъ вы были малыши, мало и понимали; почитайте теперь, увидите, что многаго не понимаете, что многое въ жизни идетъ плохо потому, что не знаемъ мы Писа-

нія. Спаситель говорилъ: „Заблуждаетесь, не зная Писанія, ни силы Божіей“.

„Что царскій уставъ изучаете, это—хорошо; только я такъ полагаю, что уставъ Царя небеснаго еще важнѣе знать. Не зная воли Царя небеснаго, нельзя служить хорошо и царю земному. А что у васъ времени нѣтъ читать святое Писаніе, это—пустая отговорка. Царь Давидъ, надо полагать, имѣлъ занятій и дѣла, по управленію царствомъ, больше вашего, а онъ, какъ самъ говоритъ, поучался въ законѣ и день и ночь“.

— Старикъ-то вѣдь умно разсуждаетъ,—заговорили офицеры; стали разсматривать принесенныя имъ книги и взяли, кто—Новый Завѣтъ, кто—одни Евангелія, кто—Псалтирь, а двое купили по Библіи.

Другой книгоноша ѣхалъ на пароходѣ по Волгѣ. Пароходъ былъ громадный, ѣхали сотни людей. Заходитъ онъ въ буфетное помѣщеніе. Столы заставлены бутылками, накурено, громкій говоръ, раскаты смѣха. Съ самаго края сидѣлъ какой-то военный. На предложенный вопросъ книгоноши, не надо ли книгъ слова Божія,—онъ грубо отвѣчалъ: „Я тебѣ, почтенный, такое слово скажу, что три дня помнить будешь. Иди-ка по добру, по здорову отсюда; здѣсь не мѣсто для твоихъ поученій!

— Что жъ, господинъ? Я уйду. Спаситель сказалъ: „Если гдѣ васъ будутъ гнать, идите въ другое мѣсто“. Только вы это ошибочно думаете, что будто бы здѣсь не мѣсто предла-

гать слово Божіе. Для слова Божія вездѣ мѣсто. Спаситель повелѣлъ проповѣдывать Евангеліе всей твари, т.-е. всякому человѣку. А если я обидѣлъ чѣмъ васъ, простите.

Книгоноша не успѣлъ выйти изъ буфета за двери, раздались крики:

— Вернитесь, вернитесь! Дайте сюда ваши книги, — кричало нѣсколько голосовъ. — Вы это очень хорошо сказали, что слово Божіе надо вездѣ проповѣдывать. Здѣсь, за бутылками, оно, пожалуй, еще необходимѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Купили болѣе десяти Евангелій. Взялъ Новый Завѣтъ и военный.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ книгоноша пришелъ на баржу. Матросы, видя его большую кожаную сумку съ книгами, смѣясь, говорили: „Ты бы намъ лучше въ твоемъ чемоданѣ пироговъ принесъ, мы бы купили, а до книгъ мы не охочи“.

— А вы знаете, что въ этихъ книгахъ написано?

— Не читавши, почемъ знаемъ?

Тогда книгоноша прочелъ изъ посланія апостола Павла къ Филиппійцамъ гл. IV, ст. 6:

„Не заботьтесь ни о чемъ, но всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ открывайте свои желанія предъ Богомъ“.

Въ это время нашла большая туча; раздался сильный ударъ грома. Всѣ вздрогнули и перекрестились. Книгоноша замѣтилъ это и сказалъ:

— Мы одну минуту слышали громъ и невольно вздрогнули и перекрестились. Какъ же намъ не страшенъ громъ Христовыхъ словъ, которыя гремятъ девятнадцать сотенъ лѣтъ.

Затѣмъ онъ раскрылъ ев. Луки, XI гл., 28 ст. и прочелъ: „Блаженны слышащіе слово Божіе и соблюдающіе его". Тутъ всѣ матросы купили себѣ по Новому Завѣту, а водоливъ — Библію.

Другой книгоноша остановился покормить на постояломъ дворѣ лошадь. Тутъ же были извозчики. Они сидѣли за столомъ, ужинали; на столѣ стояла чашка съ капустой и квасомъ и полчетверти водки. Когда они выпили по стаканчику, — стали вести неприличный разговоръ и старались другъ передъ другомъ сказать что-нибудь посмѣшнѣе и повольнѣе. Я сидѣлъ немного подальше. Одинъ изъ нихъ сталъ говорить: „Вотъ умный господинъ сидитъ, а мы болтаемъ; ему, небось, надоѣло насъ слушать". А другой прибавилъ: „А ты ему поднеси для компаніи,—и налилъ чайную чашку вина.—Выпей-ка, добрый господинъ, не погнушайся".—„Я не пью", говорю имъ. Они, видимо, удивились. А другой замѣтилъ мнѣ, что счастливъ я родился, что не пью. Чтобы отвлечь ихъ отъ неприличнаго разговора, я попросилъ ихъ послушать, что я прочту, и прочелъ изъ посланія Іакова гл. III, ст. 6—11: „Языкъ — огонь, прикраса неправды. Имъ благословляемъ Бога и Отца и имъ проклинаемъ человѣковъ, сотворенныхъ по подобію Божію. Изъ тѣхъ же устъ исходитъ благословеніе и проклятіе: не должно,

братія мои, сему такъ быть". Когда кончилъ читать, тогда они разговоръ перевели на религіозное. Поужинавши, я имъ предложилъ св. книгъ. Они стали смотрѣть; пять человѣкъ купили по Новому Завѣту. Всѣхъ ихъ было шесть, но шестой отказывался купить, говоря: „Некому у меня читать, — сынъ еще малъ, всего пять лѣтъ"; но ему товарищи посовѣтовали купить; говорили ему: „ты не увидишь, какъ онъ подрастетъ, — и книга у тебя будетъ готова!" Такимъ образомъ, всѣ они купили по св. книгѣ.

Въ артиллерійскомъ лагерѣ подъ Варшавою заходитъ книгоноша въ „хлѣбную команду" (заготовляющую хлѣбъ для лагеря, — около 200 ч.). Солдаты сидѣли за обѣденнымъ столомъ; одинъ изъ нихъ читалъ сказку, прочіе слушали. Т. предлагаетъ св. книги: Евангелія, Новые Завѣты. „О, это *божественное*! Намъ не нужно, — говорятъ, — никто не будетъ слушать, когда читаешь божественную книгу; а какъ сказку читаешь, такъ вонъ сколько слушателей есть!" Т., раскрывъ 1 посланіе къ Тимоѳею, сталъ имъ читать изъ главы I ст. 15: „Вѣрно и всякаго принятія достойно слово, что Христосъ Іисусъ пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ", а затѣмъ изъ гл. IV ст. 16: „Вникай въ себя и въ ученіе; занимайся симъ постоянно: ибо, такъ поступая, и себя спасешь и слушающихъ тебя". — „Сказка не спасетъ, — прибавилъ онъ, — чтеніе Евангелія спасетъ". Тогда подходятъ трое и покупаютъ себѣ, одинъ — Еванге-

ліе, а двое другихъ—по Новому Завѣту.—„Что это такое за толстая книга?“ спрашиваетъ унтеръ-офицеръ, указывая на Библію. — „Библія“, отвѣчаетъ Т. — „Ахъ, Библія не для нашего брата, это — для священника; да и отъ Библіи съ ума сойдешь!“—„Напротивъ,—возражаетъ книгоноша и прочитываетъ ему изъ псалма 18: — „Законъ Господень совершенъ, укрѣпляетъ душу; откровеніе Господа вѣрно, умудряетъ простыхъ; повелѣнія Господа праведны, веселятъ сердце; заповѣдь Господа свѣтла, просвѣщаетъ очи“. И изъ книги пророка Исаіи, гл. LV, ст. 11: „Слово Мое“, — говоритъ Господь, — исполняетъ то, что Мнѣ угодно, и совершаетъ то, для чего Я послалъ его“. — Библію, по слову Божію, нужно читать всю“, — и далъ прочесть 2 посл. Петра, I, 21: „Ибо никогда пророчество не было произносимо по волѣ человѣческой, но изрекали его святые Божіи человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ“, и еще 2 посл. къ Тимоѳею, III, 16: „Все Писаніе Богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности“.

— Въ самомъ дѣлѣ надобно купить, — соглашается, наконецъ, унтеръ - офицеръ и покупаетъ Библію, когда книгоноша сравнилъ еще ее съ воинскимъ уставомъ, исполненіе коего обязательно для каждаго воина, а христіане — воины Христа.

Да, христіане, дѣйствительно, воины Христовы. Подъ начальствомъ Христа Спасителя

они должны вести непрестанную борьбу противъ всяческой тьмы: неправды, злобы, распутства. Только спитъ все это воинство, позорно спитъ тяжелымъ сномъ. Нужно бить тревогу. Нуженъ громкій голосъ, который бы будилъ спящихъ. Рождественскій колоколъ пробудилъ совѣсть даже въ закоренѣломъ злодѣѣ. Разумное при случаѣ слово книгоношъ также всегда доходило до сердца. Какъ же бы встрепенулась душа народная, какъ прояснилась бы совѣсть въ людяхъ, если бы голосъ Божій, призывъ къ сошедшему на землю Сыну Божію слышался не въ гулѣ праздничныхъ колоколовъ только, не случайныхъ, рѣдкихъ то тамъ, то сямъ рѣчахъ книгоношъ, а въ постоянной, живой, искренно воодушевленной пастырской проповѣди, въ каждомъ храмѣ, за каждой службой!

Теперь настало время благопріятное. Народъ начинаетъ сильно томиться голодомъ правды евангельской. Мы, имущіе хлѣбъ духовный, стоящіе у источника живой воды, должны этотъ голодъ утолить. Наши личныя немощи— не оправданіе. Сила Божія и въ немощахъ совершается. Голосъ Божій и черезъ колоколъ до сердца людского доходитъ. Будемъ этимъ колоколомъ.

Книжный голодъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время голодовки въ Заволжьѣ, я ѣздилъ въ Казанскую губернію. Хотѣлось побывать на мѣстѣ народной нужды, собственными глазами убѣдиться въ размѣрахъ тяжелой бѣды. Въ Казани направился къ предсѣдателю губернской земской управы.

— Скажите, пожалуйста, въ какой уѣздъ мнѣ ѣхать, чтобы составить ясное представленіе, насколько голодъ, дѣйствительно, истомилъ деревню?

— По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, — отвѣчаетъ предсѣдатель управы, — бѣдственнѣе всего теперь положеніе Чистопольскаго уѣзда. Если хотите видѣть весь ужасъ голодной деревни, поѣзжайте туда. Горя насмотритесь вдоволь. Въ Чистополѣ зайдите въ уѣздную земскую управу, тамъ вамъ укажутъ, куда проѣхать.

Цѣлую ночь ѣхалъ пароходомъ по Камѣ. Пріѣхалъ въ Чистополь рано утромъ; часа три пришлось ждать открытія управы.

— Будьте добры намѣтить мнѣ рядъ деревень, гдѣ я бы могъ живѣе почувствовать

тяжесть народной голодовки,—прошу въ управѣ.—Меня изъ Казани направили въ вашъ уѣздъ, какъ въ наиболѣе пострадавшій отъ недорода.

— Ну, это сказали вамъ въ Казани совершенно напрасно,—отвѣтили мнѣ въ управѣ.— Если вамъ хочется видѣть вопіющія картины нужды, вамъ нужно ѣхать въ Спасскій уѣздъ, а у насъ вы ничего особеннаго не увидите. У насъ деревня живетъ обычно, какъ и всегда.

Ѣхать въ Спасскій уѣздъ—это значило: одиннадцать часовъ спуститься снова по Камѣ, 3—4 часа плыть потомъ до Спасска, ждать слѣдующаго дня; словомъ, потерять напрасно цѣлыя сутки, а у меня времени было въ обрѣзъ.

„Поѣду, думаю, все-таки тутъ, въ Чистопольскій уѣздъ. Что-нибудь да увижу“. Такъ и сдѣлалъ и не напрасно. Не успѣлъ отъѣхать 10—12 верстъ, какъ попалъ въ деревню, гдѣ уже полгода ни у кого нѣтъ своего хлѣба. На косогорѣ встрѣчаю мужика. Азямъ весь въ заплатахъ. Самъ—кожа да кости. Лицо изможденное. Въ глазахъ затаенная глубокая тоска. Черезъ плечо перекинутъ мѣшокъ. Впалая грудь дышитъ съ трудомъ. Вся фигура выражаетъ безысходную нужду и говоритъ о долгой голодовкѣ.

— Куда бредешь, дядя?

— Домой, родной мой. Ходилъ къ батюшкѣ муки попросить. Дай Богъ ему здоровья, далъ

пудикъ съ походомъ, а то ложись и умирай. Дома уже недѣлю печь не топили. Второй день въ избѣ нѣтъ корки хлѣба.

— Что жъ это тебя такъ бѣда постигла?

— Какое меня? Всѣ на деревнѣ безъ хлѣба сидимъ. Только отцомъ Семеномъ и дышимъ. Съ зимы по-сейчасъ пудова, чай, пятьсотъ роздалъ. Самъ теперь не знаетъ, что сѣять станетъ.

Ѣду двѣ версты дальше и встрѣчаю картину, которой никогда не забыть. Поселокъ въ десять дворовъ. Вся солома содрана съ крышъ. Въ избахъ голыя стѣны да лавки. Мужики разбрелись по округѣ за работай. У дѣтишекъ вздутые животенки, въ лицѣ ни кровинки. Бабы стоятъ толпой понуро, какъ овцы. Видимо, горе обезсилило въ конецъ; всѣ слезы выплаканы, все проѣдено и люди безнадежно опустили голову передъ бѣдой.

„Какого же еще больше горя надо?—разсуждалъ я про себя.—Какъ же меня посылали въ Спасскій уѣздъ знакомиться съ нуждой голодовки, когда вотъ тутъ, подлѣ, въ двухъ часахъ ѣзды отъ города, цѣлыя деревни таютъ, какъ таетъ позднею весною въ излучинахъ оставшійся снѣгъ? Чѣмъ объяснить печальное недоразумѣніе? Неужели они въ управѣ не знаютъ, или это преступное равнодушіе?“

Вернулся назадъ дня черезъ два, сталъ выговаривать въ управѣ.

— Напрасно волнуетесь,—успокаивали меня тамъ.—Это вы, свѣжій человѣкъ, пріѣхали со

стороны, и васъ больно ударило по сердцу. А мы здѣсь свыклись. Повѣрьте, что у насъ есть также сердце, только мы приглядѣлись къ народному горю, и оно не поражаетъ насъ своей силой. Когда больной мѣсяцами хирѣетъ у васъ на глазахъ, вы не замѣтите въ немъ такой перемѣны къ худшему, какъ это бросится въ глаза тому, кто увидитъ его послѣ долгаго перерыва.

Слова были справедливы, но отдавались въ сердцѣ болью, какъ удары молотка по крышкѣ гроба. Кто близко къ деревнѣ, тотъ свыкся съ нищетой и темнотой ея, притерпѣлся, не чувствуетъ всей горечи и остроты бѣды. Кого же она можетъ поразить ужасомъ, тотъ чуждый деревнѣ, пріѣзжій со стороны.

Послѣднихъ деревня многими сторонами своей жизни порой приводитъ прямо въ отчаяніе. Стоишь передъ какою-то стѣною; надо пройти, а выхода нѣтъ. Глаза требуютъ свѣта, грудь хочетъ свѣжаго воздуха, а стѣна все заграждаетъ. И такъ тогда хочется изо всѣхъ силъ ударить по этой стѣнѣ, пробить въ ней дыры къ свѣту, разметать ее съ дороги къ Божьему простору, къ привольной, доброй и разумной жизни.

Вдумайтесь, напр., въ два слѣдующіе, казалось бы, мелкіе и отдѣланные, но удручающіе случаи деревенской жизни. Молодой петербургскій ученый былъ лѣтомъ въ деревнѣ на дачѣ. Деревня въ Новгородской губерніи, верстъ 200 отъ Петербурга, часовъ десять ѣзды.

Отдыха ради столичный профессоръ проводилъ цѣлые дни съ удочкой на рѣкѣ. Ему въ ловлѣ помогалъ деревенскій парень, подростокъ 16 лѣтъ, на видъ смышленый и толковый. Какъ-то разъ пріѣзжій спрашиваетъ его:

— Ты грамоту знаешь, читать умѣешь?

— *А кто жъ его знаетъ,* умѣю или нѣтъ, — задумавшись, съ разстановкой отвѣтилъ парень.

— Какъ такъ: „кто жъ его знаетъ?" Вѣдь ты же знаешь, былъ ты въ школѣ или нѣтъ, — научился читать или не научился?

— Быть-то я въ школѣ былъ,—цѣдилъ слово за словомъ парень,—и читать хорошо тамъ обучился, да давно вѣдь только это было: четыре года прошло, а я потомъ ни одной строчки печатной не видѣлъ. Оно, значитъ, и выходитъ, я самъ не знаю, умѣю читать или нѣтъ.

— Почему жъ ты печатной строчки не видѣлъ? Неужели тебя не тянуло къ книгѣ?

— Охъ, какъ тянуло, баринъ! На первыхъ порахъ послѣ школы такъ тянуло, такъ тянуло, словъ нѣтъ сказать. Особливо зимой. Вечеръ наступитъ рано. На улицахъ пусто. Всѣ по домамъ, а дома тоска. Кажись бы, не пообѣдалъ день, лишь бы книгу достать. Только у насъ во всей округѣ книгъ и въ заводѣ нѣтъ... Теперь ничего, больше не тянетъ.

Какъ вамъ покажется, читатель, это спокойное, равнодушное добавленіе парня: „теперь ничего, больше не тянетъ?" Вѣдь это погребальный звонъ колокола. Сквозь вѣковой дре-

мучій лѣсъ пробился яркій лучъ солнца и освѣтилъ мракъ чащи: заискрилась росинка, заиграла зеленью мурава, бабочки, птички, расправили крылья, ожилъ мертвый уголокъ. Но недолго здѣсь царила радость. Вновь сплотила свои вѣтви дремучая чаща, и въ вѣковомъ лѣсу, гдѣ только что сіяло солнце, снова сырость, сумракъ и мертвый покой.

„Больше парня не тянетъ"; а вѣдь тянуло, тянуло къ свѣту, къ добру; тянуло сильно, до мучительной тоски. И все заглохло. А такихъ ребятъ въ деревнѣ много. Много и деревень такихъ на Руси.

Глохнутъ духовно, впрочемъ, не одни деревенскіе парни; глохнутъ въ деревенской глуши и тѣ, кто призванъ будить это сонное царство.

Подъ Петербургомъ въ августѣ мѣсяцѣ были устроены курсы для учителей народныхъ школъ. Одинъ изъ близко стоявшихъ къ курсамъ предложилъ къ услугамъ учителей въ свободное у нихъ отъ лекцій время свою богатую библіотеку. Занятій на курсахъ было много; лекціи шли съ утра до поздняго вечера, но учителя урывали минуты и жадно набрасывались на книги. Просили книги самаго разнообразнаго содержанія: стихотворенія К. Р., „Прогрессъ и бѣдность" Генри Джоржа, „Дневникъ Башкирцевой" и сочиненія Дарвина. Послѣднее требованіе удивило хозяина библіотеки. Онъ лично обратился къ просившему съ вопросомъ:

— Дарвина я вамъ дамъ; только когда вы его читать будете? Вѣдь его мѣсяцами надо изучать, а у васъ какой-нибудь десятокъ часовъ свободный здѣсь. Да и на что вамъ Дарвинъ въ сельской школѣ?

— Я самъ отлично понимаю,—отвѣчаетъ учитель,—что Дарвина мнѣ и въ годъ не осилить, да мнѣ его, признаться, и знать совсѣмъ не охота.

— Такъ почему же вы просите тогда?—удивился собесѣдникъ учителя.

— Посмотрѣть только. Я учительствую въ Архангельской губерніи. У насъ на сотни верстъ, кромѣ учебниковъ, нѣтъ ни одной книги. Такъ мнѣ здѣсь не читать ужъ, а хоть посмотрѣть бы, какія такія книги бываютъ на свѣтѣ. Я возьму вотъ вашего Дарвина, подержу его въ рукахъ, раскрою, полистую, скажу: „такъ вотъ ты какой Дарвинъ!“ и съ меня довольно. А читать, — гдѣ же тутъ его читать? Да и до Дарвина ли намъ? Не до жиру, быть бы живу.

Архангельскій учитель, конечно, шутилъ, но какая это горькая шутка! Отъ нея не лицо озаряется улыбкой, а сердце сжимается болью. Учитель, единственный источникъ свѣта на всю темную округу, и тотъ въ постоянной тьмѣ. Для него большою радостью оказывается только подержать въ рукахъ книгу.

Во время своего ученія онъ полюбилъ книгу; она стала его дорогою, любимою подругою: его мучительно томитъ разлука съ нею, а онъ

цѣлые годы тяжелой учительской работы въ медвѣжьемъ углу не видитъ даже издали ея. Тутъ вотъ, въ Петербургѣ, онъ увидѣлъ, наконецъ, книгу; держалъ ее въ рукахъ и любовно погладилъ, но вернется къ себѣ въ Архангельскую глушь и снова будетъ цѣлые годы безъ нея. Бѣдный учитель!

Деревенскій школьникъ говорилъ: „кажись бы, не пообѣдалъ день, лишь бы книгу достать“. Каково же учителю, человѣку, сроднившемуся, сжившемуся съ книгой? Для него книжный холодъ не легче хлѣбнаго. И какъ онъ будетъ свѣтить въ потемкахъ другимъ, когда съ годами въ немъ самомъ свѣтъ будетъ меркнуть и меркнуть. Лампада ярко горитъ и свѣтитъ, пока въ ней есть масло, а если масла не подливать, лампада будетъ тускнуть, чадить, потомъ и совсѣмъ погаснетъ.

Какъ же тутъ быть? Чѣмъ помочь горю? Какимъ способомъ утолить жажду на умную книгу, жажду, которая томитъ въ деревнѣ и учителя и ученика. На мѣстѣ свыклись съ этой книжною нуждою. Наша темная Русь съ этой стороны похожа на путника, замерзающаго среди голаго поля. Сначала онъ старается согрѣться, но по мѣрѣ того, какъ холодъ одолѣваетъ, онъ цѣпенѣетъ, на него нападаетъ сонливость, и онъ, наконецъ, засыпаетъ навѣки. Чтобы не дать путнику замерзнуть, его тормошатъ, стараются его расшевелить, заставить въ немъ кровь быстрѣе двигаться въ

тѣлѣ. Такъ же надо шевелить, тормошить засыпающую вновь духовно побывавшую было въ школѣ деревенскую молодежь. Пробужденную школой народную мысль надо затѣмъ книгой заставить работать сильнѣе.

Отдѣльнымъ лицамъ, можетъ-быть, это не по силамъ; слѣдуетъ позаботиться цѣлымъ обществамъ. Въ видахъ предохраненія отъ тяжкихъ послѣдствій недорода, по деревнямъ и селамъ устраиваются общественные запасы зерна на обсѣмененіе полей. Необходимо повсюду завести такія же хранилища и зеренъ ума, устроить читальни. Можно начать дѣло съ какимъ-нибудь десяткомъ-другимъ рублей. Дальше книга сама себѣ пробьетъ дорогу. Она прольетъ столько свѣта, научитъ такъ многому полезному, что съ лихвой окупитъ себя и заставитъ расширить читальню. Разумная книга, что плодовое дерево; она требуетъ труда и расхода при посадкѣ; а когда войдетъ въ силу, своими плодами щедро заплатитъ за все. Поэтому священникъ, учитель, земскій начальникъ, волостной старшина, писарь, просто разумный крестьянинъ или горожанинъ—всѣ, кто только можетъ, пусть приложатъ трудъ и заботу къ этому горю, къ книжному голоду. Твердите о книжныхъ запасахъ, бросайте въ народъ зерна мудрости, сѣмена знанія, правды добра. Придетъ время, и духовный голодъ смѣнится богатымъ урожаемъ.

Нищіе духомъ.

На заброшенномъ пустырѣ между камнями пробивается травка. Груда камней высоко навалена другъ на друга. Надъ грудой и свѣтъ и солнце, а подъ камнями сыро и мрачно. Травка тянется изъ всѣхъ силъ къ солнцу, извивается туда и сюда, и какъ ни тѣсно между камнями, а она все пробивается на волю.

Пробужденная народная мысль такъ же, какъ молодое растеніе, какъ ползучая трава, тянется къ знанію, къ разумному чтенію, несмотря на всѣ неудобства и стѣсненія, ищетъ простора себѣ. Иногда прямо удивляешься, какимъ способомъ народъ утоляетъ свой духовный голодъ. Въ Харьковѣ, напр., одно лѣто можно было каждый день наблюдать на главномъ базарѣ прелюбопытную картину. На мѣстѣ наибольшаго скопища народа сидѣли немного поодаль другъ отъ друга два нищихъ. Вокругъ нихъ всегда тѣснились кучи народа. Нищіе вслухъ читали какую-нибудь книгу. Толпа слушала внимательно. Лица были сосредоточенныя. Видно, въ головѣ шла усиленная работа.

Послѣ чтенія происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей. Какимъ тогда свѣтомъ озарялись эти хмурыя загорѣлыя лица! Сколько теплоты душевной оказывалось у этихъ, казалось бы, забитыхъ нуждою, очерствѣлыхъ людей! Какъ они близко принимали къ сердцу разсказъ: радовались благополучію добраго человѣка, мучились за его страданія, возмущались торжествомъ грубой неправой силы.

Передъ нищими стояли чашечки для сбора милостыни. Слушатели щедро клали туда копейки, бублики, яблоки, огурцы. Мнѣ пришлось разъ слышать, какъ нищій читалъ маленькій разсказъ: „На городской улицѣ".

„По улицѣ ползъ нищій-калѣка безъ ногъ. Впереди его медленно ступали двѣ заморенныя бабы въ заплатахъ; подлѣ нихъ брелъ блѣдненькій мальчикъ съ сумкой черезъ плечо.

„— Сотворите милостынку, Христа-ради!— робко обратились бабы къ проходящему важному барину.

„— Богъ подастъ,—отмахнулся тотъ.

„Къ другому, третьему прохожему обращаются женщины, все тотъ же отвѣтъ.

„— „Богъ подастъ", да „Богъ подастъ",— только и слышишь цѣлый день, — жаловались бабы. — Чисто съ голоду околѣешь, по міру ходючи. Господи-батюшка, али нѣтъ креста на людяхъ, али нѣтъ души Божьей въ христіанахъ?

„— Не тужите, бабоньки! Богъ не безъ милости, свѣтъ не безъ добрыхъ людей! — раздался сзади голосъ.

„Оглянулись бабы — нищій-калѣка.

„— Откуда, сестрицы?

„— Изъ Сибири, родной. Отъ обчества были высланы, да вотъ проѣли все, а теперь хоть ложись и умирай.

„Нищій снялъ котомку изъ-за плечъ, досталъ три куска хлѣба, три яблока, раздѣлилъ между бабами и ребенкомъ; послѣднему сунулъ еще грошикъ въ ручонку. Поклонились бабы въ поясъ и дальше пошли“.

— Нищій нищему подалъ, стало-быть,—говорили въ толпѣ.— Богатый прошелъ, а нищій накормилъ.

Глядѣлъ я на эту толпу голодныхъ духовно и думалъ, сколько вотъ тоже богатыхъ знаніемъ проходитъ мимо васъ и не скажетъ даже: „Богъ подастъ“, а нищіе на базарѣ питаютъ васъ.

Не менѣе интересенъ другой случай. Въ Ростовѣ - на - Дону одинъ рабочій сломалъ себѣ руку; работать не можетъ. Чѣмъ жить? На послѣдніе три рубля накупилъ подержанныхъ мелкихъ книгъ и сталъ ходить по пристанямъ, по базарамъ читать вслухъ книги. Слушатели платили по копейкѣ за книгу, и собиралось по 10—15—20 человѣкъ. „Никола-книжникъ“, какъ прозвали его, зажилъ спокойно и сталъ среди рабочихъ любимымъ

гостемъ. Побольше книги Никола-книжникъ давалъ для прочтенія на руки, и обыкновенно книжная торба Николы никогда не была тяжела, — всѣ книги его были разобраны по рукамъ.

Все это, конечно, хорошо; но неужели на этихъ базарныхъ нищихъ и на „Николахъ-книжникахъ“ можно успокоиться? Неужели мы, старшіе братья темнаго народа, люди книжные, на просьбу меньшого брата: „Подай, Христа-ради, хлѣба для ума!“ только и отвѣтимъ словами: „Богъ подастъ?“ Вѣдь у каждаго изъ насъ есть же кой-какія книги; найдется и часъ-другой свободный, а читать у себя на дому можно и безъ всякихъ разрѣшеній. Что могли дѣлать нищіе на базарѣ и Никола-книжникъ, то еще болѣе можемъ дѣлать мы, и стыдно намъ, если мы ничего не дѣлаемъ. Меньшій братъ тянется къ солнцу, ищетъ свѣта, ждетъ помощи отъ насъ, а мы стоимъ неподвижны и глухи и нѣмы.

Милосердый самарянинъ.

Есть разсказъ, какъ позднею осенью возвращался на родину, въ деревню, со службы солдатъ. Подошелъ почти къ самому дому; оставалось двѣ-три версты. Поднялась метель; пошелъ снѣгъ, задулъ вѣтеръ, закрутило, зги не видать. Сбился служивый съ дороги. Кажись, давно бы въ деревнѣ быть пора, а кругомъ поля, поля и поля. Снѣжная пелена метели глаза застилаетъ. Притомился бѣдняга: ноги сгибаются, тянетъ къ землѣ отдохнуть, а приլягъ только, такъ и заснешь вѣчнымъ сномъ. Неужли жъ придется замерзнуть подлѣ родной деревни? Кричитъ солдатикъ: не отзовется ли кто, не услышатъ ли его? Только вьюга жалобнымъ воемъ отвѣчаетъ на крикъ.

Дальше солдатъ шагаетъ по сугробамъ, снова кричитъ отчаяннымъ крикомъ и снова на помощь нѣтъ никого. Изнемогъ сердечный, присѣлъ на сугробъ. Голова склонилась на грудь, по тѣлу разлилась теплота. Онъ качнулся на бокъ и легъ. Снѣгъ падалъ пушинками ему на лицо, таялъ и струйками сбѣгалъ по лицу. Потомъ пересталъ таять и ложился ровнымъ слоемъ. Метель убаюкала бѣднягу, морозъ

усыпилъ, снѣгъ прикрылъ его бѣлой теплой пеленою.

На утро жена брата пошла въ хлѣвъ коровъ убирать. Пока доила, задавала корму, на дворѣ разсвѣло. Глянула баба въ оконце, ажъ помертвѣла вся. Въ огородѣ изъ-подъ снѣга на навозной кучѣ, подъ самымъ окномъ, чьи-то ноги торчатъ. Побѣжала за мужемъ. Пришли, отряхнули снѣгъ: человѣкъ въ шинели. Посмотрѣли въ лицо: братъ-солдатъ. Заплакалъ мужикъ; завыла, заголосила баба:

— Родимый ты нашъ, трехъ саженъ до дому не дошелъ. Искалъ пріюта у брата, а нашелъ смерть на кучѣ навоза у родной избы.

Оказывается, ночью и мужъ и жена слыхали, какъ кто-то дико кричалъ, да не хотѣлось съ теплой постели вставать, на метель выходить.

Дорогой читатель, не приходилось ли и тебѣ порою слышать, какъ кто-то кричитъ, о помощи взываетъ? Вѣдь кругомъ насъ люди постоянно гибнутъ: то сбиваются съ пути правды, то въ пьянствѣ тонутъ, то въ омутѣ разврата погибаютъ, и бываетъ, какъ утопающій, судорожно простираютъ за помощью руки,— какъ замерзающій въ полѣ, тревожно кричатъ. И какъ часто никто не отзовется, никто не протянетъ руку, и братъ нашъ гибнетъ у самаго нашего дома.

Жизнь наша, какъ громадная машина съ множествомъ различныхъ колесъ. Чуть только

человѣкъ не доглядѣлъ, немного оступился, небольшую промашку сдѣлалъ, сейчасъ его колесомъ захватило, изувѣчило, изломало. И когда человѣку изломаютъ ребра, руки и ноги, тутъ онъ скорѣе найдетъ помощь; но когда человѣку жизнь искалѣчитъ, изуродуетъ душу,— когда всяческій соблазнъ и дурные примѣры испортятъ слабаго духомъ человѣка,—когда порокъ, какъ разбойникъ, изувѣчитъ сердце человѣку, ограбитъ, расхититъ въ немъ правду и добро, тогда люди одинъ за другимъ проходятъ мимо, стараются скорѣе уйти отъ него. А ему-то и нужна особая помощь; ему болѣе, чѣмъ кому-нибудь, необходимо братское участіе, слово сочувствія, любовная поддержка.

Когда недавно на Дальнемъ Востокѣ загрохотали пушки, полилась кровь, изъ Россіи стали слать туда, на мѣсто боя, отрядъ за отрядомъ врачей и сестеръ милосердія лѣчить тѣлесныя раны бойцовъ. Между тѣмъ, у насъ и безъ Китая и безъ его „Большого Кулака“ идетъ своя постоянная война; не гдѣ-нибудь вдали, а подлѣ насъ, въ нашихъ родныхъ селеніяхъ и городахъ; война между добромъ и зломъ, между свѣтомъ и тьмою. Тьма душитъ деревню, пьянство отравляетъ народъ, фабрики и города развращаютъ населеніе. И нашъ меньшій братъ, забитый жизнью, лежитъ забытымъ. Онъ ждетъ, не дождется, когда къ нему подойдетъ братъ милосердія, милосердый сама-

рянинъ, который утолилъ бы его духовную жажду, смягчилъ бы елеемъ любви его горести, уврачевалъ бы всѣ его недуги. И этотъ меньшій братъ не гдѣ-нибудь далеко, онъ вездѣ и всюду, у самаго нашего дома, мы слышимъ и отчаянный крикъ его въ полѣ. *Не хочется намъ только съ теплой постели вставать, на метель выходить.*

Книга въ деревню.

Случилось быть по дѣлу у одного издателя и составителя книгъ для народа. Сидимъ съ нимъ въ его рабочей комнатѣ и бесѣдуемъ. По стѣнамъ, на окнахъ, на стульяхъ книги; столъ заваленъ исписанными листами бумаги; надъ столомъ, на стѣнѣ, въ золотой рамкѣ, подъ стекломъ, пятирублевая бумажка.

— Это что значитъ? — спрашиваю, — почему такая честь пятирублевкѣ?

— Дорогая это для меня бумажка,— отвѣчаетъ составитель книгъ.— Если бы были средства, не въ рамку, а въ золото бы ее оправилъ. Испачканная вся; видно, что тысячи заскорузлыхъ трудовыхъ рукъ держали ее; чрезъ много пальцевъ прошла, много грязи на ней налипло, а вѣрите ли, когда я ее получилъ, цѣловалъ, со слезами на глазахъ цѣловалъ ее.

— Вижу,—говорю,—что дорога. Будь обыкновенная пятирублевка, держали бы въ карманѣ, а не подъ стекломъ. Но почему же она такъ дорога?

— Она — свидѣтель силы добраго, разумнаго слова надъ сердцемъ человѣка. Случается, устану духомъ: думаешь, напрасно лишь изводишь

себя, не осилить зло книгою и словесной проповѣдью добра, какъ не остановить словомъ разбушевавшуюся рѣку; а взгляну на эту бумажку подъ стекломъ, и снова подымаются силы на добрую работу, снова начинаю вѣрить, что всякое слово, сказанное отъ сердца, всегда найдетъ дорогу къ сердцу.

„Есть, видите ли, у меня маленькая книжечка, составлена противъ народной брани грубыми, непристойными словами. Безъ похвалы скажу, горячо написано: не чернилами, а слезами, кровью сердца писано. Пошла книжечка бойко; одно изданіе расходится за другимъ. Не разъ слышалъ „спасибо"; но эта пятирублевка явилась наградою за труды всей жизни. Получаю однажды письмо; въ немъ пятирублевка; подписано: „Крестьяне деревни такой-то, такой-то губерніи и уѣзда". Въ письмѣ читаю, что привезъ изъ Петербурга служившій тамъ на фабрикѣ мужикъ мою книжечку въ деревню: прочелъ одному, другому, понравилось; рѣшили прочитать на мірской сходкѣ. Какъ громомъ, пишутъ, пришибло всѣхъ добрымъ словомъ. Тутъ же постановили, чтобъ на деревнѣ никто не смѣлъ болѣе браниться грубыми словами; всѣ подписались, а составителю книги за его науку собрали и посылаютъ пять рублей".

— Какъ же мнѣ было ее, голубушку, не вставить подъ стекло? Да вѣдь эта пятирублевка дороже всякихъ тысячъ,—закончилъ свою рѣчь составитель книгъ для народа.

Съ этимъ нельзя было не согласиться. Замасленная пятирублевка, дѣйствительно, краснорѣчиво говорила, что доброе сѣмя никогда не пропадетъ совсѣмъ безъ слѣда, что гдѣ-нибудь оно найдетъ непремѣнно для себя добрую почву, и что деревня въ этомъ отношенiи отзывчива на доброе слово. Деревня темна, деревня груба, деревня бѣдна, деревня пьяна, но все это не потому, что ей такъ и суждено быть такою, что съ нею ничего не подѣлаешь, а потому, что въ деревенскую тьму мало несутъ добраго, Божьяго свѣта.

У извѣстнаго писателя Лѣскова есть народный разсказъ „Пустоплясы". Такъ „Пустоплясами" въ разсказѣ деревня прозывается. Послалъ Господь пустоплясовцамъ урожай. Кругомъ засуха, голодъ, а въ Пустоплясахъ пиръ горой. Пиво варятъ, лепешки пекутъ, пьютъ, ѣдятъ, веселяться, голодныхъ сосѣдей отъ себя гонятъ. Всѣ веселы, довольны; только старикъ Ѳедосъ укоряетъ:

— А вѣдь это нехорошо, братцы, что мы живемъ, какъ безчувственные! По-Божьи-то надо бы намъ жить теперь въ строгости, чтобы себѣ меньше, а больше дать бѣдственнымъ.

Не нравилось это слово игрунамъ и забавникамъ въ Пустоплясахъ, а Ѳедосъ все свое:

— Вы, почтенные старики, и вы, молодой народъ, на мои слова не сердитесь, мои слова не самъ я выдумалъ? Вѣдь Христово слово:

„Пусть знаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если имѣете любовь между собою!“

Кривились за это старики на Ѳедоса. Что онъ превышается? Лучше всѣхъ хочетъ быть въ Пустоплясахъ! Довольно знаемъ мы его: вмѣстѣ и водку съ нимъ пили, и съ бабами пѣсни играли,—чего виликатиться?

Услыхала молодежь и ну приставать къ Ѳедосу.

— Дѣдъ Ѳедосъ, а что про тебя старики говорятъ?

— А что тако?

— Да стыдно сказать... Когда, баютъ, ты молодой былъ...

— Пакостникъ былъ,—добавляетъ дѣдъ Ѳедосъ. — *Школы намъ, братцы, не было! Бойло было, а школы не было!* Не живите, братцы, какъ я прожилъ, а живите по-лучшему, чтобы худого про васъ людямъ вспомнить нечего было [1]).

Школы намъ не было!—горюетъ дѣдъ Ѳедосъ за себя и за другихъ стариковъ деревни. *Бойло было, а школы, ученья, добраго слова о Божьей жизни, этого не было.* Откуда же взяться тогда въ деревнѣ свѣту, добру, настоящей христіанской жизни? Своего этого въ деревнѣ нѣтъ или очень мало. Надо принести со стороны. Говорить, что ничего не подѣлаешь,—грѣхъ большой; это будетъ *клевета* на деревню, признаніе безсилія слова Христова. Такія рѣчи

---

[1]) Разсказъ «Пустоплясы» есть въ отдѣльной продажѣ; стоитъ $1\frac{1}{2}$ копейки, изданіе Сытина.

можетъ говорить только лѣнивый и лукавый рабъ притчи о талантахъ. Какъ въ деревнѣ ничего не подѣлаешь? Кремень о сталь ударяютъ, и то искра получается. Неужели же, если ученіемъ Христовымъ, добрымъ, разумнымъ словомъ о Божіей жизни ударить по сердцамъ людскимъ, то такъ-таки ничего и не получится?

Написалъ вотъ человѣкъ горячо книгу противъ бранныхъ словъ, и какъ сильно доброе слово ударило по сердцамъ! Какъ далеко отозвалося! И это не единственный, какой-нибудь особый исключительный случай. Въ Тверской губерніи, въ одномъ селѣ мужики такъ же всѣмъ сходомъ читали прекрасный разсказъ „Дѣдъ Соррокъ“ и потомъ, подъ вліяніемъ чтенія, у себя въ селѣ читальню устроили. Сколькихъ людей по деревнямъ книга научила, какъ лучше землю обрабатывать, какъ пчелъ разводить, какъ отъ пожаровъ уберечься. Всего не перечтешь, да и не приходится, слава Богу, теперь очень ужъ разъяснять, что значитъ добрая, разумная книга для деревни. Весь вопросъ заключается въ томъ, какъ открыть книгѣ доступъ въ деревню, какъ изъ городовъ книгу распространить по селамъ, деревнямъ, по глухимъ медвѣжьимъ угламъ. Путь отчасти уже намѣченъ самою жизнію. Разныя лубочныя книги: „Ерусланы Лазаревичи“, „Бовы Королевичи“, „Громобой“, „Разбойникъ Чуркинъ“, „Вѣдьма изъ-за Днѣпра“, „Наѣздникъ Япанча“,

и сотни другихъ находятъ себѣ обширный сбытъ, расходятся каждогодно во многихъ сотняхъ тысячъ. Распространенію ихъ въ народѣ много способствуютъ офени—торговцы, разносящіе книги по всѣмъ концамъ Россіи. Офени бойко расхваливаетъ грамотному мужику книгу, перескажетъ ему содержаніе, а то и прочтетъ вслухъ. Книга сама пришла въ деревню, влѣзла въ избу, напрашивается въ руки, заманиваетъ покупателя кричащимъ заглавіемъ, пестрой обложкой, занятнымъ разсказомъ. И народъ охотно покупаетъ у офеней книги, переплачивая часто втридорога и получая большею частью белиберду; хорошая же книга лежитъ на полкѣ книжныхъ магазиновъ и не находитъ того широкаго сбыта, какого заслуживаетъ и какой необходимъ для просвѣщенія деревни. Надо и ее вести, какъ и лубочную, въ деревню; необходимо устроить продажу книгъ по деревнямъ; лучше всего это могутъ устроить земства. Многія земства и взялись уже за распространеніе книгъ въ народѣ. Для этого по губернскимъ городамъ основались книжные земскіе склады, а въ уѣздныхъ—ихъ отдѣленія. Земскій складъ выбираетъ лучшія книги, выписываетъ ихъ оптомъ, съ большой скидкой, и по удешевленной цѣнѣ пускаетъ въ продажу. Но чтобъ еще болѣе облегчить распространеніе хорошихъ книгъ, нѣкоторыя земства стали продавать книги чрезъ частныхъ лицъ, которымъ приходится сталкиваться съ крестьянами. Такъ

сдѣлало, напримѣръ, полтавское земство. Аткарское же земство Самарской губерніи завело разносную торговлю.

Недавно опубликованъ указъ Правительствующаго Сената по вопросу о правѣ земства торговать книгами, при чемъ указъ разъяснилъ, что торговля книгами составляетъ не только право, но *и прямую обязанность земства по предмету попеченія о развитіи средствъ народнаго образованія.* Для этого наняты книгоноши, которые еженедѣльно запасаются въ Аткарскѣ, въ земскомъ складѣ новыми книгами и разносятъ ихъ по уѣзду. Для земской торговли вездѣ на ярмаркахъ и базарахъ отводятся мѣста безплатно. Крестьянское населеніе очень довольно новымъ порядкомъ книжной торговли. Многіе чрезъ книгоношъ заказываютъ выписать новыя нужныя книги изъ столицъ, и эти заказы немедленно исполняются аткарскимъ складомъ. Торговля эта заведена, конечно, не для барышей, а единственно съ цѣлью дать грамотному населенію хорошую книгу. Тульское уѣздное земство тоже сдѣлало интересную попытку распространить въ народѣ полезную книгу. Оно завело торговлю книгами при больницахъ и амбулаторныхъ покояхъ. Въ больницахъ всегда съѣзжается много народа, и всякій, кто интересуется книгой, свободно можетъ купить при посѣщеніи врачебнаго пункта. Еще лучше всего этого продажа можетъ быть устроена подлѣ храмовъ, на паперти, въ сторожкѣ

церковной подъ наблюденіемъ священника. Не менѣе прекрасно, если бы подъ руководствомъ дѣятельнаго священника нашлись книгоноши изъ среды деревенскихъ грамотеевъ, которые по слабости силъ, здоровья не могутъ приложить рукъ къ хозяйству. Въ зимнее время могутъ найтись и здоровые грамотеи. Книгоношъ необходимо заинтересовать выгодой отъ этого рода занятія. Имъ можно назначить отъ 5 до 7 — 10 копѣекъ съ каждаго вырученнаго за книги рубля.

Тогда бы добрая и разумная книга широкимъ потокомъ полилась въ деревню. Теперь же пока наша книжная торговля поставлена весьма неудовлетворительно, хотя бы только со стороны мѣстъ продажи. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ „Правительственнымъ Вѣстникомъ“ за 1898 годъ, къ 1 января 1897 года у насъ, по всей Россіи книжныхъ магазиновъ, книжныхъ лавокъ, складовъ, ларей и кіосковъ было 2.687. Такимъ образомъ, одно мѣсто книжной торговли приходятся въ среднемъ на 46 тысячъ населенія. На ряду съ этимъ не лишнее указать, что у насъ же одно мѣсто винной продажи приходится всего только на одну тысячу жителей. Другими словами, на одну книжную лавку у насъ приходится *сорокъ шесть* кабаковъ. Съ такими „просвѣтительными средствами“ неудивительно, если народъ грубъ, невѣжественъ и годъ отъ году все болѣе и болѣе разоряется.

Послѣдніе годы и правительствомъ, и земствомъ, и частными лицами многое дѣлается для измѣненія дѣла просвѣщенія деревни и захолустныхъ угловъ къ лучшему, но какъ еще многое остается почти не затронутымъ. Русь велика, тьма густо налегла надъ народомъ, и требуются великія бодрыя силы. Не откликнется ли кто на это новое доброе дѣло?

Въ складчину.

Встарину у насъ на Руси былъ обычай въ престольные праздники устраивать общую братскую трапезу въ складчину. Прихожане каждаго храма въ свой годовой приходскій праздникъ собирали со всѣхъ дворовъ крупу, солодъ и хлѣбъ, готовили праздничную кашу и варили брагу, общее пиво. Остатки этого обычая сохранились еще и теперь по деревнямъ. Во многихъ мѣстахъ въ сельскіе праздники варятъ пиво у себя по домамъ; а гдѣ-нибудь въ одномъ дворѣ по очереди варятъ общее пиво для всей деревни или села. Воспоминаніемъ объ этомъ старинномъ русскомъ народномъ обычаѣ служитъ пословица, которая относится къ неуживчивымъ людямъ: „съ нимъ пива, или съ нимъ каши не сваришь", т.-е. это такой сварливый, обидчивый, необходительный человѣкъ, что во всемъ селѣ или деревнѣ не найдется никого, кто бы уговорилъ его принять участіе въ приготовленіи приходской праздничной каши и браги: со всѣми онъ въ ссорѣ, ни съ кѣмъ не въ ладахъ, ото всѣхъ сторонится.

Царь и псалмопѣвецъ Давидъ въ одномъ изъ своихъ священныхъ пѣснопѣній восклицаетъ: „Какъ хорошо и какъ пріятно жить братьямъ

вмѣстѣ!“ (Псал. 132, ст. 1). Тяжело людямъ жить и дѣйствовать врозь; всякое дѣло лучше спорится, когда дѣлается сообща; работа идетъ легче, когда другъ другу помогаютъ. Когда радуешься не одинъ, а кругомъ у всѣхъ веселыя, свѣтлыя лица, становится самому еще веселѣе; когда горе тяжкое на сердцѣ, и есть подлѣ люди, готовые раздѣлить участливо твою скорбь,— легче бываетъ. Не даромъ говорится, что на людяхъ и смерть красна. Хорошо поэтому, если у людей есть дѣло, вокругъ котораго они могутъ объединиться. Мы всѣ смотримъ все въ сторону одинъ отъ другого. У каждаго свои работы, свои цѣли и думы, часто притомъ враждебныя думамъ и цѣлямъ другихъ людей. Такъ, что далѣе, то все болѣе и болѣе мы удаляемся, отходимъ другъ отъ друга, становимся чужими, теряемъ между собою внутреннюю духовную связь, а безъ этой связи тяжко сердцу человѣка. Какъ тѣлу холодно бываетъ безъ тепла, такъ и душа стынетъ безъ взаимной любви, привязанности къ другимъ людямъ. Тутъ помогаютъ заботы, попеченія о какомъ-нибудь общемъ добромъ дѣлѣ. Какъ у одного костра въ непогоду и стужу собираются люди погрѣться и обсохнуть, такъ и общее дѣло всѣхъ сближаетъ, озаряетъ своимъ мягкимъ, привѣтливымъ свѣтомъ, согрѣваетъ тепломъ дружной братской работы во имя хорошаго дѣла. Поэтому и хочется намъ указать одно доброе дѣло, которое такъ

необходимо не по однимъ глухимъ угламъ нашей родины и которое по силамъ самому маленькому кружку отзывчивыхъ людей съ небольшими ничтожными средствами. Мы говоримъ о складчинѣ на покупку книгъ. Для большинства нашихъ читателей три-пять рублей на книги—трата непосильная, а кружокъ людей въ 10—15 человѣкъ легко можетъ въ складчину тратить пять, десять, а то и болѣе рублей въ годъ на книги.

Если даже трое-пятеро въ складчину соберутъ рубль-два, то на эти деньги можно выписать много дѣльныхъ, разумныхъ, прекрасныхъ книгъ. Благодареніе Богу, теперь не мало есть работниковъ, людей съ большимъ умомъ и знаніемъ, которые съ любовью занимаются выборомъ и изданіемъ добрыхъ, полезныхъ книгъ по самой дешевой цѣнѣ. Есть книги цѣною въ копейку, двѣ, три, а по содержанію онѣ стоютъ тысячи рублей. Сотня-другая такихъ книгъ внесетъ много свѣта въ темный уголъ, разбудитъ дремлющую мысль, расшевелитъ въ сердцѣ много добрыхъ чувствъ.

Общія книги сблизятъ читателей, сроднятъ ихъ духъ, поведутъ къ обмѣну мыслей, сдѣлаютъ взаимныя бесѣды болѣе содержательными.

Въ складчину удобнѣе пріобрѣтать и дорогія книги. Иную книгу, какъ не желай ея, никогда не соберешься купить въ одиночку. Возьмите Библію, хорошія, стоящія книги по сельскому хозяйству и многія другія. Пользы отъ нихъ и

для души, и для ума, и для устроенія хозяйства нѣтъ конца, а купить неспособно, стоитъ книга 3—5 руб., деньги большія, одному не по силамъ. Купить же скопомъ легко да и читать вмѣстѣ удобнѣй: лучше поймешь; въ три, пять или еще больше умовъ глубже уразумѣешь.

Деревня додумалась уже покупать въ складчину сельско хозяйственныя машины: для косьбы, жнитва, вѣялки, молотилки. Пора подумать и о лучшихъ способахъ обработки не хлѣбныхъ полей только, а и ума и сердца. Лучшими средствами, пособіями для просвѣщенія ума и очищенія сердца при нашихъ условіяхъ жизни *пока* могутъ служить добрыя, разумныя книги. Не по силамъ имѣть десятокъ, другой, третій нужныхъ, полезныхъ книгъ одному, будемъ пріобрѣтать въ складчину, сообща, и сообща пользоваться ими. „А какъ же потомъ?—спросите.—Какъ дѣлить книгу послѣ прочтенія? Кому она достанется?"

А зачѣмъ дѣлить? Пусть она будетъ общая, и никто одинъ ею не владѣетъ. Пусть пользуются, читаютъ и сторонніе даже. Не все вѣдь себѣ въ карманъ да въ брюхо, не худо что сдѣлать и для Бога, для души, а для Бога, для дѣла Божьяго чрезъ книгу много можно принести пользы. Добрая книга, что колодецъ. Сколько ни пьютъ изъ колодца, а вода въ немъ не переводится. Такъ и книга. Купили ее въ складчину, впятеромъ, восьмеромъ, а напиться изъ нея умомъ-разумомъ, любовью

Христовою и правдою Божьею могутъ стодвѣсти людей.

Въ башкирскихъ степяхъ, за Волгою, гдѣ часто на день-два пути не встрѣтишь жилья, среди башкировъ есть благочестивый обычай копать для прохожихъ и проѣзжихъ при дорогѣ колодцы и обдѣлывать прочнымъ срубомъ. Идетъ прохожій, ѣдетъ издалека путникъ, притомились они отъ жары, мучитъ ихъ жажда, хочется испить. Видятъ колодецъ, на веревкѣ ведро: почерпнули студеной воды, напились досыта, и свѣжіе, бодрые дальше свершаютъ свой путь. И стоитъ колодецъ десятки лѣтъ, поитъ тысячи людей.

Спасибо доброму человѣку, что потрудился для странника. Не знаютъ прохожіе его имени, Богу вѣдомо оно.

Степь голая, пустыня безводная по мѣстамъ широко еще стелется у насъ среди многомилліонной Руси. Много надо у насъ источниковъ воды живой; томится народъ жаждой духовной. Будемъ рыть колодцы, заводить книги, читать, поучаться сами и поучать другихъ. Въ своихъ маленькихъ углахъ скромно и безъ шума будемъ дѣлать не видное со стороны, но великое передъ Богомъ дѣло. Іисусъ Христосъ, отправляя учениковъ на проповѣдь, говорилъ: „Кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ только чашею холодной воды, истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей“ (Мѳ. X, 42).

Лепта вдовицы.

Вышелъ однажды Іисусъ изъ храма съ учениками, сѣлъ тутъ же въ притворѣ и смотрѣлъ, какъ выходящіе изъ храма богомольцы клали дары свои въ сокровищницу. Богатые клали помногу: пригоршнями сыпали золото и серебро. Сзади шла бѣдная вдова. Смущаясь за свой убогій нарядъ и за нищенскую жертву, робко она подошла къ сокровищницѣ и опустила туда двѣ лепты, по-нашему, двѣ полушки, жалкій, ничтожный грошъ. Думалось, какая цѣна этому дару? Что можно сдѣлать на него? На двѣ полушки не замѣнишь въ стѣнахъ храма обветшалый камень, не затеплишь свѣчу, не купишь зернышка ладана для кадильницы, масла въ лампаду. Однако, Іисусъ не только примѣтилъ жертву вдовицы, а еще отличилъ ее высоко предъ жертвой богачей. Указывая ученикамъ на бѣдную женщину, Іисусъ сказалъ имъ: „Истинно говорю вамъ, что эта бѣдная вдова больше всѣхъ положила, ибо всѣ тѣ отъ избытка своего положили въ даръ Богу, а она отъ скудности своей положила все пропитаніе свое, какое имѣла“ (Лук. XXI, 3—4).

По нашему времени, когда у насъ все мѣряется на рубли, когда сила человѣка оцѣнивается по тяжести его кулака, приведенный разсказъ о евангельской вдовицѣ имѣетъ громадное значеніе. Какъ у больного человѣка обложитъ языкъ и небо густою пленкой, и онъ не различаетъ вкуса пищи, не чуетъ, что солоно, что горько, что кисло, что сладко, такъ и мы всѣ больны душой: обложило у насъ совѣсть густымъ налетомъ зла и лукавства, и не чуемъ мы сердцемъ разницы между добромъ и зломъ, не умѣемъ часто различить, что есть воля Божія, что заблужденіе людское. Намъ все думается, что дѣло Божіе для своего строенія на землѣ требуетъ нашихъ обычныхъ средствъ: большихъ денегъ, могучей власти, обширныхъ знаній. Мы забываемъ, что Самъ Христосъ Спаситель въ глазахъ невѣрующихъ въ него іудеевъ былъ простымъ сыномъ плотника изъ Назарета; что Онъ въ годы своего учительства, по Его собственнымъ словамъ, не имѣлъ угла, гдѣ главу приклонить; что у Него, наконецъ, не оказалось дидрахмы (по-нашему 40 копеекъ), когда сборщики податей на храмъ потребовали ее отъ Него. И, однако, Іисусъ при всемъ этомъ основалъ Царство Божіе на землѣ, которое, что далѣе, то болѣе растетъ и крѣпнетъ. Его примѣръ и слова похвалы лептѣ вдовицы убѣдительно говорятъ намъ, что для дѣла Божія важно *прежде всего* не то, сколько у тебя знаній и ума въ головѣ,

сколько власти въ рукахъ, сколько денегъ въ карманѣ, а то, сколько у тебя любви къ правдѣ Божіей въ сердцѣ, сколько преданности Христу въ душѣ. Ученые механики гордятся тѣмъ, что они придумали средства передвигать съ мѣста на мѣсто большіе дома. Ты же, когда у тебя будетъ твердая вѣра въ слово Христово, вѣра, что люди только и живы словомъ правды Божіей, что жизнь наша красна лишь любовію Христовой, сможешь двигать горами. Горы зла и неправды люди наростили повсюду вокругъ себя, и эти горы не устоятъ передъ человѣкомъ, исполненнымъ любви къ людямъ и къ правдѣ Божіей на землѣ. Когда у тебя въ сердцѣ будетъ правда Христова и въ душѣ громко говоритъ голосъ Божій, то на устахъ сами собой, безъ всякой подготовки, явятся слова, предъ которыми замолкнутъ самые краснорѣчивые мудрецы.

Деньги въ устроеніи дѣла Божія еще болѣе занимаютъ послѣднее мѣсто. Ростъ Царства Божія въ людяхъ зависитъ не отъ количества рублей, затраченныхъ нами на него, а отъ силы любви, вложенной въ Божіе дѣло. Евангельскій разсказъ о насыщеніи пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи. Громадныя толпы слушали Іисуса цѣлый день. Солнце начинало садиться. Тогда ученики Іисуса приступили къ нему и сказали: „Мѣсто здѣсь пустынное и времени уже много, отпусти

людей, чтобъ они пошли въ окрестныя деревни и селенія и купили себѣ хлѣба, ибо имъ нечего ѣсть". Іисусъ ради трапезы тѣлесной не хотѣлъ прерывать трапезу духовную и сказалъ ученикамъ: „Чѣмъ отсылать ихъ отъ себя, лучше накормите ихъ здѣсь". Ученики удивились, какъ можно имъ накормить тысячи людей, когда у нихъ всего пять маленькихъ хлѣбцевъ и двѣ рыбы. „Да вѣдь тутъ на двѣсти динаріевъ надо хлѣба, чтобы насытить ихъ всѣхъ",—сказали апостолы (Марка VI, 37). Іисусъ повелѣлъ ученикамъ разсадить народъ на травѣ, взялъ хлѣбы и рыбы, воззрѣлъ на небо, благословилъ, преломилъ, далъ ученикамъ для раздачи народу И ѣли всѣ и насытились. Мало того, остатковъ отъ рыбы и кусковъ хлѣба набрали еще двѣнадцать полныхъ коробовъ. Такъ и всегда въ добромъ Божьемъ дѣлѣ. Приступая къ нему, думай не о томъ, чтобы запастись предварительно какъ можно болѣе рублями, а о томъ, чтобы вложить въ него болѣе душу и сердце. Нѣсколько фабричныхъ дѣвушекъ открыли дѣтскій пріютъ и ясли въ Ярославлѣ. Бѣдны деньгами, зато богаты любовью къ людямъ, къ добру, къ правдѣ Божьей и, смотрите, какое дѣло породили. И увидите, какъ разрастется это дѣло, если работники дѣла не ослабѣютъ духомъ, не обѣднѣютъ любовью. Повторяю, дѣло Божье строится не деньгами, а добрымъ сердцемъ, любящею душою; оно требуетъ отъ человѣка

прежде всего не денегъ, а самого его, его душу, сердце. Въ большихъ городахъ существуютъ тысячи всякаго рода благотворительныхъ обществъ съ милліонными средствами, а нищета въ подвалахъ и на чердакахъ не становится отъ того менѣе вопіющею, ожесточеніе сердецъ обездоленныхъ братьевъ ничуть не ослабѣваетъ. Отчего это? Оттого, что имущіе даютъ деньги, а сами остаются въ сторонѣ. Они и благотворятъ-то чрезъ наемныхъ за плату людей; сердце замѣнили карманомъ, вмѣсто любви предлагаютъ меньшому брату кошелекъ. Они, подлинно, по евангельскому слову, даютъ вмѣсто хлѣба камень и вмѣсто рыбы змѣю.

Несчастнаго босяка, безпріютнаго калѣку, больного пропойцу мало обуть, одѣть, накормить, полѣчить,—его еще важнѣе обогрѣть любовью, подойти къ нему съ братскимъ участіемъ. Онъ вѣдь душой изстрадался еще больше, чѣмъ тѣломъ; озлобился на людей, сталъ звѣремъ. Деньгами его снова не приручишь къ людямъ. Дайте ему снова почуять силу и власть любви, дайте ему ваше сердце, съ душой подойдите къ нему. Больше всего люди нуждаются въ любви; ни въ чемъ міръ такъ не нуждается, какъ въ истинной любви. Оказывайте ее, сколько можете и гдѣ можете, всѣмъ людямъ безъ разбору. Царство Божіе въ людяхъ строится на любви; сердце человѣка — сокровищница, гдѣ собираются средства

для устроенія и украшенія этого Царства. Опускайте свою жертву. Пусть она будетъ невелика, лишь бы отъ чистаго сердца, отъ всей души. Сила истинной любви мѣряется не аршиномъ, вѣсится не пудами, а оцѣнивается степенью преданности Божьему дѣлу.

Каждый въ отдѣльности для Бога сдѣлаетъ, можетъ-быть, и немного, да насъ-то вѣдь много.

Въ приволжскихъ степяхъ есть высокій курганъ. Издали, за много-много верстъ, примѣтна его зеленая вершина среди ровной степной глади. Сотни лѣтъ дожди размываютъ его, злые вѣтры порываются размести, а онъ все гордо высится въ степи. Народное преданіе говоритъ, что въ давнія времена сѣдой старины не было этого кургана,—голая степь ровно тянулась во всѣ стороны. Шелъ однажды какой-то царь съ несмѣтнымъ войскомъ, остановился лагеремъ въ степи на отдыхъ; захотѣлъ оставить памятникъ по себѣ, велѣлъ каждому воину принести въ одно мѣсто по шапкѣ земли. Много ли шапка земли? А шапка за шапкой, выросъ громадный курганъ. Такъ-то вотъ и въ жизни. Если бы мы собирались во имя добрыхъ дѣлъ вмѣстѣ, удѣляли людямъ, какъ вдова въ сокровищницу, хоть каплю своего усердія, то не въ степяхъ за Волгой только, а вездѣ бы по городамъ, селамъ и деревнямъ, надъ ровной низиной себялюбія высились бы курганы, горы и холмы добра. Но

нимъ бы путники жизни находили дорогу, за ними укрылись бы отъ непогодъ.

Давно строится Царство Божіе на землѣ. Еще Самъ Христосъ Спаситель положилъ ему начало. Апостолы и другіе слуги Христовы, великіе подвижники добра, этому дѣлу устроенія храма Божіей истины на землѣ отдали всѣ свои силы. Принеси, читатель, на Божіе дѣло у насъ на Руси и ты свою лепту:

Честнымъ порывамъ дай силу свободную,
 Начатый трудъ довершай,
И за счастливую долю народную
 Жизнь всю до капли отдай.
Теплой любви — вѣкового призванія —
 Въ сердцѣ своемъ не гаси;
Чудною силою — свѣточемъ знанія —
 Русь воскреси!

Костеръ.

Стоитъ лютая зима. Морозъ все крѣпчаетъ и крѣпчаетъ; птицы мерзнутъ на лету. Прохожіе ежатся отъ холода и трутъ побѣлѣвшіе носы и щеки, стараются согрѣться быстрой ходьбой.

Хорошо бы теперь хотя немного тепла,— думаютъ всѣ—и, какъ въ ливень, ищутъ мѣста, гдѣ бы укрыться отъ дождя, такъ теперь норовятъ всѣ ближе къ огню. Къ счастью, вотъ и огонь, а съ нимъ и тепло.

На перекресткѣ улицы разведенъ костеръ; десятокъ полѣнъ ярко пылаетъ, разливая вокругъ себя живительную теплоту. Вокругъ костра всегда кучка людей. Вотъ прачка съ корзиною бѣлья. Далеко ей нести работу къ заказчикамъ; руки совсѣмъ застыли. Того и гляди, поморозятся пальцы; пропадешь тогда съ голоду съ четырьми дѣтьми. Грѣетъ она руки и говоритъ; „Спасибо добрымъ людямъ за дрова, а то пропала бы безъ рукъ". Подлѣ не то портной, не то сапожникъ, въ худенькомъ пиджачкѣ, застылъ весь. Со страхомъ думаетъ: „Господи! только бы не простудиться. Знобитъ

всего; что, если свалюсь больной? Пропадетъ семья безъ хлѣба“. Но ничего, обогрѣлся у костра, можно дальше шагать. Мальчишка, посланный далеко изъ лавки, посинѣлъ весь; на глазахъ слезы отъ стужи. Пробрался среди большихъ къ самому огню и забылъ про холодъ: роется хворостинкой въ угляхъ, забавляется пылающей грудой. Всѣ хоть на нѣсколько минутъ забываютъ объ окружающемъ морозѣ. А вѣдь и расходъ-то грошовый и трудъ небольшой. Тѣмъ не менѣе, за день обогрѣваются сотни прохожихъ, десятки спасутся отъ тяжелой болѣзни, иной, можетъ-быть, и отъ смерти.

Смотришь на эти костры въ зимнюю пору и думаешь: отчего бы людямъ не разводить побольше и для души костровъ. Окостенѣли мы душою; холодомъ ото всѣхъ вѣетъ; негдѣ душою погрѣться, некуда приткнуться сердцемъ, чтобы тепло стало внутри. На большія добрыя дѣла требуются и большія силы; намъ они не по плечу; ну, а костеръ-то развести на перекресткѣ всякій можетъ. Тутъ небольшіе расходы; нѣсколько десятковъ полѣнъ; немного надо и времени, немного и труда, а глядишь, десятокъ-другой холодныхъ бѣдняковъ и пригрѣто.

Вотъ вамъ примѣръ, какъ легко зажечь не большой костеръ добра. Нѣсколько дѣвушекъ кончили институтъ. Начало новой, самостоятельной жизни хотѣлось имъ ознаменовать

какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ. Средствъ большихъ нѣтъ. Всѣмъ предстоитъ добывать кусокъ хлѣба упорнымъ трудомъ. Но какая бы трудовая жизнь впереди ни предстояла, онѣ понимали, что многимъ и очень многимъ живется неизмѣримо хуже. Хотѣлось въ холодные и темные подвалы и чердаки внести хоть искру тепла и свѣта. Составили онѣ изъ себя кружокъ, обязались вносить въ мѣсяцъ рубль, два, три. Наняли на окраинѣ города въ деревяненькомъ флигелѣ квартирку въ 29 рублей за мѣсяцъ и открыли маленькую школу.

Взяли десять дѣвочекъ 6—7—8 лѣтъ изъ самыхъ бѣдныхъ семей, обмыли ихъ, пріодѣли, стали учить. Времени лишняго нѣтъ, такъ онѣ распредѣлили всю недѣлю по днямъ и часамъ и занимаются по очереди. Дѣти проводятъ въ школѣ весь день.

Учительницы-институтки сами готовятъ имъ обѣдъ и завтракъ. Пропитаніе дѣтей обходится въ полтинникъ за сутки на десятерыхъ. Все тутъ просто, скромно и неприхотливо, но въ этихъ двухъ тѣсненькихъ комнатахъ школы столько проявляется любви, дѣти видятъ такую ласку, что они оживаютъ; въ новой атмосферѣ распускаются, какъ захирѣвшіе цвѣтки.

Невеликое, конечно, это дѣло. Въ газетахъ по всему міру кричать о немъ не будутъ; на страницы исторіи ученые также о немъ не запишутъ. Всего вѣдь и сдѣлано-то только, что подобрано съ улицы десять крохотныхъ дѣвчу-

рокъ, но вѣдь каждая эта дѣвчурка живая душа, вѣдь ее, можетъ-быть, спасаютъ школой отъ страшныхъ ужасовъ впереди. Здѣсь въ ней пробудятъ добрую душу, пріучатъ къ труду, приготовятъ къ скромной, но все же не безъ просвѣта жизни. Да, наконецъ, что бы потомъ ни было, а годы дѣтства эти дѣвчурки все-таки проведутъ при свѣтѣ и теплой ласкѣ; какимъ бы холодомъ потомъ жизнь ихъ не встрѣтила, онѣ у костра уже погрѣлись и хоть небольшой запасъ тепла все же съ собою несутъ.

И выходитъ: рубль въ сутки на квартиру, полтинникъ на день на ѣду, и на нѣсколько лѣтъ сотни дѣтокъ будутъ вырваны изъ страшнаго омута жизни, сами увидятъ свѣтъ и затѣмъ свѣтъ внесутъ въ темную среду своихъ семей. Какими малыми средствами сколько добра можно сдѣлать! Надо только сердце приложить къ дѣлу. Въ лѣсу *тысячи деревьевъ*, и люди мерзнутъ среди нихъ; въ костеръ сложатъ *десять полѣнъ*, подложатъ огонь, и сотни людей согрѣлись. Дѣло въ огнѣ, въ горячей любви къ добру, въ тепломъ сердцѣ.

Какъ часто приходится слышать: „дѣлать нечего; тоска одолѣваетъ!“ Сколько у насъ вездѣ свободныхъ женщинъ, дѣвушекъ, бездѣтныхъ вдовъ, которыя не знаютъ, къ чему приложить руки! Вотъ дѣло: разводите костры добра, соберите небольшой кружокъ и небольшими взносами, личнымъ трудомъ устройте школу, маленькій пріютъ, ясли. Пусть мало

будетъ дѣтокъ! Когда тонетъ корабль, спасти одного, двухъ, трехъ утопающихъ тоже не пустое дѣло. Обогрѣть одного замерзающаго значитъ — спасти одну живую душу.

Не составится кружокъ, костеръ можно развести въ одиночку. Одного обучить грамотѣ, другого навѣстить больного, третьяго пріютить въ сиротствѣ, четвертаго успокоить на старости — все это дѣла очень и очень посильныя многимъ.

Особенно необходимы костры добра по деревнямъ. Тамъ много бродитъ безпріютнаго народа въ холодѣ, а обогрѣть ихъ стоитъ не Богъ-вѣсть чего.

Построить цѣлою волостью избу можно шутя. Не трудно найти и вдовую женщину, пожилую дѣвушку, которая правила бы хозяйствомъ, замѣнила мать безпріютнымъ дѣткамъ. Пропитаніе ихъ не составило бы никакой тяжести для нѣсколькихъ деревень: кто мѣрочку муки, крупы, кто снопъ соломы, охапку дровъ, кто кринку молока, кочанъ капусты, а десятокъ сиротъ былъ бы пригрѣтъ, не бродилъ бы годами подъ окнами съ сумою, не привыкалъ бы къ попрошайничеству и лѣни. *Мірскія дѣти* были бы въ деревнѣ колоколомъ, разносящимъ далеко по округѣ призывъ къ любви, къ христіанскому братству. У цѣлой волости было бы общее доброе дѣло, надъ которымъ болѣли бы сердцемъ сотни людей, въ заботахъ о которыхъ согрѣвались бы душой.

Холодно, братцы! Морозомъ вѣетъ отовсюду кругомъ; окоченѣли всѣ мы душою. Богъ дастъ, придетъ весна, повѣетъ тепломъ, пригрѣетъ солнце правды Божьей и любви Христовой, а пока холодно, холодно сердцу. Розводите костры!

Кое-что.

У датскаго писателя Андерсена есть сказка подъ заглавіемъ „Кое-что“. Въ сказкѣ говорится, какъ жили нѣсколько братьевъ и каждому хотѣлось сдѣлать въ жизни кое-что.

— Хочу добиться чего-нибудь! — сказалъ старшій изъ братьевъ.—Хочу приносить пользу. Пусть мое положеніе будетъ самое скромное. Если я дѣлаю что-нибудь полезное, я уже не даромъ копчу небо. Займусь выдѣлкою кирпичей. Они нужны всѣмъ; значитъ, я сдѣлаю кое-что.

— Ну, это очень мало!—сказалъ второй.— Я стану каменщикомъ-строителемъ; буду мастеромъ; понастрою въ городѣ домовъ, у меня будутъ подмастерья. Вотъ это—кое-что...

— И то немного!—перебилъ третій.—Ты все-таки будешь рабочій, простой человѣкъ, а я хочу чего-нибудь повыше. Я научусь рисовать, стану архитекторомъ, и тысячи мастеровъ и рабочихъ будутъ строить по моимъ указаніямъ. Вотъ это—кое-что!

— Нѣтъ,—сказалъ самый младшій братъ:— какъ вижу, никто изъ васъ не добьется ничего

путнаго. Я не стану подражать вамъ; я буду обсуждать ваши дѣла. Въ каждой вещи найдется изъянчикъ. Я и стану его выискивать, разсуждать о немъ. Всѣ будутъ говорить: „Это умная голова! Въ немъ есть кое-что“.

Какъ думали, такъ и жили братья. Одинъ дѣлалъ всю жизнь кирпичи; велъ бѣдную, трудовую, но честную жизнь. Своего угла не имѣлъ; зато изъ обломковъ кирпичей, изъ браку, выстроилъ нищей старушкѣ Маргаритѣ хижинку на самой плотинѣ, на берегу моря. Тѣсненька вышла избушка; единственное оконце смотрѣло криво; дверь была низка, но все-таки въ лачужкѣ можно было укрыться убогой нищей отъ дождя и непогоды. Немного сдѣлалъ кирпичникъ, но все же это было кое-что.

Второй братъ устроился лучше. Вышелъ въ мастера, понастроилъ цѣлыя улицы домовъ и на постройкахъ сколотилъ себѣ уютный домикъ. Онъ тоже добился кое-чего.

Третій сталъ знаменитымъ архитекторомъ; начертилъ множество плановъ великолѣпныхъ зданій, выстроилъ и себѣ лучшій домъ въ городѣ. Главная улица называлась его именемъ.

— Онъ, несомнѣнно,—говорили про него,— сдѣлалъ кое-что.

Младшій братъ всю жизнь старался только судить и рядить о дѣлахъ другихъ, всѣмъ былъ недоволенъ и всегда все осуждалъ. Люди говорили про него:

— О, это — умная голова! Въ немъ есть кое-что.

Но вотъ пробилъ и его часъ; онъ тоже умеръ и явился къ вратамъ рая. Передъ дверями рая его душа очутилась рядомъ съ душою нищей старухи Маргариты. Брезгливо поморщился отъ такого сосѣдства нашъ умникъ, но, чтобы скоротать какъ-нибудь скорѣе время ожиданія, пока впустятъ, онъ спросилъ:

— Что, бабушка? и тебѣ туда же хочется? Ну, а что же ты сдѣлала на землѣ?

— Ничего, родной мой, — отвѣчала старуха.—Развѣ ужъ изъ милости впустятъ! Сама что жъ я могла сдѣлать: бѣдная, больная старуха, я жила подаяньемъ добрыхъ людей. Спасибо, твой братъ построилъ избушку, а то пропала бы совсѣмъ! Вѣдь вотъ разъ выползла за порогъ и то не вынесла мороза. Зима-то вѣдь нынче была лютая; весь берегъ моря затянуло льдомъ. Молодежь рада. Весь городъ высыпалъ на ледъ кататься на конькахъ. Музыка играетъ. Затѣяли плясъ на льду. Мнѣ изъ каморки весь берегъ и море какъ на ладони. Вдругъ вижу, тамъ, гдѣ небо сливается съ моремъ, стоитъ какое-то диковинное бѣлое облако съ черной точкой посрединѣ. Точка стала расти, и я догадалась, что это за облако. Стара вѣдь я была и много видала на своемъ вѣку. Я знала, что это облако предвѣщало страшную бурю и внезапный подъемъ воды. А на льду весь городъ! Что, если они

за весельемъ не замѣтятъ надвигающейся бѣды? Кое-какъ сползла съ постели, дотащилась до окна, кричу въ него. Веселье кипитъ; не слышатъ, а черная туча растетъ. Какъ мнѣ выманить ихъ на берегъ? Тутъ-то и надоумилъ меня Господь. Я подожгла постель. Солома ярко вспыхнула, а я скорѣе на порогъ, да тамъ и упала. Народъ увидѣлъ на льду пожаръ, бросился весь ко мнѣ. Прибѣжали, обступили, жалѣютъ. Добрые всѣ они были ко мнѣ. Въ эту минуту въ воздухѣ засвистѣло, загремѣло; весь ледъ взломало, но люди всѣ были уже на берегу. Я съ холоду и перепугу совсѣмъ занемогла,—умерла—и вотъ жду теперь, не пустятъ ли меня сюда изъ милости, потому что сама-то я такъ ничѣмъ не заслужила.

Тутъ врата райскія открылись, и ангелъ позвалъ старуху. Входя туда, она обронила соломинку изъ своей постели, которую подожгла, чтобы спасти столько людей, и соломинка превратилась въ чисто золотую, стала расти и принимать самыя причудливыя, красивыя очертанія.

— Вотъ что принесла съ собою бѣдная старуха!—сказалъ ангелъ.—А ты что принесъ? Да, да, знаю! Ты слылъ большимъ умникомъ. Ты мечталъ о славѣ, о знаменитости среди людей. Ты думалъ только о себѣ, а не о другихъ. Ты хотѣлъ себя высоко поставить, а не людей поднять. Для людей ты не ударилъ пальцемъ о палецъ во всю жизнь; ты не сдѣлалъ даже

единаго кирпича. Ахъ, если бы ты могъ вернуться на землю и принести оттуда хоть одинъ кирпичъ. Кирпичъ твоей работы наврядъ ли годился бы куда-нибудь, но все же онъ показывалъ бы хотя доброе желанiе сдѣлать коечто. Теперь же я ничего не могу сдѣлать для тебя!

Тогда вступилась за него бѣдная нищая съ плотины:

— Братъ его сдѣлалъ и подарилъ мнѣ много кирпичей и обломковъ. изъ нихъ я слѣпила свою убогую лачужку, и это уже было огромнымъ счастьемъ для меня, бѣдняги. Пусть же всѣ эти обломки и кирпичи сочтутся ему хоть за одинъ кирпичъ! Его братъ оказалъ мнѣ милость; теперь этотъ бѣдняга самъ нуждается въ милости, а тутъ вѣдь царство Высшей милости!

— Братъ твой, котораго ты считалъ самымъ ничтожнымъ,—сказалъ ангелъ,—честное ремесло котораго находилъ унизительнымъ, вноситъ теперь за тебя лепту въ небесную сокровищницу. Тебя не отгонятъ прочь, тебѣ позволятъ стоять тутъ за дверями и придумывать, какъ бы поправить твою земную жизнь, но въ рай тебя не впустятъ, пока ты воистину не совершишь *кое-чего*.

Итакъ, вышло, что самою цѣнною жизнью была жизнь бѣдной убогой старухи, нищейкалѣки, а изъ всѣхъ братьевъ больше всего добра сдѣлалъ простой рабочiй, кирпичникъ,

потому что тогда только человѣкъ сдѣлаетъ кое-что важное, оставитъ послѣ себя добрый слѣдъ въ жизни, когда у него есть кое-что въ сердцѣ. А если въ сердцѣ есть *кое-что*, то какова бы ни была наружная жизнь человѣка, какое бы положеніе онъ ни занималъ, въ какой бы глуши ни жилъ, онъ всегда сдѣлаетъ *кое-что*, и это кое-что, невидное, можетъ-быть, на землѣ непонятное и не оцѣненное людьми, будетъ дивно, прекрасно въ очахъ Божіихъ, какъ та прѣлая соломина, которую старуха подожгла свою конуру, чтобы спасти сотни людей. По суду людскому соломина годилась лишь въ навозъ, а по суду Божьему она стала лучшимъ райскимъ цвѣткомъ. Старуха вѣдь также сдѣлала кое-что.

Ахъ, если бы эта статейка „Кое-что" пробудила у читателя въ сердце *кое-что*. Это было бы, дѣйствительно, кое-что.

Жатвы много.

Прошлый мѣсяцъ на свѣтлый праздникъ Пасхи я ѣздилъ въ деревню, въ Лужскій уѣздъ, Петербургской губерніи. Деревня, какъ деревня: бѣдность неисходная, тяжелая работа, темнота ума и сердца и почти сплошное пьянство. Церковь отъ деревни далеко, верстъ поболѣ десяти. Больно мнѣ было видѣть, какъ въ такіе великіе дни народъ бродилъ по деревнѣ, не зная, что ему съ собою дѣлать. Изъ города я привезъ съ собой Евангеліе и нѣсколько книжекъ „Друга Трезвости". Зазвалъ къ себѣ въ избу пятерыхъ мужиковъ, предложилъ почитать слово Божіе. Охотно согласились. Прочитали сообща разсказъ о страданіяхъ Спасителя и потомъ долго бесѣдовали о томъ, до какой жестокости можетъ дойти человѣкъ, звѣремъ совсѣмъ станетъ; ни стыда ни жалости у него не будетъ: на все пойдетъ, ни предъ какимъ зломъ не остановится. Отъ евангельскихъ событій перешли къ нашему времени, къ своей жизни, къ собственнымъ поступкамъ.

— А что, Яковъ Михайлычъ, мы вѣдь похоже на то, отъ жидовъ тоже недалеко ушли:

тоже не вѣдаемъ, что творимъ. Вишь ты, какъ въ Евангеліи трогательно разсказано о сборахъ Христовыхъ на страданіе, а мы что въ эти великіе дни дѣлаемъ, куда собираемся? На жратву, на пьянство! Водку заготовляемъ ведрами. Сынъ Божій кровь за насъ на крестѣ каплю за каплей проливаетъ, а мы бутылки запасаемъ. Послушали вотъ слово Божіе, такъ срамно стало за свои дѣла. А праздникъ Свѣтлый придетъ,—что у насъ творится? Господь, вонъ, по воскресеніи своемъ явился ученикамъ и говоритъ имъ: „Миръ вамъ, примите Духа Святого?“ Ну, а намъ развѣ можно сказать, что у насъ миръ Божій, что среди насъ благодать Божія?

Проговорили такъ, пока не стемнѣло. Вечеромъ снова пришли тѣ же, да еще съ собою привели десятокъ, поболѣ. Набралась народу полная изба. Снова читали слово Божіе, бесѣдовали, снова заговорили о народной темнотѣ. Досталъ я „Друга Трезвости“. Внимательно выслушали нѣсколько статей.

— Вотъ ужъ, подлинно, другъ. Если бы чаще да больше намъ такъ-то говорили, може, и трезвѣе стали. Темный народъ-то вѣдь мы совсѣмъ, что пни въ лѣсу. Кто насъ училъ? Съ чего намъ путнаго взяться? Эхъ-хе-хе, жизнь наша горькая,—жаловались мужики.

Поздно разошлись по домамъ. На другой день рано пришли другіе.

— Яковъ Михайлычъ, почитай намъ слово Божіе. Больно, слышь, хорошо ужъ было у

васъ тутъ вчера. Мужики сказываютъ, что шли вечеромъ домой, на душѣ радостно, словно послѣ Христовой заутрени.

Такъ каждый день по двѣ, по три смѣны мужики, бабы приходили ко мнѣ, и я имъ читалъ то Евангеліе, то изъ „Друга Трезвости". Иной разъ устанешь, а какъ отказать? Вѣдь люди за Христовымъ словомъ къ тебѣ прутъ.

На праздникъ встрѣчаю на улицѣ одну, другую бабу, въ поясъ кланяются, благодарятъ.

— За что?

— За вразумленіе твое. Прежніе-то годы эвася съ кѣхъ поръ мужики пьяны были, а нынче третій вотъ день и ни капли водки во рту. Пожилъ бы ты, свѣтикъ, у насъ, погостилъ; може, черезъ тебя и свѣтъ бы узнали. Больно было слушать: стыдно незаслуженныхъ похвалъ, до слезъ жалко темныхъ людей. Кто я, чтобы свѣтить другимъ? Самъ простой, неученый человѣкъ. И за что меня благодарятъ? Что я сдѣлалъ? Почиталъ нѣсколько часовъ слово Божіе, разсказалъ нѣсколько статей изъ „Друга Трезвости". Неужели это великое дѣло? Сущій пустякъ, а какое впечатлѣніе на деревню. Воистину сила Божія и въ немощныхъ совершается!

Вотъ пріѣхалъ я теперь назадъ въ Петербургъ и думаю, какъ легко, однако, Божіе дѣло двинуть впередъ. Въ сердце къ народу не надо напрасно долго стучать: двери души настежь открыты. Какъ земля, истомленная за-

сухой, жаждетъ дождя, такъ и народъ, хотя и безсознательно, но сильно томится жаждой слова Божія. Время жатвы приспѣло. Сердца людей созрѣли для житницы Божіей. Приходи и бери.

Что надо дѣлать, чтобы пшеница Божія не гибла, чтобы душа народная не глохла,—рѣшить не берусь. Я человѣкъ не мудрый, умомъ и знаніемъ небогатый; что видѣлъ, то и говорю. Видѣлъ я сотню-другую людей, больныхъ душою, изломанныхъ, измученныхъ темнотою сердца и ума; видѣлъ, какъ скоро и живо они откликаются на голосъ Христа, какъ легко ихъ образумить, отрезвить, просвѣтить. Такими людьми полна зѣдь вся наша Русь-матушка. Какъ имъ помочь? Какъ просвѣтить? Подумайте, поболѣйте сердцемъ. Жатвы много. Будемъ молить Господина жатвы, чтобы выслалъ онъ дѣлателей на нивы Свои [1]).

---

[1]) Записано со словъ разсказчика.

Божій улей.

Въ Петербургѣ, при одной изъ церквей, года полтора тому назадъ, образовалось общество трезвости. Благодаря неустанной сердечной проповѣди горячо преданнаго заботамъ о своей паствѣ священника, общество стало быстро расти; число членовъ-братьевъ трезвенниковъ къ концу года перевысило тысячу человѣкъ. Почувствовалась необходимость болѣе тѣснаго сближенія сотенъ трезвенниковъ между собою; явилась потребность живого обмѣна мыслей, обсужденія своихъ нуждъ. Возникалъ вопросъ о мѣстѣ собранія сотенъ членовъ общества. Близко приняли къ сердцу трезвенники работу объ устроеніи своего гнѣздышка и дружно стали собирать средства. Бóльшая часть членовъ общества — народъ фабричный, люди бѣдные, которымъ дорого достается каждый грошъ. Тѣмъ не менѣе, въ короткое время гривенниками, пятаками было собрано болѣе тысячи рублей. Батюшка попросилъ и чужихъ добрыхъ людей; въ два-три мѣсяца скопилось до трехъ тысячъ. Стали строить большой, помѣстительный, на тысячу-полторы людей баракъ. Но тутъ свить своего гнѣзда

трезвенникамъ не пришлось. Господь судилъ иначе. Хочется вѣрить, что очень ужъ цѣнны въ очахъ Божіихъ были трудовые гроши, ушедшіе на баракъ, и Господь избралъ этотъ баракъ домомъ молитвы себѣ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ храмъ, стоявшій близъ барака, сгорѣлъ, и, чтобы не оставить тысячи богомольцевъ на праздникъ Рождества и далѣе, впредь до построенія новаго храма, безъ проповѣди и богослуженія, домъ трезвенниковъ былъ освященъ подъ храмъ. Трезвенники смиренно приняли испытаніе Божіе, но мысль о своемъ гнѣздѣ среди нихъ не заглохла.

Въ Петербургѣ страшно трудно найти свободныя помѣщенія; и центръ города и окраины переполнены народомъ, а для собраній трезвенниковъ нужно обширное мѣсто. Послѣ долгихъ поисковъ нашли пріютъ. Недалеко отъ временнаго храма въ баракѣ строится большой каменный домъ. Домъ еще не готовъ и вчернѣ: нѣтъ ни пола, ни оконъ, ни дверей; однѣ только стѣны. Но члены общества не гонятся за внѣшнимъ убранствомъ. Они наняли въ первомъ этажѣ за 60 рублей въ мѣсяцъ двѣ громадныхъ комнаты. Въ одной будутъ устраиваться собранія трезвенниковъ, будутъ чтенія съ туманными картинами, религіозно-нравственныя бесѣды, духовное пѣніе, общій братскій обмѣнъ мыслей трезвенниковъ за стаканомъ чая съ батюшкой и его сотрудниками во главѣ. Придя въ праздникъ въ свое гнѣздышко послѣ

объдни и объденнаго отдыха, трезвенникъ весь день проводитъ по-христіански и съ миромъ въ душѣ и съ новымъ свѣтомъ въ умѣ и въ сердцѣ, радостный придетъ домой, готовый на завтра на новый недѣльный тяжелый свой трудъ.

Другая половина помѣщенія будетъ раздѣлена на двѣ части. Въ одной части, за двумя перегородками, будетъ пріемъ больныхъ; за одной перегородкой женщина-врачъ будетъ принимать больныхъ женщинъ и дѣвушекъ, за другой перегородкой докторъ будетъ принимать больныхъ мужчинъ и дѣтей. И докторъ и женщина-врачъ выразили полную готовность служить бѣднымъ людямъ совсѣмъ безплатно. Въ другой части второй половины квартиры будетъ воскресная школа; кромѣ того, въ часы, свободные отъ школьныхъ занятій, здѣсь же будетъ вестись обученіе желающихъ пѣнію, женщинъ и дѣвушекъ будутъ обучать кройкѣ и шитью, разумному уходу за дѣтьми, для дѣтворы будутъ соотвѣтствующія чтенія, бесѣды и развлеченія. Словомъ, помѣщеніе ни одного часа не будетъ пустовать; живая работа будетъ бить ключомъ, одинъ добрый работникъ безъ перерыва будетъ приходить на смѣну другому. Здѣсь, какъ въ ульѣ, немолчно будутъ гудѣть пчелы-работники, созидаться воскъ свѣтлой правдѣ Божіей и чистый медъ Христовой любви.

Что особенно трогательно, такъ это то, что трезвенники затѣяли это дѣло, и черезъ 2—3

недѣли пустятъ его полнымъ ходомъ, имѣя у себя въ распоряженіи всего-навсего *сорокъ рублей*. Тѣмъ самымъ они ярко показываютъ свою вѣру въ побѣдоносную силу любви къ Божьему дѣлу. Они вѣрятъ, что, если по слову Христову, вѣра двигаетъ горами, то любовь къ Божьему дѣлу изъ песчинки горы создаетъ. И съ такою вѣрою они, дѣйствительно, горы добра сотворятъ. Если члены-работники съ такою же преданностью къ Божьему дѣлу будутъ и далѣе трудиться въ своемъ ульѣ, много оттуда будетъ добыто Христова меда и воска.

Дай Богъ, чтобы по примѣру этого улья въ Петербургѣ, подобные же Божіи ульи заводились, устраивались повсемѣстно, по городамъ, по селамъ, станицамъ и деревнямъ.

Вдохни въ насъ, Господи, силу твою, чтобы намъ всю Русь покрыть такими ульями, чтобы вся родина наша стала однимъ сплошнымъ пчельникомъ Божіимъ.

Два дня въ Финляндіи.

Минувшій августъ былъ рѣдкій по погодѣ. Дни стояли ясные теплые. Чисто лѣтняя погода, словно предчувствуя свой скорый надолго конецъ, дарила землю ласковой прощальной улыбкой и манила изъ душной городской квартиры, отъ письменнаго стола куда-нибудь въ тихую глушь, на чистый воздухъ, на сельскій просторъ. Выдались два дня свободныхъ, и я поѣхалъ въ Финляндію. Полтора часа ѣзды въ вагонѣ—и я въ финляндской глуши и тиши. Сытая шведка бойко рысила, легкая бричка катилась мягко, безъ тряски, безъ шума. Дорога была какъ скатерть: ни кочки, ни выбоины, ни камня подъ колесомъ.

— Какая славная дорога,—говорю кучеру.— Совсѣмъ не слышишь, какъ катится колесо; не тряхнетъ, не колыхнетъ даже. Это чья дорога?

— Ничья, — отвѣчаетъ кучеръ, — общая. У насъ вездѣ, по всей Финляндіи, такія дороги. Каждому землевладѣльцу назначается участокъ, и онъ долженъ наблюдать за исправностью

дороги. Если на чьемъ участкѣ путь испортится, лендсманъ (по-нашему, земскій начальникъ) предупреждаетъ; а если и послѣ этого дорога остается плохою, ее чинятъ чужими руками, а уплату взыскиваютъ съ нерадиваго домохозяина. Только этого почти никогда не бываетъ. Всѣмъ вѣдь ѣздить надо, и всѣ понимаютъ, что, пожалѣвъ гроши на хорошую дорогу, потеряешь рубли на порчѣ лошади и телѣги.

„То-то, *всѣ ли понимаютъ?*" подумалъ я, вспомнивъ наши проселки.

По дорогѣ вижу большой новый домъ. Свѣтлыя окна, высокія стѣны, кругомъ огороженъ обширный участокъ земли.

— Это что такое?

— Школа.

— Какъ? Такой чисто помѣщичій домъ? — невольно удивился я, вспомнивъ наши родныя сельскія училища.

— Это еще что? — говоритъ, освѣтившись какою-то любовной радостью, угрюмый дотолѣ финнъ-кучеръ. — Тутъ рядомъ, верстъ 7 — 8, строится новая школа: ее посмотрите!

Зашелъ потомъ на постройку, — любо глядѣть: не школа — усадьба. Большія свѣтлыя комнаты для учениковъ; прекрасное помѣщеніе для учителя. Во дворѣ сарай, хлѣвъ, амбаръ, всѣ домашнія пристройки.

— Для учителя все, — говорятъ, — мы стараемся: чтобъ учитель былъ хорошо устроенъ, чтобъ онъ не былъ забитъ нуждою, чтобъ

онъ и бодро работалъ и бодро смотрѣлъ на жизнь. Сельскій учитель — это вѣдь передовой застрѣльщикъ просвѣщенія въ сельской глуши и темнотѣ. Отъ кого же, какъ не отъ него, подрастающей молодежи набраться бодрости духа? Онъ долженъ пріучить школьниковъ любить трудъ, отдаваться полезной работѣ съ охотой, съ увлеченьемъ. А какъ онъ можетъ достигнуть этого, если онъ будетъ въ невозможной обстановкѣ, будетъ загнанъ нуждой и работой, какъ жалкая кляча? если онъ будетъ смотрѣть на свое дѣло съ ненавистью, какъ на тяжелое, постылое ярмо, какъ на послѣднее въ крайности средство не умереть съ голоду?

Вспомнилъ я глухіе, занесенные сугробами родные поселки, — тѣсныя, душныя школы въ нихъ, — убогую каморку учителя, гдѣ дуетъ и въ щели, и въ половицы, и смѣшанное чувство жалости и гордости за русскаго народнаго учителя пронизало всего. Въ какой тяжелой, ужасной обстановкѣ работаетъ у насъ учитель въ деревнѣ! Этотъ передовой боецъ за просвѣщеніе на границѣ царства свѣта и царства тьмы обреченъ у насъ и на жизнь солдата на бивуакахъ, со всѣми лишеніями, тяжелыми часто даже для неприхотливаго человѣка. Когда же наступитъ у насъ полное торжество свѣта въ глухой деревенской тьмѣ? Когда бивуачная жизнь народнаго учителя смѣнится уютнымъ домашнимъ очагомъ? Скоро ли въ деревняхъ и

селахъ лучшими зданіями будутъ не кабаки и лавки, а школы и читальни, и скоро ли въ лучшемъ по деревнѣ домѣ будетъ жить народный учитель, а не кабатчикъ, кулакъ-міроѣдъ?

— И вѣдь смотрите,—говорила мнѣ хозяйка усадьбы, гдѣ я гостилъ,—финляндцы не довольствуются еще и такими палатами-школами. Они мечтаютъ устроить еще крестьянскую академію, чтобъ извѣстные ученые, самые лучшіе профессора, разъѣзжали по всему краю и читали вездѣ по нѣскольку лекцій, каждый по своей наукѣ.

„Да, много здѣсь работаютъ надъ народной школой: ходятъ за ней, какъ за любимымъ ребенкомъ, зато и народъ живетъ не въ потемкахъ. Посмотрите, какъ у нихъ обработаны поля. Земля вѣдь песокъ да камни, а финнъ — этотъ угрюмый пасынокъ природы, какъ о немъ выразился одинъ поэтъ,— ухаживаетъ за землей, какъ за любимой матерью. Все, что только гдѣ-нибуль, хоть на краю свѣта, откроется для лучшей обработки земли, финляндецъ сейчасъ примѣняетъ къ своему полю. Они всѣ читаютъ свои газеты, и газеты эти ведутся удивительно разумно для народа. Тутъ и разсказы обо всемъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и проповѣдь на праздникъ, и совѣты по хозяйству. Мой мужъ даже досадуетъ, что онъ не можетъ ничѣмъ по хозяйству удивить здѣсь крестьянъ. Вычитаетъ онъ что-нибудь

новое въ русскихъ ученыхъ сельскохозяйственныхъ журналахъ, станетъ говорить здѣсь крестьянамъ; тѣ отвѣчаютъ: „Да, мы читали объ этомъ“.

„Въ праздникъ всѣ идутъ въ кирку (въ церковь). Кому далеко, собираются утромъ вмѣстѣ толпой въ кружокъ; лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, въ дурную погоду—въ большую избу; читаютъ Евангеліе, поютъ псалмы, а потомъ берутся за газеты и долго бесѣдуютъ обо всемъ. Рѣчи спокойныя, слова разумныя. Угрюмый, замкнутый въ себѣ, но хорошій народъ,— закончила свою рѣчь гостепріимная хозяйка.— Люблю я финновъ и отъ всей души желаю, чтобы то, о чемъ сейчасъ говорила, скорѣе привилось и у насъ на Руси“.

Послѣ обѣда пошли всей семьей вь лѣсъ за грибами. Одна изъ участницъ прогулки потеряла по дорогѣ часы.

Поискали, поискали, набѣжалъ дождь, вернулись домой безъ часовъ.

— Вѣроятно, найдутся, — успокаиваетъ хозяйка гостью.— Завтра—воскресенье. Я утромъ пошлю записочку пастору (священнику), онъ послѣ обѣдни объявитъ народу о пропажѣ часовъ на такомъ-то мѣстѣ, и, кому по пути, поищутъ, а если кто найдетъ, непремѣнно сюда принесетъ.

— Неужели такъ и будетъ?—удивился я.

— Обязательно! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у насъ же, здѣсь, на мызѣ, былъ такой

случай. Пріѣхалъ изъ Петербурга знакомый профессоръ; по дорогѣ обронилъ бумажникъ, гдѣ было 120 рублей. Искалъ, искалъ, не могъ найти. Сообщили пастору, и черезъ нѣсколько дней бумажникъ былъ принесенъ съ деньгами.

Какая бы не случилась гдѣ-нибудь крупная потеря, пасторъ послѣ обѣдни доводитъ до свѣдѣнія прихода и дѣлаетъ нравственное внушеніе о необходимости вернуть находку по принадлежности не ради награды за это, не изъ страха наказанія за утайку, а изъ чувства справедливости.

Все это было такъ ново, такъ необычно у насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хорошо, что я съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе убѣждался, какъ сильно можно измѣнить и нашу сѣрую, темную деревню къ лучшему; какъ круто можно повернуть нашу грубую, часто невыносимо дикую деревенскую жизнь на Божій путь свѣта и добра, если всѣ, кому то Богомъ указано, дружно возьмутся за дѣло истиннаго просвѣщенія мужика.

За два дня побывки въ Финляндіи я отдохнулъ тѣломъ, но еще болѣе отдохнулъ душой. Радостно было на сердцѣ, когда ѣхалъ назадъ. На вокзалѣ вошелъ въ зало для публики третьяго класса. Смотрю, въ углу полочка, а на ней Библія на финскомъ языкѣ. Это для ожидающихъ пассажировъ. Пріѣхалъ финляндецъ рано на поѣздъ или опоздалъ, надо долго ждать. Беретъ Библію, и часъ-другой ожиданія

не истомилъ напрасной скукой, а освѣжилъ его мысли и сердце.

„Да!—подумалъ я, садясь въ вагонъ.—Въ этомъ краю не только устроены прекрасныя дороги къ поселкамъ и мызамъ, но хорошо налажены и пути правды Божіей, дороги къ свѣту, доброй и разумной жизни“.

Отрадный уголокъ.

Встрѣтилъ знакомаго. Онъ только что вернулся изъ деревенской глуши, изъ нутра Россіи.

— Тяжело, — говоритъ, — въ деревнѣ. Силъ нѣтъ жить въ ней. Жутко за мужика, тревожно за грядущее народа. Душа истомилась, глядючи на народное горе. Словно у постели безнадежно больного: жалко до боли, сердце обливается кровью, а помочь какъ—не знаешь. Нужда вездѣ непокрытая. Куда ни посмотришь, вездѣ прорухи. А главное, темнота. Ужасъ беретъ, какая темнота. Руки опускаются; не знаешь, что дѣлать.

— То-то и бѣда, — говорю, — что у насъ руки у всѣхъ опущены, что мы *не знаемъ, что дѣлать*; а надо знать, надо подымать руки, подымать на дѣло, на разумную упорную работу.

Я всегда жалѣю, что у насъ въ конецъ испорчена одна чудная книга. Это извѣстный разсказъ о Робинзонѣ Крузо. Благодаря занимательной исторіи о приключеніяхъ Робин-

зона, она постоянно передѣлывается въ повѣсть для дѣтей, тогда какъ книга написана совсѣмъ не для дѣтской забавы. Въ своемъ Робинзонѣ писатель хотѣлъ дать мудрое поученіе взрослымъ людямъ. Онъ поставилъ своего героя, Крузо, въ самое невозможное положеніе: послѣ кораблекрушенія выкинулъ его на необитаемый островъ и, годъ за годомъ жизни Робинзона въ одиночествѣ, показалъ, какъ человѣкъ съ сильной душой, съ царемъ въ головѣ, настойчивымъ, упорнымъ и разумнымъ трудомъ можетъ и пустыню сдѣлать цвѣтущимъ садомъ, благословеннымъ уголкомъ. Поэтому, какая бы глушь ни была въ деревнѣ, какъ бы ни бѣдствовалъ народъ, въ какихъ бы ужасныхъ условіяхъ ни находился среди крестьянъ просвѣщенный работникъ, образованный человѣкъ, — все же положеніе не будетъ хуже положенія Робинзона послѣ кораблекрушенія.

Надо работать. Чѣмъ гуще надвигаются сумерки, тѣмъ больше мы усиливаемъ свѣтъ; чѣмъ холоднѣе на дворѣ, тѣмъ жарче мы топимъ печь. Такъ и въ деревнѣ. Пусть тамъ будетъ темная пустыня; мы будемъ Робинзонами ея! Среди народа, по деревнямъ и селамъ цѣлые вѣка работали *темныя силы*, оттого и *темно* тамъ; пойдутъ въ деревню добрыя, свѣтлыя силы, станетъ свѣтло. Послушайте, что мнѣ на дняхъ разсказывалъ одинъ товарищъ. Онъ былъ лѣтомъ въ Тверской губерніи, въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Тамъ есть село Пречистая

Каменка,—прелюбопытный и отрадный уголокъ.

Въ селѣ болѣе тридцати лѣтъ существуетъ земская школа. Учитель, на счастье, съ самаго начала попался прекрасный, безсмѣнно прослужилъ до послѣдняго времени, и доброе дерево принесло добрые плоды. За 35 лѣтъ школы народилось и по-новому воспиталось новое поколѣніе людей! Народъ разумный, серіозный, къ общественнымъ нуждамъ относится съ вдумчивой заботой. Выборные люди—волостные судьи, староста, писарь, старшина—всѣ подобраны какъ нельзя лучше. Любо глядѣть, какъ отправляется волостной судъ: ни пустой болтовни ни сбивки въ сторону. Видимо, люди понимаютъ, что тутъ прежде всего надо правду отыскать и правду живую, вѣчную, Божью, а... не бумажную въ протоколахъ.

— Оно, конечно, Сидоръ Левонтьичъ, по закону людскому Петра Михайловъ передъ тобой виноватъ, ну, а только, коли ежели судить по совѣсти, не по бумагѣ, а по-Божьи, тебѣ надо Петруху простить.

— Помиритесь, ребята,—любовно говорятъ судьи,—и, глядишь, Сидоръ и Петра, недавніе враги, идутъ домой друзьями.

А то и проще водворяется миръ. Прибѣжитъ какая-нибудь вздорная бабенка съ жалобой на сосѣдку. Послушаетъ старшина, покачаетъ головой и скажетъ:

— Ну, что пришла? Какую радость принесла? Сидѣла бы дома да дѣлала дѣло. Теперь пришла, время стравила; въ воскресенье придете, еще здѣсь полаетесь. Иди-ка съ Богомъ, молодка, домой; а обидѣлъ ежели кто, стерпи; скажи: „Богъ проститъ!“ Христосъ и не то терпѣлъ, да никому жалобъ не приносилъ.

Застыдится баба; поклонится въ поясъ и спокойно пойдетъ домой, а ссорой одной на деревнѣ меньше.

Особенно хорошо пошло внутреннее устроеніе села послѣ того, какъ въ волостномъ правленіи писаремъ сталъ Иванъ Елисеевичъ Новиковъ, а старшиной Александръ Михайловичъ Невскій.

Писарь Новиковъ самъ изъ крестьянъ, человѣкъ безукоризненной честности и большого сердца; мечталъ было объ учительствѣ, но въ заботахъ о другихъ все какъ-то надлежаще не умѣлъ подумать о себѣ. Сильно начитанный самъ, онъ любилъ хорошую книжку почитать мужикамъ. Получилъ разъ Иванъ Елисеевичъ маленькую книжечку „Дѣдъ Софронъ“, сталъ читать ее вслухъ; въ избѣ сдѣлалась мертвая тишина.

Грустная участь „дѣда“, обиженнаго и „міромъ“ и семьей, близко захватила многочисленныхъ слушателей. Мужики сидѣли, тяжело вздыхая; у многихъ блестѣли слезы на глазахъ, а иные подъ конецъ прямо заплакали, какъ дѣти. Кончилось чтеніе; начались разговоры.

Говорили о темнотѣ своей, о грубости деревенской жизни, о неправдахъ, что творятся среди нихъ.

— Если бъ побольше такихъ вотъ рѣчей, что до сердца доходятъ, иная бы жизнь, можетъ-быть, пошла въ народѣ по деревнямъ,— говорили мужики.

Обрадовался такимъ рѣчамъ Иванъ Елисеевичъ и говоритъ:

— А что, братцы, если бы намъ этакихъ книгъ, какъ „Дѣдъ Софронъ", побольше завести, да вотъ этакъ почитывать по вечерамъ?

Понравилось народу это слово. Стали толковать, какъ бы дѣло лучше устроить. Оказалось, устроить не хитро. Иванъ Елисеевичъ зналъ, что есть Высочайше утвержденныя правила объ открытіи безплатныхъ читаленъ въ деревнѣ по закону 15 мая 1890 г. На ближайшемъ сходѣ составили приговоръ объ открытіи читальни, отправили къ губернатору на разрѣшеніе. Теперь читальня существуетъ девятый годъ. За это время крестьяне перечитали сотни книгъ и передъ ними открылся новый міръ.

— Словно въ лѣсу просѣки во всѣ стороны прорубили или въ домѣ новыхъ оконъ понадѣлали: свѣту прибавилось. И въ головѣ яснѣй и въ сердцѣ свѣтлѣй,—говорятъ крестьяне.

По-новому стали думать и чувствовать, по-новому на жизнь смотрѣть.

Село на большой дорогѣ; изо дня въ день туда и назадъ бродятъ нищіе, бездомные

прохожіе, свои и чужіе. Подавали Христа ради, кормили, пріючали, а толку, какъ видѣлось, мало выходило. Какъ быть? Думали, думали пречистенскіе мужики и надумали:

— Подаешь просящему *Христа ради*, а на дѣлѣ выходитъ, больше для ради кабака. И тебѣ обидно за твое подаянье и нищему грѣшно за пропой. Что передаемъ въ одиночку за годъ, соберемъ-ка лучше все заразъ, устроимъ избу для чужихъ прохожихъ, а своихъ нищихъ разберемъ по домамъ. Одинъ старикъ или беззубая старуха не объѣстъ; а если кому не по силамъ, будемъ изъ собранныхъ денегъ платить тому за бѣднаго.

Какъ надумали, такъ и устроили. Сначала, годъ вели дѣло просто, „безъ затѣй“, какъ говорили они, безъ устава. Земскій начальникъ сталъ уговаривать устроить попечительство по уставу.

— Ваше благородіе, — отвѣчали мужики, — какой тутъ уставъ? У насъ уставъ извѣстенъ: законъ Христовъ. Сказано: „Голоднаго накорми, страннаго пріюти, голаго одѣнь“,—вотъ тебѣ и уставъ.

Потомъ, однако, когда дѣло расширилось, и увеличились средства, когда понадобился извѣстный порядокъ и наблюденіе за порядкомъ, пречистенцы поняли, что уставъ необходимъ, и возникло попечительство. Теперь въ попечительствѣ имѣется 800 руб. запасныхъ денегъ, а по волости больше не бродитъ ни одного

нищаго, нѣтъ ни одного бездомнаго, ни старика ни сироты.

Кромѣ попечительства о бѣдныхъ, благодаря стараніямъ волостного старшины, А. М. Невскаго, возникъ у каменцевъ цѣлый рядъ другихъ крайне полезныхъ учрежденій: складъ сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, ссудо-сберегательное товарищество, вольное пожарное общество и, наконецъ, большой домъ для разумныхъ развлеченій народа, гдѣ будутъ помѣщаться чайная, читальня, зало для спѣвокъ и концертовъ и для народныхъ чтеній съ туманными картинами. Старшина Александръ Михайловичъ Невскій, человѣкъ большого природнаго ума и большой начитанности, отличается и большою выдержкою, спокойно взвѣситъ, обсудитъ одно дѣло, устроитъ все прочно и тогда берется за новое предпріятіе.

Вмѣстѣ съ писаремъ, съ приходскимъ священникомъ и нѣкоторыми другими членами попечительнаго совѣта, старшина понялъ, что мало пріютить нищаго; еще лучше предохранить человѣка отъ возможности стать нищимъ, и потому въ Пречистой Каменкѣ устроили общество трезвости. Прежнее пьяное веселье, дикій разгулъ, пребыванье днями въ кабакѣ понадобилось замѣнить чѣмъ-нибудь болѣе разумнымъ, и вотъ является домъ разумныхъ развлеченій для народа. За двѣ тысячи рублей купили на сносъ большой помѣщичій домъ; священникъ далъ мѣсто на принадлежащей ему

церковной землѣ, и въ селеніи выросла гордость пречистенцевъ—храмина свѣта и добра. Большая часть дома занята заломъ съ возвышеніемъ у стѣны; на первомъ мѣстѣ большая чудной работы икона Спасителя; на стѣнахъ висятъ два экрана (полотно для чтеній съ туманными картинами), въ углу стоитъ піанино.

Въ боковой комнатѣ рядъ чистенькихъ чайныхъ столовъ, шкапъ съ книгами и газетами, по стѣнамъ картины и географическія карты. Тутъ вы всегда найдете и пречистенцевъ и заѣзжихъ издалека: вотъ въ углу сидитъ какая-то убогая странница съ котомкой и палкой; за столомъ чайничаетъ проѣзжій ямщикъ, а у стѣны, подлѣ географической карты, два молодыхъ парня ищутъ Пекинъ и пальцемъ проводятъ дорогу, какъ изъ Россіи проѣхать въ Китай.

Въ главной, средней комнатѣ, три раза въ недѣлю ведутся подъ наблюденіемъ священника, молодого, энергичнаго и отзывчиваго на все доброе и свѣтлое батюшки, духовныя и литературныя чтенія. Иногда устраиваются концерты съ литературнымъ чтеніемъ, съ живыми картинами къ баснямъ Крылова.

Выписанный въ Пречистенское изъ Москвы искусный регентъ въ короткое время изъ крестьянъ создалъ такой прекрасный хоръ, что изъ Торжка было сдѣлано предложеніе пріѣхать въ городъ и дать тамъ концертъ.

У меня подъ руками имѣется печатная программа концерта, который былъ устроенъ 29 іюня сего года въ помѣщеніи риги. Программа крестьянскаго концерта—вещь такая новая и такъ интересна, что я не могу не привести ея цѣликомъ.

„Въ селѣ Прямухинѣ, значится на афишѣ, съ разрѣшенія начальства въ четвергъ 29 іюня 1900 г. въ зданіи риги имѣетъ быть концертъ, который исполнитъ хоръ любителей, изъ крестьянъ села Пречистой Каменки. Программа. Отдѣленіе I: 1) Гимнъ: „Боже царя храни!“ 2) „Лисица и виноградъ“,—дѣтская опера, соч. Орлова, 3) „Жилъ былъ мужичокъ“, народн. пѣсня, 4) „Хазъ Булатъ молодой“. Отдѣленіе II: 1) Живыя картины къ баснямъ Крылова: „Пустынникъ и медвѣдь“, „Хозяинъ и работникъ“, „Два мужика“ и къ стихотв. Некрасова: „Морозъ—красный носъ“. Отдѣленіе III: 1) Живыя картины къ баснямъ Крылова: „Демьянова уха“, „Три мужика“ и „Разборчивая невѣста“. 2) Чтеніе стихотв. Некрасова: „По работѣ ретивъ ты, Гаврила“, и 3) нѣсколько народныхъ пѣсенъ“.

Концертъ имѣлъ громадный успѣхъ. Посѣтители риги проявляли такой восторгъ, переживали столько свѣтлыхъ чувствъ, что имъ, навѣрное, позавидовали бы зрители столичныхъ театровъ.

Самымъ послѣднимъ нововведеніемъ въ Пречистой Каменкѣ являются потребительное

общество, артельная пасѣка и общественная запашка.

Подлѣ села было болото. Кочка на кочкѣ; подъ сѣнокосъ и то не годилось. Прошлой весной сидѣли мужики въ праздникъ послѣ обѣдни кучей, балакали. Подходитъ Иванъ Елисеевичъ, лукаво улыбается и говоритъ:

— А не хотите ли, господа почтенные, водочки выпить?

— Выпить, для ча не выпить?—осклабились мужики.—Было бы за что. Сказывай, чего еще удумалъ?

— Да вотъ,—отвѣчаетъ Елисеевичъ,—болото бы немного подровнять, да разъ-другой сохой пройтись.

Мужики и бабы дружно всѣмъ селомъ принялись за работу; къ вечеру вмѣсто болота пашня. Мужики диву дались, какъ это раньше никому въ голову не приходило. Новиковъ не далъ опомниться, предложилъ сейчасъ же засѣять общественнымъ овсомъ. Овесъ потомъ, къ осени, уродился на славу.

Когда шли съ работы поздно вечеромъ, кто-то заикнулся было насчетъ водочки. Сосѣди такъ цыкнули, что тотъ спрятался за народъ.

— Этакое дѣло человѣкъ надоумилъ, а ты „водочки“. Совѣсть, что ли, въ бутылкѣ оставилъ?

Потребительное общество образовалось на паяхъ, по частному почину тѣхъ же писаря и старшины. Лавка дѣйствуетъ всего 2—3 мѣ-

сяца и успѣла уже сдѣлать оборотъ на тысячу рублей. По примѣру ея и у сосѣдей успѣли открыться еще двѣ такихъ же лавки.

Такое процвѣтаніе благодатнаго уголка далось, конечно, не легко. Работникамъ, стоящимъ во главѣ дѣла, пришлось да, вѣроятно, еще и придется отвѣдать не мало горькаго.

Много у нихъ попорчено крови, много пережито тяжелыхъ минутъ, много, можетъ-быть, проглочено и незаслуженныхъ слезъ. Ивану Елисеевичу пришлось однажды даже въ холодной посидѣть.

Дѣло было такъ. Получилъ онъ разрѣшеніе отъ начальства завести чтеніе съ туманными картинами *у себя на селѣ, въ школѣ*. Выписали волшебный фонарь. Народъ льнетъ на чтенія, какъ мухи къ меду. Елисеевичъ—человѣкъ горячій, возьми да и поѣзжай съ фонаремъ по сосѣднимъ деревнямъ, по избамъ, чего безъ разрѣшенія не позволяется. Начальство узнало, всполошилось: можетъ и само отвѣтить за недосмотръ. Вызвали Елисеевича, устроили разносъ:

— Чего затѣялъ безъ спросу? Знаешь, все позволятъ тебѣ, потому ты—человѣкъ надежный? Что же торопишься, не спрося? Горячъ больно. Поди-ка посиди денька 2—3 въ холодной, поостынь.

И посидѣлъ Иванъ Елисеевичъ. Выходитъ, у насъ, на Руси, отъ сумы да отъ тюрьмы и добрый человѣкъ не отрекайся.

Послѣднее время новое горе у Ивана Елисеевича. Потихоньку да помаленьку дѣлъ-то въ Пречистой Каменкѣ оборудовали много. Стали и въ газетахъ писать про работу старшины Невскаго и писаря Новикова; стали кой-кто и заѣзжать посмотрѣть, какъ устроились хорошо пречистенскіе крестьяне. Заѣзжаетъ народу всякаго: одни хвалятъ, другіе на весь долголѣтній просвѣтительный трудъ пречистенскихъ работниковъ крестъ кладутъ: „Пустая-де все это затѣя,—говорятъ.—Вы здѣсь маленькими дѣлами занимаетесь, чирьи лѣчите, а все тѣло больнымъ остается. Нестоящая ничего ваша работа. Надо не заплатки ставить на старое, а все сломать и заново строить“.

Пріѣзжаютъ все люди молодые, горячіе; въ высшихъ школахъ учились; все умныя книги читали и говорятъ не своими словами, а рѣчами прославленныхъ ученыхъ. Обидно иной разъ станетъ Ивану Елисеевичу; иную ночь всю напролетъ продумаетъ: „Да неужели и впрямь весь этотъ долголѣтній трудъ напрасный? Строилъ, строилъ; годы на работѣ корпѣлъ; сколько горя перевидалъ, и вдругъ все это ненужнымъ дѣломъ считаютъ“.

Крѣпко вѣритъ въ свое дѣло Иванъ Елисеевичъ, а все-таки досадно бываетъ. Оно и понятно: человѣкъ выстрадалъ горбомъ живое доброе дѣло, хотѣлось бы и другихъ на ту же работу подбить, примѣромъ Каменки другія деревни и села заразить, а тутъ: „стой“, гово-

рятъ, да еще умными книгами прикрываются, на нихъ поклепъ взводятъ. Вчужѣ и то обидно. Хотѣлось бы за Ивана Елисеевича такимъ заѣзжимъ „умникамъ" отвѣтить:

— Заплатки, — говоришь, — на старое ставимъ? Все надо сломать да заново строить?.. Мой покойный дѣдъ (умный мужикъ былъ; даромъ, что грамоты не зналъ) сказалъ бы тебѣ: „шибко шагаешь, штаны разорвешь".

„Ты меня умными книгами не пугай. Умную книгу я уважаю; она темному человѣку, какъ хлѣбъ голодному, нужна. Только вѣдь ее, какъ хлѣбъ и разжевать надо, а, разжевавши, переварить. Иначе она у тебя комомъ заляжетъ. Бываетъ несвареніе въ желудкѣ, а случается, что и голова тоже книжную пищу не варитъ. Книга-то она великая; ума въ ней пропасть, ну, а головенка-то маленькая, лбишко-то узенькій, книга и не вмѣщается; сама путемъ не влѣзла, да и что раньше было въ головѣ, и то спутала.

„Опять же и дѣла наши, если они и маленькія, то ни какъ не пустыя, нестоящія. Никакой домъ вѣдь заразъ цѣлыми стѣнами не строится, а кладется камень за камешкомъ, кирпичъ за кирпичомъ. Устроеніе же Россіи — стройка не малая. Мы и кладемъ свои кирпичи. А что они маленькіе, это ничего, было бы ихъ только больше. Возьми коралловые полипы. Чего незамѣтнѣе работа каждаго изъ нихъ? А что они дѣлаютъ вмѣстѣ? Въ океанѣ созидаютъ

громадные острова, на которыхъ живутъ цѣлые племена и народы. Ну, вотъ мы, маленькіе полипы, тутъ въ Пречистой Каменкѣ, среди обычнаго нашего деревенскаго моря тьмы, и строимъ свой островокъ добра и свѣта. И ты, братецъ мой, напрасно насъ смущаешь. Жизнь, что сума дорожная; туда много, много надо на далекій путь человѣчества добрыхъ припасовъ, и если мы туда хоть крошку добра опустимъ, спасибо кто-нибудь потомъ да скажетъ. Добро всегда добро и никогда не бываетъ пустякомъ".

Пречистая Каменка, этотъ отрадный уголокъ нарождающейся трезвой просвѣщенной русской деревни, ясно показываетъ, какъ много и у насъ можно сдѣлать свѣтлаго въ темной глуши, если найдутся *разумные* усердные работники. Надо, стало-быть, работать; *не руки опускать, а не покладывая рукъ* работать и работать.

Когда мы ѣдемъ въ распутицу глухимъ поселкомъ съ малыми ребятами, какая бы слякоть и грязь не стояли, какъ бы ни моросило сверху и какою бы стужей ни дуло съ боковъ, мы вѣдь повозку съ дѣтьми среди дороги не бросимъ, а впряжемся сами въ постромки и будемъ тянуть, пока не выберемся на сухой и ровный путь. То же и съ деревней, съ нашей народной распутицей, съ повозкой нашихъ меньшихъ братьевъ. Писарь вотъ Новиковъ, старшина Невскій, мѣстный священникъ и кое-

кто еще давно уже впряглись въ работу, долгіе годы тащили пречистенцевъ къ свѣту и выволокли, наконецъ, цѣлую волость на привольный путь разумной и трезвой жизни. Потащимъ и мы туда же свои глухіе деревни и села. Не сразу, не вдругъ, не однимъ порывомъ, а понемногу, шагъ за шагомъ, Богъ дастъ, и вывеземъ темную родину на твердый путь знанія и Божіей правды.

— Трогайтесь, съ Богомъ! Дорога дальняя, и путь тяжелый; время некогда терять.

Постыдное малодушіе.

Какъ ледъ и пламя, огонь и вода, такъ и добро и зло не могутъ ужиться рядомъ. Каждое стремится уничтожить другое. Добро старается образумить людей искреннимъ, сердечнымъ словомъ, горячимъ призывомъ къ правдѣ Божіей; будитъ въ человѣкѣ уснувшую совѣсть, собственнымъ примѣромъ укрѣпляѣтъ его слабую волю, властно влечетъ за собой. Зло, наоборотъ, желаетъ задушить въ зародышѣ всякій добрый починъ, всякую благую мысль; никакими средствами оно не брезгуетъ: гдѣ можно, оно дѣйствуетъ прямо насиліемъ; гдѣ нельзя взять силою, прибѣгаетъ къ хитрости, лести, обману; въ крайнемъ случаѣ довольствуется грязной сплетней, скверной клеветой, обидной шуткой, злой насмѣшкой, грубымъ издѣвательствомъ. Припомните Евангеліе. Только что родился въ Виѳлеемѣ обѣщанный міру Спаситель, а съ Нимъ полностью снизошла на землю правда Божья, какъ зло уже пытается погубить Его въ колыбели: Иродъ избиваетъ тысячи младенцевъ, чтобы вмѣстѣ съ ними умертвить и младенца Іисуса.

Проходитъ тридцать лѣтъ. Іисусъ Христосъ въ пустынѣ постомъ и молитвою готовится къ дѣлу спасенія людей,—духъ зла различными искушеніями, соблазнами, лестью, лукавствомъ пытается отклонить Его отъ призыва людей къ новой, доброй, Божьей жизни. Выступаетъ Іисусъ на проповѣдь, словомъ божественной любви собираетъ вокругъ себя несмѣтныя толпы, очищаетъ сердца блудницъ и мытарей, — надъ нимъ смѣются, называютъ Его вельзевуломъ (Мѳ. XII, 24), не хотятъ Его считать своимъ, іудеемъ; говорятъ, что онъ — самарянинъ, отверженный, отщепенецъ избраннаго народа (Ін. VIII, 48), что Онъ бѣса имѣетъ въ Себѣ. Таковъ неизбѣжный тернистый путь правды, добра и любви и тѣхъ, кто служитъ имъ, работаетъ во имя ихъ. Такъ было, есть и всегда будетъ. Спаситель говоритъ своимъ ученикамъ: „Такъ гнали пророковъ, бывшихъ прежде васъ, такъ гонятъ Меня, такъ будутъ гнать и васъ“.

Жизненный путь людей густо поросъ колючимъ терніемъ; людскія неправда, беззаконіе и всякое распутство, словно дремучій лѣсъ, непроходимой чащей преграждаютъ намъ дорогу къ Богу, къ Его любви и истинѣ, къ царству Божію на землѣ. Надо, чтобы кто-нибудь въ этой дремучей чащѣ протопталъ дорогу къ Божьей правдѣ, прорубилъ просѣки и расчистилъ колючій тернъ, а безъ труда и царапинъ это дѣло не исполнишь: порою больно хлестнетъ вѣткой, зацѣпитъ сучкомъ, глубоко

вопьются терновыя иглы. „Царство Божіе силою берется, и только употребляющіе усиліе восхищаютъ его“, предупреждалъ Іисусъ Христосъ (Мѳ. XI, 12). Путь на гору всегда бываетъ тяжелъ и утомителенъ, зато какая даль открывается съ вершины, какія дивныя картины рисуютъ взору, какой чистый и укрѣпляющій воздухъ вѣетъ наверху, какъ легко и свободно дышитъ грудь. „Горѣ имѣемъ сердца“.

Стыдно и преступно бояться труда и тяготы подъема нашей жизни на вершину правды Божьей. Сколько усилій мы употребляемъ, чтобы лучше устроить внѣшнее благополучіе свое, нашихъ дѣтей и, вообще, потомковъ. Ради торговли и наживы люди десятками дней идутъ по безводнымъ пустынямъ, переплываютъ бурныя, опасныя моря, пробираются черезъ страшныя крутизны горныхъ хребтовъ; чтобы добыть насущный хлѣбъ, люди ныряютъ за жемчугомъ на дно океана, взбираются на неприступныя скалы за дорогимъ пухомъ боязливой птицы гаги, какъ кроты, роются глубоко въ подземельяхъ, добывая металлы и каменный уголь. Неужели золото правды Божьей и жемчугъ любви Христовой не стоятъ соотвѣтствующихъ трудовъ? Нѣтъ болѣе цѣннаго наслѣдства для дѣтей, какъ наслѣдство любви, добра и правды. Если мы хотимъ, дѣйствительно, устроить свое благополучіе и благополучіе ближнихъ, то для этого прежде всего необходимо направить свои

собственныя силы и силы другихъ на устроеніе доброй, правдивой и братски-любовной жизни. Въ Евангеліи сказано: „Ищите прежде всего Царства Божія и правды Его и все остальное приложится вамъ“.

И было бы неправдой, обидной клеветой, если бы кто сталъ утверждать, что люди не ищутъ правды Божіей, не стремятся къ добру, чуждаются евангельской любви, что нѣтъ работниковъ, которые бы трудились для дѣла Христова, отдавали бы силы на устроеніе царства Божія на землѣ. Хотя и теперь евангельскія слова: „Жатвы много, а дѣлателей мало“, не утратили своей силы, но все же ряды работниковъ на нивѣ Божьей растутъ. Главный недостатокъ не въ числѣ работниковъ (Іисусъ Христосъ послалъ на проповѣдь всего только горсть апостоловъ, а они преобразили жизнь всего міра), а въ недостаткѣ силы духа, вѣры въ свое дѣло у тѣхъ, кто берется за дѣло Божье.

Мы порою готовы бываемъ самоотверженно трудиться во имя Христово, отдаемъ безкорыстно для того или другого добраго дѣла свои силы, время и трудъ, но при этомъ нуждаемся чтобы насъ и наше дѣло поддерживали общимъ сочувствіемъ. Когда же въ награду намъ даютъ терновый вѣнецъ, никто не хочетъ намъ помочь, а всѣ смѣются надъ нашимъ дѣломъ, какъ надъ праздною, ненужною затѣей, мы падаемъ духомъ, у насъ опускаются руки и про-

падаетъ охота дальше трудиться. Это позорное, преступное малодушіе. Мы забываемъ примѣръ Самого Господа Іисуса Христа, апостоловъ, древнихъ христіанъ-мучениковъ и тѣхъ великихъ тружениковъ Царства Божія, которыми и теперь сѣмя Христово растетъ и множится въ людяхъ. Противъ Іисуса Христа были царь Иродъ, синедріонъ, всѣ книжники и фарисеи—вожди и учители народа; Его не принимали самые близкіе Ему по плоти люди, не разумѣли во многомъ постоянно бывшіе съ нимъ ученики; народъ, о которомъ Іисусъ такъ болѣлъ сердцемъ и которому оказалъ столько благодѣяній, предпочелъ Ему разбойника Варавву и, несмотря на все это, Спаситель ни разу ни на шагъ не отступилъ отъ своего дѣла. Онъ говорилъ: „Мнѣ должно дѣлать дѣла Пославшаго Меня“ (Іоанна IX, 4), а что другіе будутъ дѣлать, какъ они отнесутся къ дѣлу Божью, въ томъ они сами дадутъ отчетъ Богу,—это дѣло ихъ совѣсти. То же Спаситель заповѣдуетъ и намъ: „Ты знаешь, что людямъ прежде всего и больше всего надобны истина Божья, такъ и сѣй ее вокругъ тебя; дѣлай добро, какъ можешь и сколько позволяютъ тебѣ силы; это твой долгъ, твоя обязанность“.

Хочетъ ли больной принимать лѣкарство, или не хочетъ; хвалитъ врача, или бранитъ; встрѣчаетъ ли его съ радостной улыбкой, или отворачивается съ злобой,—врачъ все же не оставляетъ больного и думаетъ только объ

одномъ, какъ бы помочь больному, вернуть ему силы, поставить его на ноги. Будь такимъ врачомъ для души твоихъ слабыхъ братьевъ.

Когда мы хотимъ ѣсть и принимаемся за пищу, мы не обращаемъ вниманія, одобряютъ другіе наше занятіе или осуждаютъ; для удовлетворенія голода мы не нуждаемся въ особомъ сочувствіи присутствующихъ. То же самое должно быть и съ нашей работой надъ Божьимъ дѣломъ. „Іисусъ, сказано въ Евангеліи, говорилъ ученикамъ: *Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершить дѣло Его*“ (Іоан. VI, 34). Не будь никогда голоденъ этою пищею, не бросай ея потому, что она не нравится другимъ. Эта пища, воля Божія,— главный источникъ жизни вѣчной. Люди, пока плохо знаютъ вкусъ ея, не умѣютъ цѣнить ее; какъ малыя дѣти, они вмѣсто сытной здоровой пищи тянутся къ вреднымъ лакомствамъ, пагубнымъ сластямъ. Если ты отвернешься, по малодушію, отъ здоровой пищи, кто ихъ научитъ питаться тѣмъ, что одно дѣйствительно питаетъ!

Надъ древними христіанами смѣялись за ихъ проповѣдь Христа, считали ихъ безумцами, хотѣли тюрьмами, пытками и казнью отвратить отъ новой вѣры,—христіане твердо держались своихъ вѣрованій, своихъ взглядовъ на жизнь, и своими страданіями за вѣру внушали даже врагамъ уваженіе къ христіанству.

„Значитъ, христіанство не пустое суевѣріе,— думали язычники,—если за него такъ охотно

люди жертвуютъ жизнью, въ немъ, стало-быть, есть что-то, что можетъ быть людямъ дороже жизни, и такимъ образомъ твердость духа христіанъ внушала язычникамъ высокое уваженіе къ ученію Іисуса Христа“.

Заставить другихъ цѣнить дѣло Божье выше всего можно только тогда, когда самъ цѣнишь его выше всего и объ этомъ свидѣтельствуешь жизнью.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Швейцаріи, въ одно фабричное селеніе прибылъ для проповѣди Евангелія и доброй евангельской жизни небольшой отрядъ арміи спасенія[1]). Жители селенія — рабочіе окрестныхъ фабрикъ и заводовъ — представляли изъ себя людей крайне испорченныхъ: пьянство, грубый развратъ, страшная брань и богохульство, постоянныя драки дѣлали деревню маленькимъ Содомомъ или Гоморрой. Сюда-то и пришли члены арміи спасенія.

Въ первый же субботній день, когда была получка заработной платы рабочими и когда эти трудовые, добытые потомъ и кровью гроши пошли затѣмъ на дикій безшабашный разгулъ, прибывшіе проповѣдники, мужчины и женщины, стали обходить трактиры и кабаки.

— Добрые люди, — говорили они, — опомнитесь, побойтесь Бога, пожалѣйте своихъ женъ и дѣтей. Дома васъ ждутъ холодныя и голод-

[1]) Объ арміи спасенія кратко сказано въ 3-и книгѣ «Друга Трезвости».

ныя семьи, а вы здѣсь пропиваете послѣднія деньги. Цѣлые дни и недѣли въ копоти, въ пыли и въ духотѣ вы надрывались у станковъ за тяжелой работой и неужели все это затѣмъ, чтобы теперь еще отравиться водочнымъ ядомъ, потерять разумъ, превратиться въ грубое животное, прійти домой, какъ дикому звѣрю, и вмѣсто радости, веселья дѣтямъ принести побои, брань, горе и слезы? Вѣдь вы же люди, разумныя Божьи созданья! Для васъ также приходилъ Спаситель на землю, къ вамъ также обращалъ Свое слово, за васъ также пролилъ Свою кровь. Сбросьте съ себя звѣриный обликъ, опомнитесь, станьте людьми!

Не понравились эти слова рабочимъ. Призывъ къ исправленію, къ трезвой доброй жизни былъ встрѣченъ насмѣшками, грубою бранью, угрозами зажать ротъ. Проповѣдники не смутились непріятностью первой встрѣчи: всю недѣлю ходили по домамъ, бесѣдовали съ женщинами и дѣтьми, не ходившими на работу, а въ субботу снова начали свой походъ противъ пьянства отцовъ и мужей. Раздосадованные рабочіе отъ брани перешли къ дракѣ и незваныхъ пришельцевъ съ побоями вытолкали изъ деревни. Тѣ безропотно подчинились, но въ слѣдующую субботу опять были въ той же деревнѣ и опять дѣлали то же свое дѣло, старались вразумить огрубѣвшій народъ. Пьяные рабочіе олютѣли отъ злобы; съ страшными проклятіями набросились на тѣхъ, кто говорилъ имъ о Богѣ и о

Его правдѣ; били ихъ смертнымъ боемъ и, наконецъ, схватили начальника отряда... пригвоздили его, по примѣру Христа, о которомъ онъ говорилъ имъ, ко кресту и съ пѣніемъ богохульныхъ пѣсенъ носили крестъ съ распятымъ по деревнѣ, а потомъ его и всѣхъ его друзей, избитыхъ до безчувствія, выкинули за деревню.

На утро, когда хмель прошелъ, рабочіе вспомнили вчерашнее и съ ужасомъ стали размышлять, что имъ теперь будетъ за ихъ дикое буйство и насиліе. Они ждали тяжелыхъ наказаній властей; но случилось, чего они никакъ не предполагали. Избитые, измученные рабочими проповѣдники покаянія на утро, какъ только немного оправились и собрались съ силами, снова пришли къ своимъ вчерашнимъ мучителямъ и, словно ничего не было, снова кротко и любовно говорили имъ о позабытомъ ими Богѣ, о поруганной Его правдѣ, о загубленной ими ихъ собственной душѣ. Любовь оказалась сильнѣе злобы; рабочіе были не въ силахъ болѣе упорствовать передъ словами благовѣстія; со слезами окружили тѣхъ, кого вчера заставляли плакать; цѣловали имъ руки, ноги, молили о прощеньѣ, клялись начать другую жизнь, просили не уходить отъ нихъ. Прошло два года, деревня стала неузнаваема: адъ смѣнился раемъ; трезвость жителей, семейный миръ, достатокъ въ домахъ стали примѣрными и не бывалыми въ округѣ.

Вся эта перемѣна въ жизни испорченныхъ жителей рабочаго селенія зависѣла, конечно, не отъ числа пришедшихъ къ нимъ добрыхъ людей, а отъ силы духа послѣднихъ, отъ стойкой, несокрушимой любви ихъ къ погибающимъ братьямъ, отъ глубокой убѣжденности, твердости вѣры, что свѣтъ осилитъ тьму, что правда одолѣетъ ложь и что добро возьметъ верхъ надъ зломъ, несмотря ни на какія препятствія. Больше этой вѣры въ торжество добра, больше мужества въ борьбѣ за правое дѣло, больше стойкости передъ нападками и ухищреніями зла!

Вѣдь, право же, зло такъ могущественно на землѣ, такъ властно царствуетъ надъ міромъ не потому, что въ немъ неодолимая сила, а потому, что мы слабо боремся съ нимъ, при первомъ отпорѣ съ его стороны малодушно бросаемъ начатое доброе дѣло, отходимъ въ сторону и оставляемъ жизнь итти прежнимъ грустнымъ путемъ.

Какъ часто достаточно бываетъ нѣсколькихъ глупыхъ насмѣшекъ, чтобы охладить пылъ, казалось, искренне воодушевленной души, ослабить энергію ретиваго работника, въ зародышѣ загубить добрый починъ. А смѣются у насъ вѣдь надъ всѣмъ: станетъ ли человѣкъ религіознымъ, богомольнымъ; примется ли за изученіе слова Божія; броситъ ли разгулъ и начнетъ трезвую жизнь; отстанетъ ли отъ картежной или иной какой игры; начнетъ ли

добрымъ словомъ останавливать, вразумлять другихъ; затѣетъ ли на общую пользу какое-нибудь доброе дѣло, — все высмѣютъ, надъ всѣмъ будутъ издѣваться. Кто-то справедливо поэтому сказалъ: „Потому у насъ такъ часто и приходится плакать надъ многимъ, что очень ужъ много мы смѣемся надо всѣмъ“.

И не то грустно, что часто слышится и громко раздается глупый смѣхъ, а то, что многіе его боятся, прячутся отъ него, словно стыдятся своего добраго дѣла, своихъ прекрасныхъ словъ, благородныхъ мыслей, свѣтлаго замысла. Многіе не боятся привидѣній, зная, что это пустой вздоръ, бредъ больной головы; безстрашно стоятъ подъ пулями на полѣ брани; не пугаются гнѣва начальства, смѣло скажутъ правдивое слово — и, какъ огня, опасаются насмѣшки, косого взгляда толпы, смущаются тѣмъ, что станутъ говорить о нихъ кругомъ. Одинъ англійскій писатель разсказываетъ такой случай. Въ казарму, въ среду грубыхъ, испорченныхъ солдатъ, по нуждѣ, попалъ кроткій, богобоязненный юноша. Онъ у себя дома привыкъ начинать и кончать день молитвой Богу. То же сталъ дѣлать и въ казармѣ. Грубые товарищи съ перваго же дня осыпали его насмѣшками, кидали въ него подушками и сапогами, съ хохотомъ, свистомъ и богохульнымъ пѣніемъ окружали его и не давали ему молиться. Смутился молодой солдатикъ, не выдержалъ насмѣшекъ.

„Богъ, — думалъ онъ, — видитъ вѣдь вездѣ; буду молиться въ постели, подъ одѣяломъ".

Такъ и сталъ дѣлать. Прошло долгое время. Однажды, наконецъ, сосѣдъ по койкѣ, старый, закаленный въ бою солдатъ, замѣтилъ это и, улучивъ минуту, когда они были одни, сталъ его стыдить.

— Я не молюсь, потому что огрубѣлъ, отвыкъ отъ молитвы, а тебѣ стыдно прятаться съ молитвой. Какой ты послѣ этого солдатъ! Испугался насмѣшекъ, прячешься подъ одѣяло. Что же, въ битвѣ, когда на тебя посыплются пули, ты тоже будешь прятаться подъ одѣяло? Не хочешь молиться, не молись, а если дорожишь молитвой, не прячься съ нею. Глупые люди смѣются, а ты и уступилъ; нѣтъ, ты стой на своемъ и ихъ заставь уступить тебѣ.

Ободрился солдатикъ; снова сталъ открыто молиться. Насмѣшки поднялись опять, но онъ не обращалъ на нихъ больше вниманія, и онѣ постепенно смолкли, а со временемъ одинъ солдатъ за другимъ сами порой становились на молитву; многіе по примѣру его заводили себѣ молитвенники, Евангеліе, и жизнь ихъ сдѣлалась иною: во многомъ измѣнилась къ лучшему. „Малая закваска,— говоритъ апостолъ,— заквашиваетъ все тѣсто" (Гал. V, 9), а соль и въ большомъ количествѣ, если потеряетъ свою силу, ни къ чему не бываетъ годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ (Мѳ. V, 13).

Что же, читатель, чѣмъ мы будемъ съ тобою для окружающей насъ жизни: доброю ли закваскою Христовой или солью, потерявшей силу? Пойдемъ ли къ людямъ вмѣстѣ со Христомъ и вмѣстѣ съ Нимъ, если понадобится, будемъ терпѣть и смѣхъ, и поруганіе, и скорби? Или заодно съ неправдою людскою и человѣческимъ распутствомъ сами посмѣемся надъ евангельскимъ словомъ, поставимъ крестъ надъ дѣломъ Спасителя?

Двѣ разныхъ дороги лежатъ передъ нами, а какая лучше, выбирайте сами!

Оглавленіе.

ЛЮДИ—БРАТЬЯ.

СВЯЩЕННИКА

Г. С. ПЕТРОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Вощинской, Ярославская ул., № 1—9.
1903.

Дозволено Цензурою. Спб., 16 Іюня 1903 г.

Люди—братья*).

I.

Извощикъ—философъ.

При переѣздѣ черезъ границу въ Австрію, на пограничной станціи я купилъ книгу изъ галицийской жизни. Когда ѣхалъ дальше по Галиціи, случайно попалъ въ ту мѣстность, гдѣ происходило описываемое въ книгѣ дѣйствіе. Мнѣ захотѣлось дочитать книгу на фонѣ его естественной, природной обстановки. Я вылѣзъ на маленькой станціи и пробылъ здѣсь весь день. Вышло не совсѣмъ удачно. Пошелъ дождь. Кругомъ высились Карпатскія горы. Небольшой кусокъ неба надъ головой густо заволокся тучами. Около станціи деревнюшка тонула въ грязи. Пришлось сидѣть на вокзалѣ. Прочитавъ книгу до конца, я сталъ обѣдать. Подлѣ, у буфета, четверо желѣзнодорожныхъ служащихъ сидѣли и играли въ карты. Мнѣ дали простой, но сытный и вкусный обѣдъ: прекрасный супъ, жареное мясо, цыпленка, фрукты и стаканъ кофе съ пирожнымъ.

*) „Люди — братья“ — глава изъ печатающейся книги „Вавилонская башня“, („Города и люди“).

Спрашиваю: „что стоитъ?“. Хозяинъ буфета подходитъ самъ и, наклонясь ко мнѣ, почти шопотомъ говоритъ:

— Сорокъ крейцеровъ (около 30 копѣекъ).

Думаю, ослышался или не понялъ; переспрашиваю: „сколько?“. Хозяинъ снова наклоняется и еще тише, но ясно отчеканиваетъ:

— Сорокъ крейцеровъ.

Удивляюсь непонятной дешевизнѣ и расплачиваюсь. Содержатель буфета любезно предлагаетъ отдохнуть въ залѣ. Я говорю:

— Я пробовалъ уже туда войти, но у васъ заперто, да и удобно ли, если я засну въ общемъ залѣ?

— Ничего,—успокаиваетъ хозяинъ буфета,—у насъ поѣзда проходятъ рѣдко, до десяти часовъ вечера никого не будетъ. Я сейчасъ вамъ открою и, если позволите, принесу пледъ укрыться.

Я благодарю и удивляюсь крайней любезности нѣмца. Черезъ двѣ минуты мы съ нимъ вдвоемъ въ залѣ. Чуть только дверь за нами закрылась, мой „нѣмецъ“ хватаетъ меня за руку и полурусскимъ, полумалороссійскимъ языкомъ говоритъ:

— Вы русскій! Изъ Россіи! Какъ я радъ! У насъ мѣсто глухое. Мы живемъ въ сторонѣ. Проѣзжихъ изъ Россіи тутъ не бываетъ, и я первый разъ вижу русскаго, родного брата изъ великой Россіи.

Мой „нѣмецъ“ оказался русскимъ, или русиномъ, какъ ихъ напрасно обычно называютъ. Мы долго по душѣ поговорили. Мой собесѣдникъ жаловался, что русскимъ тяжело жить здѣсь: полякъ и нѣмецъ гнетутъ ихъ.

Послѣ сна я выхожу снова въ буфетъ пить

чай. Желѣзнодорожники попрежнему сидятъ за картами. Мой хозяинъ, не давъ мнѣ раскрыть рта, какъ-то демонстративно громко спрашиваетъ меня по-нѣмецки: не угодно-ли мнѣ чего-нибудь, и затѣмъ, все время говорилъ по-нѣмецки. Передъ отходомъ моего поѣзда онъ вышелъ ко мнѣ на платформу и подъ покровомъ наступившей темной ночи, при полномъ безлюдьи, снова, по-русски, говорилъ о своей радости видѣть у себя, въ глухомъ углу, русскаго брата, изъ далекой и дорогой Россіи.

Мнѣ было жалко его. Я понялъ, что онъ, русскій, боялся говорить по-русски со мной, съ роднымъ братомъ, отдѣленнымъ отъ него только пограничной чертой.

Мѣсяца два спустя, въ бытность уже въ Венеціи, я, купаясь въ морѣ, натолкнулся снова на русскаго изъ Галиціи. Вспомнилъ содержателя буфета и говорю:

— Неужели онъ не смѣлъ, боялся говорить при нѣмцѣ-начальникѣ станціи со мною по-русски?

— Конечно,—сказалъ новый знакомый галичанинъ.—Его въ двадцать четыре часа отстранили бы отъ буфета, если бы онъ посмѣлъ заговорить съ вами по-русски.

Я не вѣрилъ.

— Увѣряю васъ, — твердилъ галичанинъ.—Вы представить себѣ не можете, что у насъ, въ бѣдной Галиціи, творится, въ какомъ загонѣ здѣсь держатъ нашъ чудный русскій языкъ. Я былъ въ Россіи, въ Почаевской Лаврѣ. Зашелъ по дѣлу къ исправнику. Тотъ, по моему выговору, принялъ меня за поляка и заговорилъ со мной по-

польски. Я удивился. Хотѣлъ бы я знать, какъ бы у насъ, въ Галиціи, коронный чиновникъ, изъ русскихъ, посмѣлъ съ вами, съ россіяниномъ, на службѣ заговорить по-русски. Его немедленно взяли бы подъ подозрѣніе и не дали бы ему никакого хода. У насъ служащій чиновникъ или учитель не смѣетъ выписывать книгъ изъ Россіи.

— Я, впрочемъ, не смотрю ни на кого,—расходился мой галичанинъ, купаясь со мной въ морѣ на Лидо, подлѣ Венеціи, въ Италіи.—Я ничего не боюсь, я выписываю изъ Россіи „Ниву" и „Сѣверъ".

Оказывается, что въ Австріи чтеніе даже семейно-невинныхъ русскихъ журналовъ, дѣлаетъ галичанина политически неблагонадежнымъ. До чего можетъ дойти національная рознь и вражда! И это не исключительное явленіе. Въ этомъ отношеніи вся Австрія—одинъ большой клокочущій котелъ. Во Львовѣ я встрѣчалъ даже городовыхъ, которые на нѣмецкіе вопросы мнѣ пріѣзжему, неохотно отвѣчали по-нѣмецки и больше говорили по-польски. Въ Буда-Пештѣ, передъ новымъ венгерскимъ парламентомъ унтеръ-офицеръ австрійской арміи на мой вопросъ по-нѣмецки: „гдѣ входъ въ парламентъ? съ которой стороны?" рѣзко отвѣтилъ мнѣ: „Ich spreche nur ungarisch" (я говорю только по-венгерски) и прошелъ мимо. Въ Прагѣ все чешское также враждебно нѣмцамъ. Нѣмцы по всей Австріи враждебны всему славянству. Въ большомъ австрійскомъ городѣ Тріестѣ все населеніе говоритъ по-итальянски и бранится „нѣмцемъ". Tedesco (нѣмецъ) презрительное слово. Все это связанное механически подъ одною

властью: нѣмцы, венгры, итальянцы и славяне, грызется, злобится, враждуетъ, борется, старается выбиться изъ-подъ гнета и угнетать другого.

Мало этого. Славяне дѣтски-капризно или либерально-глупо ссорятся между собою.

Я былъ на купаньѣ въ Фіуме, на берегу Адріатическаго моря. Населеніе славянское. Говоръ понятный. Ѣду къ купальнѣ. На билетѣ надпись латинскимъ шрифтомъ: „tuda i obratno“ (туда и обратно, совсѣмъ по-русски). Пока надѣваю въ кабинѣ купальный костюмъ, слышу, пробѣгаютъ мимо дѣти и кричатъ:

— Мамо, мамо! Гляди, како мы поскачимо.

Обрадованный, что вдали, на чужбинѣ слышу родные звуки, я вышелъ и обратился къ сторожу, который только что говорилъ съ матерью кричавшихъ дѣтей на ихъ родномъ нарѣчіи.

— Вы сербъ? Говорили сейчасъ посербски?

— Хорвацки!—окрысился грубо на меня сторожъ, словно я его оскорбилъ, назвавъ сербомъ.

Оказывается, хорваты—тѣ же сербы, но сербы-католики и потому не хотятъ даже носить общаго имени съ сербами православными.

Въ Галиціи внутренняя борьба еще печальнѣе.

Тамъ русскіе дѣлятся на двѣ враждебныя политическія партіи. Одна партія, старорусская, тяготѣетъ, какъ и естественно, къ Россіи, другая младорусская, ненавидитъ Россію и, называя старорусcовъ презрительно кацапскою партіею, москалефилами, себя величаетъ украйнофильскою партіей. Она мечтаетъ отдѣлить отъ Россіи Малороссію и вмѣстѣ съ Галиціей создать особое, малороссійское государство, Украйну. Вражда этихъ

партій, до такой степени безсмысленно - нелѣпа, похожа на глупый ребячій капризъ, что даже не больно, а скорѣе досадно, возмутительно-смѣшно. Нынче лѣтомъ, напримѣръ, украйнофильская партія на особомъ съѣздѣ, подъ угрозою исключенія изъ партійныхъ рядовъ, запретила своимъ членамъ, какія бы то ни было сношенія съ членами старорусской партіи.

Львовская газета „Галичанинъ“ по этому поводу помѣстила остроумную замѣтку подъ заглавіемъ: „Поэзія и проза“.

„Украйнофилы постановили не входить ни въ какія сношенія со старорусcами, подъ страхомъ измѣны партіи,—писала газета. Чтожъ? Если таковъ принципъ, то вѣрность ему похвальна. Твердость въ принципахъ — поэзія жизни, но у этой поэзіи есть обратная сторона, — проза. Дѣло въ томъ, что всѣ украйнофилы, большею частью молодежь, „дѣти“, а „отцы“, старшее поколѣніе, все—„кацапы“. Предположимъ теперь, что у „людей принципа“, у младоруссовъ, обтреплются штаны, надо покупать новыя, но на новыя нужны деньги, деньги-же у отца, кацапа, старорусса; а партія постановила, ни въ какія сношенія съ кацапами не входить. Какъ же быть? Или принципъ сохрани и безъ штановъ ходи, или принципъ промѣняй на новые штаны. Такъ поэзія смѣняется прозой“.

Признаться, когда я читалъ эту статью, мнѣ было крайне досадно. Меня до глубины души возмущалъ этотъ принципъ и эта партійная вражда. И главное, совершается это во имя либерализма. Удивительно тупой, узкій и куцый либерализмъ, если это только либерализмъ! Настоящій либера-

лизмъ необходимо предполагаетъ широту идеи, а тутъ ограниченіе. По-настоящему, люди во имя разумнаго либерализма должны бы объединяться, а они дробятся. Вмѣсто того, чтобы искать болѣе и болѣе точекъ соприкосновенія для тѣснаго единенія и затѣмъ полнаго сліянія, они выискиваютъ мотивы для расхожденія, создаютъ недоразумѣнія, недоразумѣнія превращаютъ въ озлобленіе, и тѣмъ безъ конца строятъ новыя и новыя перегородки между собою. Взаимная вражда растетъ. Люди все болѣе и болѣе озлобляются. На первый планъ выдвигаются не высшіе, общіе, идейные интересы, а частные, узкіе, партійные, часто мелко-самолюбивые и грубо-несправедливые. Свѣтлые идеалы братства меркнутъ, тускнѣютъ, уходятъ въ даль, становятся пустыми словами.

Ѣздишь по разнымъ областямъ такого большого, казалось бы, культурнаго, государства, и чувствуешь себя словно въ громадномъ загонѣ, гдѣ въ каждомъ углу стоитъ отдѣльный косякъ лошадей, и гдѣ всѣ эти косяки обернулись другъ къ другу задомъ, норовятъ одинъ другого больнѣе лягнуть, себѣ больше мѣста захватить. Грустная картина! Печальный показатель, что до истинной культурности современнымъ, такъ называемымъ, культурнымъ народамъ еще очень далеко, и что путь къ этой истинной культурности лежитъ прежде всего черезъ культуру сердца, которая иногда совершается, можетъ быть, даже независимо отъ соотвѣтствующей, столь же сильной культуры ума.

Я въ двадцатыхъ числахъ минувшаго августа возвращался изъ Мюнхена черезъ Берлинъ домой.

Пріѣхалъ утромъ. Ѣду съ одного вокзала на другой, весь городъ украшенъ флагами.

— Почему это развѣшены флаги?—спрашиваю извощика.—Какой у васъ сегодня праздникъ?

Извощикъ маленькаго роста, сѣденькій худенькій лѣтъ за пятьдесятъ старичокъ полуобернулся ко мнѣ съ высоты своихъ козелъ и какъ-то съ затаеннымъ раздраженіемъ заговорилъ:

— Почему флаги?.. Какой, говорите, у насъ сегодня праздникъ. Плюнуть,—вотъ какой сегодня праздникъ. Годовщина Седана. Прошло тридцать лѣтъ. Пора бы и забыть давно, а они флаги развѣсили... Ну, случилось дѣло, пришлось сосѣдямъ подраться. Чего-жъ про это помнить постоянно? старую злобу ворошить? несчастному сосѣду рану бередить?.. Я самъ былъ на войнѣ, орденъ имѣю. Такъ вѣдь это-жъ нужда была, и мы, старики, по себѣ знаемъ, какой это ужасъ—война! Зачѣмъ - же молодыхъ на ту же дорогу натравливать? Съ какой стати ихъ науськивать? въ нихъ злобу будить? Злобы и такъ во всѣхъ много. Намъ бы, старикамъ, другому ихъ надо учить: „мы-де, старики, глупы были, злы были, не умѣли съ сосѣдями по-сосѣдски, по-братски, любовно жить; воевали, сильно воевали. Вы поправьте бѣду, за насъ помиритесь съ сосѣдомъ. Мы побѣдили его силой, причинили ему горе; вы побѣдите его любовью, пріобщите къ своей радости.

Вотъ, еслибъ этому мы могли научить молодежь, это былъ бы праздникъ, тутъ можно было бы гордиться. А то подрались съ сосѣдомъ, разбили ему носъ, поломали ноги, да и хвалимся, тридцать

лѣтъ празднуемъ, каждый годъ флаги вывѣшиваемъ. Тьфу! Стыдно и смотрѣть.

— Вы правы,—сказалъ я извощику.—Вы это хорошо говорили.

—Да конечно же,—спокойно продолжалъ мой философъ на козлахъ.—Пора людямъ понять, что они,—люди, а не звѣри, и что имъ слѣдуетъ жить по-людски. Вы вотъ, господинъ, судя по выговору,— русскій; значитъ,—славянинъ. Мы, нѣмцы, косо смотримъ на васъ: боимся, какъ бы вы, всѣ славяне, не объединились въ одно. И это напрасно, т. е., боимся и косимся напрасно. Дай Богъ вамъ, всѣмъ славянамъ, собраться въ одно, а намъ, нѣмцамъ,—въ свое, нѣмецкое одно. Теперь васъ десять славянскихъ племенъ, и вы всѣ ссоритесь, враждуете другъ съ другомъ. На землѣ десять лишнихъ ссоръ и непріязней. Сольетесь вы въ одно—вражда потухнетъ, злобы меньше станетъ,

Мы, нѣмцы, тоже врозь живемъ. Швейцарскіе нѣмцы—одно, австрійскіе—другое, мы — третье. Баварцы не любятъ пруссаковъ, пруссаки сердятся на саксонцевъ. Пруссія дралась съ Австріей, и, кто знаетъ, что еще можетъ случиться. Соединись-же нѣмцы вмѣстѣ,—тогда частная вражда прекратится и злобы опять убудетъ въ людяхъ. Такъ же могутъ сойтись вмѣстѣ всѣ англо-саксонцы, всѣ латинскіе народы и такъ далѣе. Тогда ужъ, если и будетъ вражда, то не между славянами и славянами, не между нѣмцами и нѣмцами, а только между славянами и нѣмцами, или англосаксами, или латинами. Это будетъ большой шагъ впередъ: за нимъ легче станетъ сдѣлать второй. Объединившись по племенамъ и понявъ всю неправду

братской взаимной вражды, люди тогда легче поймутъ неправду и всякой вражды; смогутъ понять, что, какъ поверхъ пруссака, баварца и тирольца есть вообще нѣмецъ, и какъ поверхъ русскаго, серба и чеха есть славянинъ, такъ дальше поверхъ вообще нѣмца, вообще славянина и вообще англосаксонца есть вообще человѣкъ. Тогда будутъ говорить о необходимости объединенія въ братское цѣлое уже не однихъ разрозненныхъ племенъ, а всѣхъ людей, всего человѣчества. Празднику такого братства людей я радовался бы и самъ бы купилъ флагъ, чтобы украсить свой экипажъ, а то нашли чему радоваться! Сбили сосѣда съ ногъ да и похваляются тридцать лѣтъ!

Мы пріѣхали къ вокзалу. Расплачиваясь, я сказалъ кучеру-философу на козлахъ, что очень радъ своей встрѣчѣ съ нимъ и что, если бы среди людей чаще попадались такіе извощики, человѣчество далеко бы уѣхало по пути истинной культурности.

II.

Полякъ—философъ.

Изъ Львова, изъ Галиціи ѣду въ Венгрію, въ Будапештъ. Время близко къ полночи. За окномъ уныло шелеститъ дождь. Поѣздъ равномѣрно грохочетъ. Клонитъ ко сну. Въ сосѣднемъ купэ спятъ. Я въ своемъ купэ одинъ на свободѣ устраиваюсь и также ложусь. Только задремалъ,—остановка. Открывается дверь моего купэ и кондукторъ впускаетъ кого-то. Я со сна не могу открыть глаза и смотрю, прищурясь. Вошедшій подозрительно осматриваетъ мою фигуру и тихо, почти шопотомъ говоритъ кондуктору:

— Здѣсь уже есть пассажиръ. Нѣтъ ли у васъ свободнаго купэ?

— Нѣтъ. Другія купэ полны.

Новый пассажиръ снова подозрительно косится на меня, недовольно морщится и, видимо скрѣпя сердце, начинаетъ раскладываться на другой скамейкѣ. Время отъ времени онъ въ полумракѣ вагона пристально всматривается въ меня. Наконецъ осторожно пріоткрываетъ задернутый шторой вагонный фонарь и еще разъ окидываетъ взоромъ всю мою фигуру съ ногъ до головы. Затѣмъ раздѣвается, снимаетъ жилетъ и старается незамѣтно спрятать его подъ подушку.

Подозрительность новаго пассажира начинаетъ мнѣ самому казаться подозрительною. Я самъ сталъ подозрительно коситься на чрезмѣрно осторожнаго спутника, осторожно ощупалъ карманъ съ зашитыми деньгами и, повернувшись, легъ на него бокомъ.

Чувствовалось не по себѣ. Появилась смутная тревога. Я не могъ заснуть и нѣтъ-нѣтъ да и погляжу на товарища по вагону. Тотъ также все посматривалъ на меня. Наконецъ, мнѣ стало досадно на себя, на свою подозрительность; обидно за человѣка и за людскія отношенія.

— Что за гадость?—подумалъ я про себя.—Сошлись случайно два незнакомыхъ человѣка и первая мысль обоимъ въ голову другъ про друга: „не обкрадетъ ли онъ тебя? Не сдѣлаетъ ли какого зла?“ Неужели между людьми не можетъ быть иныхъ, кромѣ непріязненныхъ отношеній? и отчего не предположить про незнакомца самое лучшее, а не наоборотъ?

— Стыдно!—сказалъ я себѣ. Повернулся,—какъ раньше лежалъ, и заснулъ.

На-утро мы съ сосѣдомъ по купэ оказались сосѣдями въ вагонѣ-столовой за утреннимъ кофе. Разговорились. Мой спутникъ оказался австрійскимъ полякомъ и ѣхалъ къ Средиземному морю купаться. Когда я ему сказалъ, что я русскій, онъ опять насторожился и какъ-то подозрительно посмотрѣлъ на меня. Я рѣшилъ взять быка за рога и прямо заговорилъ о русско-польскихъ отношеніяхъ.

— Для меня,—говорилъ я—ненавистна всякая вражда, между кѣмъ бы она ни была, между-ли

нѣмцемъ и французомъ, между-ли русскимъ и англичаниномъ; тѣмъ болѣе грустно смотрѣть на вѣковую ссору поляка и русскаго. Оба—славяне, два родныхъ племени, живутъ бокъ-о-бокъ, говорятъ почти общимъ языкомъ, а глядятъ другъ на друга исподлобья, копятъ одинъ на другого въ сердцѣ злобу, подозрительно слѣдятъ за каждымъ шагомъ другого, въ каждомъ движеніи подозрѣваютъ злой умыселъ. Неужели такъ будетъ всегда? Неужели среди двухъ братскихъ родныхъ племенъ никогда не найдутся люди, которые поднялись бы выше историческихъ былыхъ счетовъ и поглядѣли бы на вещи съ обще-славянской, скажу болѣе, съ общечеловѣческой точки зрѣнія?

У насъ въ древней Руси среди бояръ были постоянные споры изъ-за мѣстничества, кто знатнѣе породой, кому выше кого сѣсть. Эти споры страшно вредили дѣлу. Исторія ихъ осудила и уничтожила навсегда. Пора и славянамъ бросить мѣстническіе споры между собою, дружно приняться за работу и дѣлать великое общеславянское дѣло, употребить свои силы не на взаимную борьбу за первенство, а на выработку общеславянской культуры. Тутъ не должно быть мѣсто спору: „это польское, это чешское, это русское, это сербское“. Все должно быть славянское. Слава и гордость одного племени, Польши, Россіи или Болгаріи, чеха, босняка или славинца должны быть гордостью и славою всѣхъ славянъ. Но какъ этого добиться, я не знаю.

Если можете, научите меня, что надо дѣлать, чтобы я русскій, не былъ врагомъ вамъ, моему родному по племени брату, поляку; чтобы вы, мирно бесѣ-

дуя со мною, случайнымъ спутникомъ, не вздрагивали нервно, узнавъ, что я, вашъ случайный спутникъ,—русскій. Я понимаю, что вамъ больно, что поляки — народъ съ незажившею раной. Я знаю, что къ вамъ надо подходить осторожно, касаться васъ бережно, какъ человѣка съ обожженною кожей. Мало того, я согласенъ, что добрый починъ, первый братскій шагъ обязанъ сдѣлать я, русскій. Мнѣ это легче: у меня нѣтъ боли, нѣтъ горечи, нѣтъ раздраженья. Я безъ надменнаго и покровительственнаго великодушія, безъ всякой задней мысли усыпить васъ сладкими рѣчами о примиреніи, подхожу къ вамъ, какъ братъ какъ самый любящій и уважающій васъ братъ, протягиваю вамъ руку и говорю: „Забудемъ старое. Жизнь движется не злобой, а любовью. Славянство, если и можетъ что внести свое въ европейскую культуру, то, именно, сердечность, теплое, любовное отношеніе ко всему, что живетъ, мыслитъ и страдаетъ. Скажите, чѣмъ я, русскій, современный человѣкъ, неповинный ни въ какихъ винахъ передъ Польшей, напротивъ, полный самыхъ искреннихъ братскихъ чувствъ къ брату-поляку, могъ бы примириться съ вами? Вѣдь нельзя же вѣчно жить во враждѣ между собою, растить цѣлыя поколѣнія въ злобныхъ чувствахъ, въ національной ненависти. Это позорно для культурныхъ народовъ. Это преступно, наконецъ, передъ человѣчествомъ. Разъ судьба волей-неволей связала насъ, необходимо выработать „modus vivendi“, форму жизни, взаимныя отношенія и отношенія, достойныя двухъ культурныхъ братскихъ народовъ. Оговариваюсь, впрочемъ, что я не сто-

ронникъ политической обособленности, не потому что она ваша обособленность, невыгодна, можетъ быть, намъ, русскимъ, а потому, что это—*обособленность*. Люди, особенно братскіе народы, должны стремиться къ объединенію, а не къ разъединенію".

— Я буду говорить съ вами совершенно откровенно, — началъ мой спутникъ-полякъ. Я не люблю русскихъ или, вѣрнѣе, не люблю и очень люблю. Когда я вспоминаю горькое прошлое родины и не вижу никакихъ свѣтлыхъ политическихъ надеждъ впереди, мнѣ дѣлается горько, и эта горечь у меня связывается какъ-то съ русскимъ именемъ, но я не виню васъ, русскихъ, въ горькомъ прошломъ моей родины. Мы сами, поляки, виноваты въ немъ. Вы, русскіе, были только тѣмъ столбомъ, о который мы, по своей винѣ, больно ушиблись; но вы, конечно, понимаете, что не только ребенокъ, но и взрослые сердятся на то мѣсто, о которое они ушиблись. Поэтому у меня при встрѣчѣ съ русскимъ невольно всегда шевелится чувство раздраженія, но съ другой стороны я помню, что я не только полякъ, но и славянинъ, и славянинъ даже прежде чѣмъ полякъ, а славяне могутъ существовать, и существовать славно, только объединившись въ одно братское цѣлое. И я убѣжденъ, что будущее славянства—въ объединеніи съ Россіей. Съ этой стороны я люблю Россію, горжусь ея величіемъ и силой и страстно желаю ей всякаго преуспѣянія.

—Польша, какъ самостоятельное цѣлое, немыслима и съ Россіей соперничать не можетъ. Это фактъ, какъ фактъ—смерть горячо любимаго человѣка. Представьте, что вы страстно любите

кого-нибудь, выше всего дорожите его жизнью и счастьемъ и готовы за его благо отдать свое личное счастье, дать изрѣзать себя въ куски. Вдругъ этотъ человѣкъ послѣ тяжкой и долгой мучительной борьбы умираетъ. Вы плачете, убиваетесь горемъ, рвете на себѣ волосы, но онъ умеръ, онъ мертвъ, никогда не можетъ встать изъ могилы. Вы будете вѣчно хранить о немъ благоговѣйную память, но оживить его уже не будете въ силахъ. Съ этимъ надо считаться и жизнь далѣе устраивать уже безъ него..

Такимъ дорогимъ, безцѣннымъ мертвецомъ для насъ поляковъ является Польша, какъ политическое, самостоятельное цѣлое. Она умерла! Это ужасно, это невыносимо тяжело, но это фактъ. Можно грустить, и можетъ быть, даже должно, но злобиться, косо глядѣть на другого вѣчно, это уже неумно, скажу болѣе, нехорошо. Прибавлю еще, преступно передъ роднымъ народомъ. Будущее польскаго племени въ тѣсномъ культурномъ единенiи со всѣми славянами, и въ частности съ русскимъ народомъ. И тутъ вы русскiе должны придти намъ на помощь. У васъ нѣтъ въ прошломъ горечи обиды, вамъ легче подойти къ намъ, чѣмъ намъ къ вамъ. Легче съ тонкимъ благородствомъ дать, чѣмъ почтительно просить. Вы, русскiе, уже много дали полякамъ. Вы дали польскому крестьянству то, чего они никогда не имѣли въ пору полной свободы Польши, вы дали освобожденiе отъ крѣпостнаго права и свободный надѣлъ, землю. Это—ваша вѣчная громадная заслуга передъ польскимъ мужикомъ и громадный политическiй тактъ; но по

злой ироніи судьбы вы не можете воспользоваться плодами своего безусловно добраго дѣла.

Лучшія силы облагодѣтельствованнаго вами крестьянства выростаютъ изъ своего зипуна, переходятъ въ ряды интеллигенціи, той скромной, рабочей силы, которую вы, русскіе, какъ-будто не цѣните и съ которой не хотите считаться, а въ ней и есть гвоздь вопроса. Вы, послѣ мужика, смотрите на пановъ, на нашихъ магнатовъ, на нашихъ графовъ и князей. Это напрасно. Ихъ къ себѣ вы никогда не привяжите. Имъ надо то, что вы отъ нихъ безъ возврата отняли. Имъ нужна полная зависимость „быдла“, народа. Для нихъ, по существу, совершенно безразлично, кто ими будетъ править. Имъ нужна полная власть надъ народомъ, надъ мужикомъ. Вы это отняли и вѐрнуть, конечно, не можете и потому, что вы ни дѣлали бы, какъ бы съ ними не заигрывали, вашими по-сердцу они никогда не будутъ. Они никогда ничьми по-сердцу не были. Они въ дѣйствительности и сгубили Польшу. У нихъ нѣтъ настоящихъ ни національныхъ-польскихъ, ни племенныхъ славянскихъ интересовъ; у нихъ есть интересы свои кастовые, узко-эгоистичные. Они презираютъ весь вашъ строй. Они совершенно не понимаютъ, что тотъ, напримѣръ, чиновникъ съ кокардой, который трясется въ тарантасѣ, есть носитель великой государственной идеи, объединяющей Русь отъ Балтики до Портъ-Артура. Я хорошо понимаю, что все величіе Россіи, всю ея политическую ширь создали три кита, мужикъ съ сохой, казакъ съ пикой, да чиновникъ съ кокардой, раньше дьякъ. У насъ, поляковъ, къ сожалѣнію, все дѣлали одни паны. Были у насъ

*

правда, еще и казаки, такъ и тѣхъ паны отъ себя къ вамъ, русскимъ, оттолкнули. Въ этихъ панахъ не было силы въ прошломъ, нѣтъ и въ будущемъ. Будущее польскаго народа за его солидной, серьезно и много работающей интеллигенціей. Вы, русскіе, ближе и любовнѣе подойдите къ ней, ее приласкайте, пригрѣйте.

Филиппъ Македонскій говорилъ: „съ большими надо обращаться, какъ и съ дѣтьми. Если хочешь ихъ привязать къ себѣ,—приласкай". Приласкайте и вы польскую интеллигенцію, дайте ей видѣть въ васъ не торжествующаго побѣдителя, а близкаго, родного человѣка, любящаго брата. Любовный союзъ тутъ возможенъ, а случись онъ, вся исторія пошла бы совершенно инымъ путемъ. У васъ, на границѣ съ Пруссіей—Познань, а на границѣ съ Австріей—Галиція. Это для вашихъ политическихъ сосѣдей двѣ очень чувствительныя педали и вы, разумно надавливая на нихъ, могли-бы разыграть съ пруссаками и австрійцами не мало пьесъ въ чисто русскомъ, еще лучше, въ славянскомъ духѣ.

— Скажите,—спросилъ я моего мудраго собесѣдника—если это не излишне нескромный вопросъ, вы—исключительное явленіе, или ваши слова можно принять за голосъ нѣкоторой партіи?

— Я живу въ Галиціи,—отвѣчалъ онъ,—но знаю много русскихъ и нѣмецкихъ поляковъ, которые думаютъ и чувствуютъ по-моему. Они хотѣли бы громче говорить объ общеславянскомъ братствѣ съ русскими, но имъ трудно это дѣлать безъ осязательныхъ проявленій братскихъ чувствъ и братскаго довѣрія со стороны русскихъ.

— Скажите,—обратился онъ ко мнѣ, — почему

вы, русскіе, не довѣряете нашей польской искренности, предполагаете всегда и вездѣ, хитрости, подвохъ, заднiй умыселъ? Это и несправедливо, и обидно, наконецъ. Почему вы, ничего не видя, всегда предполагаете непремѣнно дурное?

— А почему вы вчера ночью, входя въ вагонъ и не зная меня боялись остаться наединѣ? Почему вы предполагали про меня непремѣнно дурное?—спросилъ я его.

Онъ смутился. Я успокоилъ, его сказавъ, что я и самъ былъ не лучше, что таково ужъ печальное, наслѣдіе вѣковъ, но что намъ, новымъ людямъ, надо жизнь налаживать по новому, и чѣмъ это тяжелѣе, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе необходимо работать въ новомъ духѣ, въ духѣ братства, племенной и общечеловѣческой любви, а не націоналистической, узкоэгоистической ненависти.

Мы простились, пожелавъ, чтобы скорѣе настало время, когда также, какъ мы двое, договорились до добраго конца и дожили до любовнаго примиренія и оба братскіе народы,—русскій и польскій.

III.

Еврейское царство.

Поѣздъ изъ Кіева въ Австрію, на Вѣну и Будапештъ, идетъ черезъ Волочискъ. За пограничной чертой сейчасъ же на австрійской землѣ лежитъ Подволочискъ. Здѣсь осмотръ паспортовъ, ревизія багажа и перемѣна поѣзда. Мы стоимъ полтора часа. Я скоро освободился отъ осмотра багажа и иду бродить по мѣстечку. Утро. Въ мѣстечкѣ разгаръ мѣстной жизни. На базарѣ шумный торгъ, улицы оживлены, въ школѣ сквозь открытыя окна слышно дѣтское жужжаніе.

Мѣстечко не велико, съ сотни-полторы домовъ, разбросанныхъ по двумъ-тремъ кривымъ и довольно неказистымъ улицамъ. Самое сильное впечатлѣніе—евреи. Я сѣверянинъ. Юго-западъ Россіи знаю мелькомъ, видѣлъ больше проѣздомъ; такъ сказать, изъ вагоннаго окна и тутъ, въ Подволочискѣ, впервые встрѣчаюсь на маленькомъ клочкѣ земли, въ крохотномъ уголкѣ съ такою массой еврейства. На станціи и около станціи евреи; евреи густо попадаются на дорогѣ, на базарѣ и продавцы и покупатели—евреи; во всѣхъ лавкахъ мѣстечка—евреи; въ домахъ изъ оконъ выглядываютъ еврейскія лица. Вездѣ евреи и евреи.

Со мной въ вагонѣ ѣдетъ львовскій полякъ, помѣщикъ. Онъ указываетъ на сплошную еврейскую толпу и говоритъ:

— Настоящее еврейское царство. И такъ во всей Галиціи. Галиція вся запружена евреемъ; и города, и деревни.

Я зналъ заранѣе, что будетъ говорить помѣщикъ о евреяхъ. Всеобщія жалобы на евреевъ, что они высасываютъ сокъ населенія, что они раззоряютъ страну, что они—язва на тѣлѣ мужика по всей Галиціи, мнѣ были извѣстны. Мнѣ не хотѣлось въ сотый разъ слышать то, о чемъ безъ конца и говорилось и писалось. Мнѣ хотѣлось самому, со стороны, безпристрастно вглядѣться въ еврейство. Я всматривался въ ихъ лица, въ ихъ одежду, жилища. Достатка большого не видно было. Скорѣе сквозила нужда. Фигуры попадались болѣе все тощія, лица блѣдныя. И замѣчательно, что эти тощія и блѣдныя лица были какъ бы интеллигентнѣе, одухотвореннѣе, если такъ можно выразиться. Въ нихъ не замѣчалось ни голоднаго хищничества, ни сытаго самодовольства насосавшагося паука, что иногда можно было видѣть на лицахъ также толпы, шумно обдѣлавшей свои „гешефты“ около станціи.

Послѣ, дальше въ Галиціи, во Львовѣ, въ областной столицѣ, гдѣ евреи также кишатъ, гдѣ есть даже свой спеціально-еврейскій театръ и гдѣ попадаются улицы, въ которыхъ на пять вывѣсокъ три обязательно на еврейскомъ языкѣ и еврейскими буквами, я съ особымъ интересомъ всматривался именно въ эти „тощія и блѣдныя“ лица евреевъ и иногда подолгу по-хорошему бесѣдовалъ съ ними. Это были большею частью все бѣдняки, ремесленники, мастеровые и, право, все хорошіе, добрые люди. Нѣкоторые изъ нихъ даже

поражали своею красотой души. Попадались иногда трогательные идеалисты, люди, нѣжно любившіе свой несчастный загнанный народъ, горячо вѣрившіе въ торжество правды и въ братство людей. Помню одного меламеда (частный учитель у евреевъ). Бѣдняга живетъ впроголодь, получаетъ гроши. Умственнаго развитія никакого; знанія убоги до смѣшного; или, лучше, до горя въ учителѣ, а сердце—какой-то яркій факелъ любви и состраданія ко всему, что живетъ и мучается. Онъ заговорилъ со мной о тѣхъ обидахъ, презрѣніи, которыя часто терпитъ еврейство, и говоритъ какъ-то дѣтски незлобиво, съ любовью къ обидчику. Онъ говорилъ:

— Когда человѣку больно очень бываетъ, онъ топаетъ ногой объ полъ, стучитъ кулакомъ по столу, рветъ что-нибудь зубами, ломаетъ, что попадется подъ руку.. Ему надо надъ чѣмъ-нибудь проявить свое раздраженіе и тутъ часто несправедливо терпитъ тотъ, кто случится подъ рукой слабѣе. И такъ, какъ у людей очень ужъ вездѣ горя много, очень ужъ больно многимъ бываетъ, то немудрено, что иногда ни за что, ни про что достается и еврею. Ну, что жъ? Надо терпѣть. Еврей пріученъ къ терпѣнію. Онъ много можетъ терпѣть и стерпитъ. Тутъ надо не считаться, кому больнѣе, а подумать какъ бы жизнь устроить такъ' чтобы всѣмъ меньше горя было, легче стало жить.

— Это будетъ,—увѣренно заговорилъ онъ потомъ,—не скоро, а будетъ. Не можетъ не быть!

Лицо его все при этомъ свѣтилось вѣрой въ будущее счастье всѣхъ людей, вѣрой въ любовную братскую общую жизнь. Я смотрѣлъ въ его

чистые, добрые глаза, горящіе свѣтлымъ огнемъ на чахломъ, наголодавшемся лицѣ, и думалъ:

— Вотъ и еврей, простой малограмотный еврей, а много-ли среди насъ, просвѣщенныхъ христіанъ, найдешь такихъ убѣжденныхъ идеалистовъ, съ такою широкою, всепокрывающею любовью? А онъ, вѣдь, несомнѣнно, не одинъ среди своихъ. Нельзя, стало быть, весь народъ, все племя однимъ аршиномъ мѣрять, все еврейство одною черной краской рисовать.

Мнѣ думается, что если мы и вообще судимъ сплошь и рядомъ поверхностно и близоруко, то въ своей огульной оцѣнкѣ еврейства еще менѣе проявляемъ вдумчивости. Мы видимъ темныя стороны еврейства, не замѣчаемъ его свѣтлыхъ и не даемъ себѣ труда разобраться въ причинахъ, обусловливающихъ собою „жидовство“. Мы хорошо знаемъ и много говоримъ о венеціанскомъ купцѣ, о шекспировскомъ Шейлокѣ, о евреѣ-ростовщикѣ, кровопійцѣ, способномъ вырѣзать у живого человѣка фунтъ мяса, и забываемъ Лессинговскаго еврея, Натана Мудраго. Мы тычемъ еврейству въ глаза кучею всевозможныхъ гешефтмахеровъ, ловкихъ дѣльцовъ и темныхъ предпринимателей и не хотимъ вспомнить о великомъ еврейскомъ мудрецѣ, Борухѣ Спинозѣ; не думаемъ, что первые глашатаи великихъ истинъ евангелія, апостолы, были евреи; не соображаемъ, что и само христіанство выросло на еврейской почвѣ. Мы забываемъ наконецъ, что и совершеннѣйшій образъ чистой женской души, образъ Дѣвы Маріи, былъ данъ еврействомъ.

Нѣтъ спора, еврейство историческое и еврей-

ство современное, наличное, имѣютъ много темныхъ сторонъ, много своихъ специфическихъ, чисто еврейскихъ недостатковъ и пороковъ; но, во-первыхъ, развѣ остальное человѣчество, всѣ другіе, кромѣ евреевъ, народы и племена, сами безгрѣшны? чужды тѣхъ же и въ придачу многихъ другихъ пороковъ? Вѣдь, очевидно, что если бы повторилась въ новой редакціи евангельская сцена суда Іисуса надъ приведенной къ Нему грѣшницей, если бы всѣ христіанскіе народы, въ лицѣ своихъ представителей привели на судъ Спасителя связаннымъ еврея, требовали бы его казни и спросили:—Ты что намъ скажешь?—то услыхали бы тотъ же великій отвѣтъ Высшей Правды:

— Кто изъ васъ безъ грѣха, брось въ него, въ еврея камнемъ.

И, конечно, исходъ суда получился бы тотъ же: строгимъ судьямъ въ смущеніи, со стыдомъ пришлось бы отойти въ сторону. „Жидовства“ всякаго не мало во всѣхъ насъ самихъ и если мы серьезно возмущаемся имъ, этимъ жидовствомъ, во всѣхъ его формахъ и проявленіяхъ, то необходимо бороться не съ еврействомъ, какъ съ націей, не съ евреями, какъ съ людьми, а, именно, съ жидовствомъ, т. е. со зломъ въ людяхъ, а зла всякаго, повторяю, много во всемъ человѣчествѣ и борьба съ нимъ—вопросъ общечеловѣческій, а не исключительно еврейскій.

Мой случайный спутникъ по вагону, польскій помѣщикъ изъ-подъ Львова, страстно оспаривалъ мой взглядъ на еврейство.

— Вы слишкомъ обобщаете дѣло,—говорилъ онъ мнѣ.—Конечно, всѣ мы не святые и въ раю

врядъ ли съ нетерпѣніемъ ждутъ насъ, но еврейскіе пороки, это особые, свои, чисто еврейскіе пороки. Возьмите жадность еврея къ деньгамъ, его юркость и пронырство, способность всюду пролѣзть ужомъ; посмотрите какъ онъ гнется передъ сильнымъ и какъ грубо нахаленъ, чуть только почувствуетъ свою силу. Подумайте, наконецъ, о той ненависти, которою проникнуто еврейство ко всему чужому, о его обособленности, повсемѣстной отчужденности, полной неспособности слиться съ окружающей средой.

— Все это понятно и все это, къ сожалѣнію, естественно, — отвѣчалъ я; — все это неизбѣжно должно быть. Припомните, въ какихъ условіяхъ исторически живо, развивалось и воспитывалось еврейство, что оно видѣло отъ окружающей среды? Какъ относились къ нему христіане? Вѣдь до половины прошлаго столѣтія въ Римѣ, въ Вѣнѣ и въ другихъ городахъ существовали гетто, особые кварталы, гдѣ евреи какъ зачумленные, скучивались на житье и отдѣлялись отъ другихъ жителей съ девяти часовъ вечера до утра рогатками и цѣпями.

Возьмите самое кроткое существо, любую домашнюю нѣжную кошечку или собачку и начните ее травить. Она озвѣрѣетъ и станетъ царапаться и кусаться, будетъ постоянно щетиниться на васъ. Евреевъ травили вѣка. Немудрено, что у нихъ накопилось много въ сердцѣ злобы и эта злоба глубоко сидитъ въ нихъ. Болѣзнь вѣдь входитъ пудами, а выходитъ золотниками.

Что касается еврейской сплоченности, ихъ юркости и при случаѣ, въ торжествѣ, наглости, это

также вѣрно, но это опять—неизбѣжный результатъ ихъ вѣковой угнетенности. Всякое племя, народъ, сословіе, общество,. когда его давятъ и тѣснятъ извнѣ, ищетъ опоры въ себѣ, сплачивается тѣснѣе между собою. Евреи не исключеніе. Ихъ давятъ снаружи, они тѣснѣе смыкаются у себя, а среди другихъ норовятъ всячески изловчиться, проюркнуть умомъ. Жизнь остановить, задержать нельзя. Она ищетъ себѣ выхода, проявленія. Стѣсненная плотиной, вода просачивается сторонкой, пробивается въ щели. Если же она прорвется, тогда она начинаетъ уже бушевать. Таковъ законъ. Таковы и всѣ люди.

Мы по себѣ, по своимъ знаемъ, какъ мѣняется человѣкъ, когда онъ изъ грязи да попадетъ въ князи. Дуга, которую долго гнули въ одну сторону, когда ее развяжешь, пустишь свободно, не остановится на серединѣ, не станетъ лишь прямою, а непремѣнно перекинется въ другую сторону. Такъ и человѣкъ. Будь онъ еврей, или не еврей, когда его долго гнули къ низу, получивъ свободу, добившись силы, перегнется въ другую сторону, будетъ загибаться кверху.

Относительно же денегъ, еврейской страсти къ грошамъ, я приведу страничку изъ милаго разсказа одной польской писательницы, Маріи Конопницкой, изъ „Менделя Гданскаго". Въ разсказѣ еврей Мендель, старый переплетчикъ бесѣдуетъ съ часовщикомъ-христіаниномъ, который перечисляетъ всѣ вины и преступленія евреевъ. Мендель отвѣчаетъ:

— Господинъ говоритъ, — что для евреевъ деньги все! Ну пусть будетъ и такъ! А знаетъ

господинъ, почему? Господинъ не знаетъ? Господинъ думаетъ, что потому, что жидки хитрые? Но господинъ ошибается. Господинъ знаетъ тотъ столбъ, что стоитъ при въѣздѣ въ городъ? Ну, если бы тамъ, на тотъ столбъ, положить честь, великую славу, великія почести, большіе чины и деньги тоже,—ну, что одинъ, полѣзъ-бы на тотъ столбъ за честью, другой—за мудростью, третій—за почестями, а четвертый за—славой; ну, нашлись бы и такіе, что и за деньгами полѣзли бы, хотя возлѣ будетъ лежать и другое. Ну, а если бы на тотъ столбъ положены были только деньги, а не было бы на немъ ни чести, ни славы, ни мудрости, то зачѣмъ лѣзли бы тогда люди на тотъ столбъ? Какъ господинъ думаетъ? За деньгами бы они лѣзли и ни зачѣмъ больше. Ну, какъ господинъ думаетъ, что лежитъ на нашемъ еврейскомъ столбѣ? Лежатъ только деньги. Такъ мы за деньгами и лѣземъ.

Въ этихъ словахъ стараго еврея много горькой правды. Вѣка всюду гонимый, вездѣ безправный еврей единственную свою силу, свою опору могъ видѣть въ деньгахъ. Деньгами онъ и среди христіанъ вѣрнѣе и скорѣе всего могъ добиться желаннаго, сохранить свою безопасность. Вотъ онъ и уходитъ весь въ деньги.

— Нѣтъ,—говорилъ я своему собесѣднику,—многія, дѣйствительно, темныя и непріятныя черты еврейства есть не существенная особенность, отличительная природная черта евреевъ, а печальный результатъ тажелыхъ историческихъ условій, среди которыхъ вѣками угнеталось, замыкалось въ себѣ еврейство.

Я увѣренъ, что встрѣть еврейство въ дальнѣйшемъ историческомъ своемъ существованіи иное, болѣе братское, любовное отношеніе къ себѣ, случись, что христіане, помимо наличныхъ пороковъ еврейства, отнеслись бы къ нему, дѣйствительно по христіански, оно значительно бы измѣнилось къ лучшему. Потеплѣй вокругъ евреевъ нравственная атмосфера, еврейство, несомнѣнно, стало бы мягче, потеплѣло само.

Со мной былъ однажды любопытный случай. Я съ хорошимъ знакомымъ возвращался изъ Италіи, изъ Венеціи, черезъ Швейцарію домой, въ Россію. На день, остановились въ Люцернѣ. Вечеромъ пошли въ кургаузъ читать русскія газеты.

Пробыли до половины двѣнадцатаго ночи. Вышли на улицу. Моросило. Мы, безъ зонтиковъ, остановились въ раздумьѣ: идти или переждать дождь. У крыльца въ одномъ сюртучкѣ, съежившись, стоялъ 16—17 лѣтъ мальчикъ съ милымъ красивымъ интеллигентнымъ лицомъ. Мы спустились съ крыльца и пошли. Проходя мимо юноши, я сказалъ товарищу по-русски:

— Смотрите, какое милое, симпатичное умное лицо!

Юноша вдругъ улыбнулся и пошелъ за нами. Я удивленно полуобернулся и говорю:

— Никакъ понимаетъ?

— Да, понимаю,—отвѣчаетъ тотъ съ легкимъ польско-еврейскимъ акцентомъ.

Я заговорилъ съ нимъ. Оказалась грустная исторія. Мальчикъ еврей, шестиклассникъ—гимназистъ попалъ въ рабочее движеніе; былъ уволенъ

изъ гимназіи и выгнанъ изъ дому отцомъ, у котораго пятнадцатилѣтній „соціалистъ“ *побунтовалъ* рабочихъ, какъ онъ выразился самъ. Теперь онъ оказался за-границей, безъ гроша денегъ въ карманѣ и двѣ послѣднія ночи ночевалъ въ полѣ, въ горохѣ; одну подъ дождемъ. Мнѣ стало невыразимо жаль его.

— Что же вы думаете дѣлать?—спросилъ я его.

— Мнѣ бы добраться до Женевы. Тамъ я коекакъ устроюсь. У меня есть знакомые, помогутъ.

У меня при себѣ были итальянскія деньги, бумажки по сто лиръ. Мелкихъ денегъ швейцарскихъ еще не успѣлъ намѣнять. Поэтому, узнавъ, что билетъ до Женевы стоилъ тринадцать франковъ, я обѣщалъ ему купить на завтра. Пока же на ночлегъ далъ ему одинъ франкъ съ чѣмъ-то и указалъ свой отель.

На утро онъ не пришелъ. Я ждалъ до 10, до 11, до 12, до часу, потомъ уѣхалъ. Заболѣлъ ли мой бѣдный землякъ; измученный ли двумя безсонными ночами, проспалъ онъ до полдня, только меня онъ не засталъ. Я уѣхалъ, не видавъ его, и мнѣ было страшно тяжело уѣзжать изъ Люцерна, словно я тамъ больнымъ въ одиночествѣ оставлялъ родного брата. Недѣли черезъ полторы я былъ уже въ Россіи, изъ Вержболова ѣхалъ въ Вильно. Въ буфетѣ Вержболова разговорился съ евреемъ, купцомъ изъ Варшавы. Я обрадовался: мой юноша былъ изъ Варшавы.

— Не знаете ли—говорю,—такой-то исторіи?— Не слыхали ли среди своихъ знакомыхъ объ отцѣ, прогнавшемъ сына?

Я разсказалъ свою встрѣчу. Еврей не зналъ такого случая.

Я просилъ его разузнать и, если узнаетъ, написать мнѣ.

— На что вамъ?—говорилъ еврей.

— Мнѣ жалко бѣднаго мальчика, заброшеннаго на чужбину. Если узнаю адресъ отца, я напишу ему, а то и самъ поѣду къ нему и скажу: „вы еврей, а я русскій; вы іудей по вѣрѣ, я христіанинъ. Я вамъ чужой, но я встрѣтилъ далеко на чужбинѣ вашего сына и мнѣ жалко его. Неужели вы, отецъ, не пожалѣете и не простите его?".

Мой случайный спутникъ, еврей, купецъ, вздрогнулъ:

— Вы хотите это сдѣлать? Вы? Вы, русскій, христіанинъ, сдѣлаете это для еврея, для маленькаго паршиваго жида?

— Не для жида, а для человѣка, для моего брата,—поправилъ я его.

— Да вѣдь онъ жидъ!—твердилъ еврей-купецъ.

— Человѣкъ,—опять отвѣчалъ я ему.

Тогда еврей подошелъ ко мнѣ и особымъ нутрянымъ голосомъ сказалъ:

— Позвольте мнѣ васъ поцѣловать, какъ брата. Я хотѣлъ бы поцѣловать вашу руку, но знаю, вы не позволите мнѣ.

Всю дорогу затѣмъ еврей-купецъ, человѣкъ лѣтъ 40—45, ухаживалъ за мной самымъ предупредительнымъ образомъ. Я увѣренъ, что каковъ бы ни былъ въ обычныхъ отношеніяхъ этотъ купецъ еврей, по отношенію ко мнѣ онъ никогда не сталъ бы „*жидомъ*". Поэтому, когда мнѣ, въ теченіе мѣсячнаго моего пребыванія въ Галиціи и вообще

въ Австріи не разъ рисовали ужасными красками еврейство и когда потомъ, дома, то же повторяли относительно западнаго края у насъ, и говорили, что я разсуждаю такъ благодушно о еврействѣ потому, что я не имѣлъ лично съ нимъ никакого дѣла, не жилъ среди евреевъ,—я убѣжденно говорилъ и говорю:

— Все знаю, охотно признаю и допускаю справедливость многихъ тяжкихъ обвиненій противъ еврейства, но вина въ томъ лежитъ столько же на христіанахъ, сколько на самихъ евреяхъ и помочь тутъ можно не травлей евреевъ, а горячимъ и искреннимъ призывомъ всѣхъ людей, и евреевъ, и не-евреевъ, на борьбу съ вѣковой тьмой, тьмой и ума, и сердца. Противъ тьмы одно средство—свѣтъ, и зло людское можно одолѣть только любовью.

IV.

Кулакомъ по кулаку.

Кто сѣетъ вѣтеръ, пожнетъ бурю.

Не надо быть пророкомъ, чтобы послѣ томительнаго удушья знойнаго дня предсказать бурю съ ливнемъ, съ громомъ и молніей. Точно также для наблюдательныхъ и вдумчивыхъ умовъ не были неожиданными и тѣ грозныя событія въ Китаѣ, что такъ еще недавно взволновали Европу. Французскій ученый, знаменитый географъ Реклю, нашъ покойный философъ, Владиміръ Соловьевъ, и кое-кто другіе давно уже предсказывали, что съ Китаемъ шутить не приходится, что европейцы тамъ пляшутъ на вулканѣ и что въ Китаѣ можетъ произойти такое изверженіе, которое затопитъ кровью и слезами всю Европу. Слова начали сбываться скорѣе, чѣмъ высказывавшіе сами ожидали. Далекій востокъ принесъ не мало тревожныхъ вѣстей и кто знаетъ, что онъ еще дастъ въ будущемъ.

Китай—слишкомъ сложная, громоздкая и необъятная машина. Это цѣлое море. Его трудно раскачать, привести въ волненіе; за то, когда оно расходится, оно долго свирѣпо бушуетъ.

Вѣтеръ давно уже улегся, на сушѣ спокойно, а море все бѣшено реветъ, все съ грознымъ воемъ

бьется о берегъ. Въ Китаѣ же слишкомъ долго сѣяли вѣтеръ и нѣтъ ничего мудренаго, что тамъ, наконецъ, разразилась буря и эта буря можетъ причинить много страшныхъ бѣдъ.

О Китаѣ всѣ слышали; всѣ много про него говорятъ, но толкомъ его почти совсѣмъ не знаютъ, не имѣютъ о немъ правильныхъ представленій. Обыкновенно принято думать, что это отсталая страна, главною особенностью которой являются милліоны глупыхъ, безсмысленныхъ, такъ называемыхъ, *китайскихъ* церемоній. Въ дѣйствительности, Китай заслуживаетъ несравненно болѣе глубокаго уваженія. Въ Китаѣ своя особая, но давняя цивилизація. Китайцы были просвѣщеннымъ народомъ, имѣли своихъ знаменитыхъ писателей и философовъ тогда, когда многихъ европейскихъ народовъ еще и не существовало даже въ варварскомъ состояніи. За долгіе вѣка самобытной жизни Китай успѣлъ пережить множество всевозможныхъ смутъ, волненій и внутреннихъ движеній, и, наконецъ, отлился въ окончательную форму, установился на обычаяхъ, освященныхъ тысячелѣтіями. Для насъ эти обычаи, можетъ быть, странны, непонятны и неудобны, но китайцамъ они вполнѣ по плечу.

Намъ смѣшны юбки китайцевъ и ихъ длинныя косы, а китаецъ чувствуетъ себя съ ними превосходно. Такъ и со всѣмъ китайскимъ укладомъ жизни.

И тамъ жизнь не замерла, какъ обычно думаютъ, а успокоилась; не скачетъ, какъ у насъ, черезъ пороги, не падаетъ съ утесовъ водопадами, а чуть плещется, какъ тотъ Тихій океанъ, который омываетъ берега Китая.

*

У насъ жизнь еще бродитъ, какъ молодое вино, а Китай давно уже выбродился. Это старикъ, который давно пережилъ увлеченія пылкой молодости и на все смотритъ глазами вѣковаго житейскаго опыта. Его не манитъ бранный задоръ, не льститъ слава завоевателя; онъ хочетъ только въ покоѣ ѣсть свой трудовой хлѣбъ. На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другого болѣе трудолюбиваго и мирнаго народа. Китайцы не любятъ войны, презираютъ ее. Они говорятъ, что народъ, который гордится своими многочисленными военными героями,—разбойничій народъ и что люди рождаются на землѣ для труда, а не для убійства другъ друга. По отзывамъ безпристрастныхъ знатоковъ Китая, лица китайцевъ поражаютъ своею вдумчивостью; видно, что люди вѣками привыкли мыслить, жить и работать головой. Никогда не нападая на сосѣднія страны, Китай хотѣлъ одного, чтобы и его не трогали. Но послѣднія полвѣка въ Китай начинаютъ усиленно двигаться европейцы. Громадныя богатства Китая представлялись европейцамъ слишкомъ лакомымъ кускомъ, чтобы его оставить въ покоѣ и Китай, подъ предлогомъ просвѣщенія, наводняется миссіонерами, купцами, фабрикантами. Начинается хищный дневной грабежъ мирнаго народа. Начало, какъ водится, положили англичане. Изъ сосѣдней Индіи они начали отравлять китайцевъ опіумомъ. Китайцы большіе охотники до куренія опіума, но опіумъ страшно вреденъ для здоровья. Китайскія власти запрещаютъ ввозъ опіума. Тогда англичане съ пушками врываются въ столицу Китая, въ Пекинъ, и силой заставляютъ отмѣнить запрещеніе отравляться опіумомъ китайцамъ.

Это было первое близкое знакомство китайцевъ съ европейскою цивилизацiею. Затѣмъ европейцы заводятъ въ Китаѣ, фабрики, желѣзныя дороги; подбиваютъ правительство вооружить страну на европейскiй ладъ и поставляютъ тьму пушекъ, ядеръ, броненосцевъ. У китайцевъ слагается о европейцахъ прочное убѣжденiе, какъ о хищникахъ, грабителяхъ, которыхъ ненавидятъ, но которымъ до поры до времени подчиняются изъ страха европейскихъ скорострѣльныхъ пушекъ и орудiй. Миссiонеры являлись слишкомъ слабымъ противовѣсомъ въ виду насилiя христiанскихъ народовъ надъ беззащитнымъ Китаемъ. Китайцы отъ нихъ слышали прекрасныя слова о любви и братствѣ, но видѣли отъ ихъ собратьевъ дѣла разбоя и грабежа. Не говоря уже о томъ, что сами миссiонеры, за ничтожнымъ исключенiемъ, носили только званiе апостольскаго служенiя, а духа апостоловъ въ нихъ не было и помину. Они являлись скорѣе торговыми и политическими дѣятелями своихъ правительствъ, чѣмъ носителями и распространителями свѣта Христова. За послѣднiе годы часто можно было читать такого рода телеграммы: „Китайцами зарѣзаны 2—3 миссiонера. Посланные на мѣсто убiйства броненосцы второй день бомбардируютъ берегъ. Сожжено много деревень". Такая проповѣдь Евангелiя огнемъ и мечемъ не могла, конечно, внушить китайцамъ расположенiя къ христiанству. Она только пуще распаляла злобу на „бѣлыхъ дьяволовъ", такъ называютъ китайцы европейцевъ.

Съ годами аппетитъ европейцевъ все росъ и росъ. Случилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ

война у китайцевъ съ Японіей. Обученные и вооруженные по европейски японцы побили Китай. Крохотная Японія осилила, шутя, громадный Китай. Европейцы окончательно убѣдились, что съ Китаемъ можно не церемониться. Одно государство за другимъ насильно захватываетъ значительныя части Китая. Несчастные, только что побитые африканскими варварами итальянцы, и тѣ нахрапомъ требуютъ себѣ доли. Предположили, что человѣкъ больной, что онъ защищаться не можетъ. и кто что хочетъ, тотъ то и беретъ. И все это продѣлывается грубо, съ насиліемъ, съ угрозами кулакомъ. Вся европейская цивилизація все время представлялась китайцамъ въ видѣ кулака. У европейскихъ дипломатовъ, вообще, сложилось грустное убѣжденіе, что съ неевропейскими народами надо дѣйствовать только страхомъ, кулакомъ.—

Эти азіатскіе варвары,—говорятъ обыкновенно въ Европѣ,—только и подчиняются грубой силѣ.

Печальный показатель грубости самой нашей европейской цивилизаціи, у которой кромѣ кулака нѣтъ средства воздѣйствія на грубыя, непросвѣщенныя племена. Но кулакомъ можно вѣдь бить только по мягкому; а если подъ руку попадется что нибудь твердое, пожалуй, и кулакъ разобьешь. Такъ и случилось въ Китаѣ. Терпѣлъ, терпѣлъ миролюбивый народъ; наконецъ, всякое терпѣніе лопнуло и противъ европейскаго кулака Китай выставилъ свой „Большой Кулакъ“ и больно имъ ударилъ Европу по кулаку.

Грустно, тяжело было читать, когда въ первые дни тревоги всѣ европейскія газеты въ одинъ голосъ стали призывать христіанъ къ войнѣ съ язы-

ческимъ Китаемъ во имя Евангелія. Какая тутъ война христіанства съ язычествомъ? Тутъ война кулака съ кулакомъ. И развѣ мы смѣемъ называть себя христіанами, если мы взываемъ къ богу грома и молніи, проповѣдуемъ необходимость залить кровью Китай, посылаемъ, какъ Вильгельмъ германскій, мстить, мстить убійствомъ, огнемъ и мечемъ? А гдѣ были тогда христіанскіе миссіонеры въ Китаѣ? Ихъ стоны и вопли всегда долетали до Европы, а слышался-ли хоть разъ оттуда ихъ призывъ Европы къ христіанской любви, къ прощенію, къ кроткому рѣшенію кровавой бѣды? Ветхозавѣтный Моисей и апостолъ Павелъ ходатайствовали предъ Богомъ за согрѣшившихъ братьевъ. „Изгладь, Господи, насъ изъ книги жизни,—говорили они,—но помилуй согрѣшившихъ братій нашихъ". Слышалась-ли когда-нибудь изъ Китая подобная защита миссіонерами разбушевавшейся китайской народной толпы?

Вообще не знаешь, о чемъ болѣе скорбѣть: о томъ-ли что творилось въ Китаѣ, или о томъ, что писало большинство христіанскихъ газетъ, къ чему подъ сѣнью Креста призывали толпу люди, мнящіе себя учителями, руководителями народа? Вотъ ужъ подлинно сбылись слова Спасителя: „если слѣпой слѣпого поведетъ, оба упадутъ въ яму".

Въ Китаѣ разбушевавшаяся, какъ море въ непогоду, толпа перерѣзала сотню—другую европейцевъ. Ужасное злодѣяніе! Страшное бѣдствіе! Но я вотъ въ Швейцаріи, въ Люцернѣ, видѣлъ памятникъ,—знаменитаго Люцернскаго Льва. Въ скалѣ выдолблена пещера, въ ней умираетъ раненый въ

бокъ копьемъ левъ. Этотъ Люцернскій Левъ имѣетъ свою исторію.

Нѣкогда люцернцы очень любили военное ремесло (*вспомните китайцевъ,—ихъ отношеніе къ войнѣ по нуждѣ*; тутъ же *любили ремесло*), но потомъ, завоевавши независимость страны, они остались дома безъ дѣла. Короли Франціи, пользуясь этимъ, приглашали ихъ къ себѣ на службу для дворцовой стражи, какъ людей храбрыхъ и надежныхъ. Служба эта вообще не была сопряжена съ большими опасностями; но лѣтомъ 1792 года швейцарцамъ пришлось дорого поплатиться за нее. Возставшіе противъ короля парижане, 10 августа 1792 г., ворвались въ Тюльерійскій дворецъ, защищаемый двумя батальонами королевской гвардіи, сплошь изъ швейцарцевъ. Произошла отчаянная схватка и швейцарцы, послѣ геройскаго сопротивленія, легли костьми всѣ до единаго; 2 и 3 сентября были убиты послѣдніе защитники.

Это было въ Парижѣ, въ центрѣ европейской цивилизаціи въ дни, когда еще прахъ Вольтера, Руссо и цѣлаго ряда другихъ современныхъ имъ философовъ не успѣлъ истлѣть!

Припоминаю другой случай. Въ Германіи была ужасная братоубійственная война изъ за вѣроисповѣданія между католиками и лютеранами. Однажды католическія войска взяли приступомъ городъ лютеранъ и началась страшная рѣзня женъ, дѣтей и стариковъ на улицѣ. Многіе несчастные крестились по католически, показывали кресты, образки на шеѣ, называли свои католическія имена и говорили, что они не лютеране. Мольбы ихъ тронули грубыя сердца солдатъ. Солдаты спрашивали

своихъ духовныхъ: „какъ быть?“ Тѣ отвѣчали: „бей всѣхъ: на небѣ разберутъ, кто правовѣрный, кто еретикъ“.

Такъ въ пылу ярости дѣйствуютъ люди, называющіе себя христіанами. Что же требовать отъ язычниковъ? Вѣдь, вотъ, европейцы оружіемъ въ изобиліи снабдили китайцевъ; научили ихъ и обращаться съ пушками, а воспитать ихъ, направить ихъ умъ и чувства на исканье правды вѣчной и на служеніе добру,—объ этомъ не позаботились. Да и теперь рѣчь ведутъ только о мщеніи, о новыхъ насиліяхъ, о новомъ кулакѣ. Китаю-же нужно отъ Европы совсѣмъ иное. Дѣло въ томъ, что китайцы больше всего заботятся о томъ, какъ лучше устроить жизнь на землѣ. Вопросы-же вѣчности, думы о душѣ, о небѣ ихъ мало занимаютъ. Съ этой стороны сердце китайца совсѣмъ еще не затронуто и тутъ для христіанства предстоитъ широкое и необъятное поле дѣятельности. Что китаецъ въ настоящемъ его видѣ могъ сдѣлать, онъ уже давно сдѣлалъ. Добился тутъ совершенства и на томъ застылъ, но застылъ не на всегда. Въ душѣ китайца осталось много струнъ, ничуть еще не затронутыхъ и кто съумѣетъ ихъ расшевелить, тотъ откроетъ Китаю путь къ многимъ новымъ великимъ дѣламъ.

Пока Китай—великая, но дремлющая сила, сила скрытая. И долгъ европейцевъ, если они хотятъ дѣйствительно быть христіанами, учениками любви, а не волками въ овечьей шкурѣ,—не дѣлить Китай на части, не грабить его приморскіе города, не снабжать его пушками и учителями военнаго дѣла, а просвѣщать его Евангеліемъ, раскрыть ему глу-

бокій смыслъ жизни по ученію Христа и въ лицѣ посылаемыхъ въ Китай миссіонеровъ хоть отчасти показать, что̀ такое христіанская жизнь. Теперь-же миссіонеры разныхъ христіанскихъ народовъ много *говорили* китайцамъ о христіанствѣ, но на дѣлѣ китайцы нигдѣ не видѣли, какъ идетъ жизнь по ученію Христа. Въ дѣлахъ европейцевъ въ Китаѣ не было ни любви къ ближнему, ни кротости; отъ христіанъ китаецъ видѣлъ только обиды, насиліе и грабежъ богатствъ Китая. Такое знакомство съ христіанствомъ не могло пробудить въ душѣ китайцевъ новыхъ, ему пока невѣдомыхъ, высокихъ благотворныхъ чувствъ и Китай еще ждетъ апостоловъ—проповѣдниковъ Христа, проповѣдниковъ не словъ, а дѣлъ, жизни полной любви и добра.

Истинная и вѣчная культура создается не кулакомъ, хотя-бы и въ борьбѣ противъ „кулаковъ", а внѣдрѣніемъ въ людей духа Божія, который никого не гнететъ, а всѣмъ несетъ призывъ и силы къ общей братской работѣ во имя торжества высшей правды на землѣ и общаго блага всего человѣчества.

И этой великой и святой работы *людямъ-братьямъ* еще много—много въ Китаѣ и еще болѣе, кажется, у себя, въ Европѣ, въ устроеніи желанныхъ братскихъ отношеній одного народа къ другому, сословія къ сословію, одного вѣроисповѣданія къ инымъ вѣроисповѣданіямъ.

V.

Божья рать.

Римскій писатель Корнелій Непотъ въ своей біографіи одного изъ греческихъ героевъ, Эпаминонда говоритъ, что этотъ великій ѳиванецъ, по обычаю грековъ, въ дѣтствѣ былъ обученъ танцамъ и игрѣ на флейтѣ.

Для римскихъ читателей Корнелія Непота подобная особенность воспитанія Эпаминонда могла показаться болѣе чѣмъ странною. У нихъ танцы и игра на флейтѣ считались унизительными и имъ обучали только рабовъ. Поэтому римскій авторъ біографіи греческаго героя добавляетъ: „очень многое, что у римлянъ считалось позорнымъ и легкомысленнымъ, у грековъ было въ почетѣ и наоборотъ. Каждый народъ имѣетъ свои особенности, свои обычаи, свои особые взгляды".

Къ этимъ словамъ древняго историка надо добавить еще, что отличіе грека отъ римлянина не ограничивалось только этими особенностями въ выборѣ предметовъ школьнаго обученія. Душа древняго грека и душа древняго римлянина, ихъ вкусы и міровоззрѣніе и во многомъ болѣе существенномъ рѣзко отличались. Античный грекъ въ лицѣ

лучшихъ своихъ представителей былъ человѣкъ глубокой мысли, любитель красоты, изящной формы. Онъ создалъ философію, далъ блестящіе образцы поэзіи, оставилъ безсмертные памятники искусства— дивныя статуи.

Римлянинъ былъ, по преимуществу, человѣкъ суровой, желѣзной дисциплины; онъ былъ дѣятель-практикъ, прекрасный администраторъ, поклонникъ скорѣе сильныхъ, могучихъ мускуловъ, нежели изящныхъ тонкихъ линій. Римъ создалъ римское право. Вся римская поэзіи въ сравненіи съ музою Греціи — слабый младенческій лепетъ. Въ области философіи римляне дали болѣе или менѣе извѣстныхъ только моралистовъ — Сенеку, Эпиктета и Марка Аврелія, опять-таки представителей дисциплины, если и не внѣшней, то внутренней, духовной.

Такимъ образомъ, если древнія культуры Греціи и Рима и принято обыкновенно обобщать, разсматривать какъ одну общую античную, классическую культуру, то это не потому, что онѣ совершенно тожественны, однородны, а скорѣе потому, что онѣ дополняютъ одна другую, являются отдѣльными частями одного цѣлаго, служатъ прекраснымъ выразителемъ различныхъ сторонъ человѣческаго духа, потому что соединеніе ихъ воедино дѣлаетъ болѣе яркою и полною картину духовнаго міра древности.

Такое же существенное отличіе въ основныхъ особенностяхъ духа существуетъ и у современныхъ европейскихъ народовъ, которые являются участниками въ одной обще-культурной работѣ. Всѣ

европейскіе народы, или, лучше сказать, всѣ христіанскія націи—и нѣмцы, и французы, и англичане, и шведы, и русскіе, и итальянцы, и американцы-янки, и голландцы и прочіе, всѣ они ткутъ одно полотнище, сообща воздвигаютъ одно зданіе, работаютъ во имя одной культуры, но эта культура—слишкомъ пестрая, разноузорная ткань, чрезвычайно сложное сооруженіе, требуетъ множества различныхъ дарованій и ни одна нація, какъ бы геніальна она ни была, не въ силахъ выдвинуть способныхъ дѣятелей на *всѣхъ* поприщахъ культурной работы.

Какъ въ нѣдрахъ земли нѣкогда создались различные металлы и драгоцѣнные камни и у всѣхъ у нихъ свои отличные и вѣсъ, и плотность, и химическія свойства, и блескъ, и игра, такъ и въ горнилѣ исторической жизни вѣками выработались различныя народности и у всѣхъ у нихъ свои особыя психическія свойства. Отличительныя особенности одной націи даютъ ей преимущество, выдвигаютъ ее въ первые ряды работниковъ, дѣлаютъ болѣе плодотворнымъ ея трудъ на одномъ поприщѣ культурной работы; другая, въ силу своихъ психическихъ данныхъ занимаетъ то же положеніе въ другой сферѣ. Каждая новая нація, вступающая на поприще культурной работы и проявляющая свою самобытность, свою оригинальность—это новая краска на палитрѣ, новый инструментъ въ общемъ оркестрѣ человѣчества, новый голосъ среди хора другихъ народовъ. Нельзя рисовать картину, полную жизни и разнообразія оттѣнковъ, одною краскою; не можетъ быть бо-

гато разработана музыкальная тема, если приходится играть въ оркестрѣ на однородныхъ инструментахъ, или играть на одной струнѣ. Чѣмъ больше красокъ на палитрѣ, тѣмъ ярче и живѣе выйдетъ картина; чѣмъ болѣе разнообразныхъ струнъ, тѣмъ полнѣе получится аккордъ. И чѣмъ болѣе проявится своеобразныхъ особенностей народнаго генія въ культурной работѣ той или другой націи, тѣмъ выпуклѣе, осязательнѣе проявится величіе и мощь человѣческаго духа. По этому, кто въ грубой борьбѣ срываетъ хотя-бы одну струну на лирѣ общечеловѣческой души, кто насильственно стираетъ ту или другую краску съ палитры Господней, тотъ совершаетъ великое преступленіе, духовное убійство. Если же струна сама отъ себя теряетъ свою звучность, если племя отъ лѣности, нерадѣнія, теряетъ свою самобытность, самостоятельность, то страна совершаетъ сама преступленіе—свое духовное самоубійство.

Отсюда дѣло національной культуры, ростъ самобытнаго духовнаго развитія народа есть дѣло общечеловѣческое. Тутъ нѣтъ мѣста національной враждѣ и травлѣ, а можетъ быть только совмѣстная работа въ одномъ общемъ Божьемъ дѣлѣ, въ устроеніи Царства Божія въ сердцѣ людей. Карлейль въ своей книгѣ „Герои и героическое въ исторіи“ прекрасно говоритъ: „всѣ люди всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ составляютъ единую армію, которая не смотря на разницу мѣста, времени и развитія предназначена къ одной великой цѣли—къ той, чтобы подъ начальствомъ неба вести неустанную и упорную борьбу съ царствомъ

всяческой тьмы и неправды. Зачѣмъ же намъ спорить и враждовать изъ-за разницы въ оружіи или въ цвѣтѣ мундира? Всякій мундиръ хорошъ, если подъ нимъ бьется мужественное и любящее сердце; всякое оружіе прекрасно, если оно разитъ зло и ведетъ „къ торжеству свѣта, правды и добра“.

2

ЗЕРНА ДОБРА.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

священника

Г. Петрова.

Изданіе третье.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
МОСКВА. — 1903.

От с.-петербургскаго духовно-цензурнаго комитета печатать дозволяется. С.-Петербург, 7 февраля 1903 года.

Цензор *иеромонах Александр.*

Ростъ добра.

Земля, какъ извѣстно, шаръ, но шаръ не ровный, а въ высшей степени шероховатый: громадныя горы уходятъ вершинами за облака, а долины и низменности образуютъ глубокія впадины. Съ теченіемъ времени эти неровности сглаживаются. Цѣлый рядъ причинъ медленно, но постоянно работаетъ надъ измѣненіемъ поверхности земли: горныя вершины вывѣтриваются, разрыхляются, смываются дождями, и размельченныя частицы ихъ сносятся потоками въ долины. Вся эта работа видоизмѣненія земной поверхности совершается такъ медленно, что мы въ теченіе короткаго времени нашей жизни не замѣчаемъ ихъ и привыкаемъ думать, что поверхность земли въ главныхъ чертахъ остается неизмѣнною. Но проходятъ тысячи лѣтъ и вслѣдствіе неустанной работы незамѣтныхъ дѣятелей являются рѣзкія измѣненія земной поверхности: вывѣтренныя и размытыя высоты понижаются, а выстланныя ихъ матеріаломъ низменности повышаются.

То же самое слѣдуетъ сказать и о нравственномъ настроеніи человѣчества. Тутъ также происходитъ своего рода нивеллировка, постепенный подъемъ низинъ, сглаживаніе шероховатостей.

Въ сравнительной оцѣнкѣ временъ давно минувшихъ и настоящихъ мы забываемъ законъ исторической перспективы, забываемъ, что чѣмъ дальше мы отходимъ отъ какой-нибудь мѣстности, тѣмъ болѣе она въ своихъ низахъ скрывается отъ насъ, и что съ отдаленія мы видимъ только лишь высокіе предметы: вершины горъ, башни, колокольни. Переносясь мыслью къ первымъ днямъ и къ первымъ вѣкамъ христіанства, мы видимъ тамъ свѣтлые образы апостоловъ, сонмь мучениковъ, ряды подвижниковъ и великихъ отцовъ и учителей Церкви, и мы глубоко скорбимъ объ отсутствіи ихъ среди насъ, забывая, что и апостолы и ихъ великіе преемники были только лишь отдѣльныя ярко озаренныя Христовымъ свѣтомъ вершины среди удручающаго нравственнаго мрака, который давилъ человѣчество.

Солнце, восходя, освѣщаетъ сначала только вершины горъ, а чтобы день наступилъ внизу, должно пройти нѣкоторое время. Іисусъ Христосъ свое ученіе сравнивалъ съ закваскою, которую кладутъ въ тѣсто и дѣйствіе которой сказывается не вдругъ, а по прошествіи извѣстнаго времени. Когда послѣ долгой суровой и

снѣжной зимы наступаетъ весна, солнце хотя и свѣтитъ ярко и хотя въ воздухѣ вѣетъ тепломъ, но нанесенные зимою сугробы сходятъ съ полей не вдругъ: они долго еще держатъ землю подъ зимнимъ покровомъ. Немудрено, что и человѣчество въ своей массѣ не все сразу освобождается отъ наросшей на него вѣками грязи, не все вдругъ проникается закваскою Христовой. По веснѣ освобождаются отъ снѣга прежде всего пригорки, а за ними уже постепенно являются проталины на поляхъ. Такъ и въ людяхъ. Подъ лучами Христовой любви и правды ожили сначала болѣе чуткія, отзывчивыя, возвышенныя души, а остальныя массы народныя на призывъ Евангелія откликаются позже. Человѣчество въ своемъ пути къ добру, что армія на походѣ. Болѣе сильные идутъ впереди, слабые отстаютъ, но армія въ общемъ, хотя съ дневками, съ остановками, съ поджиданіемъ отсталыхъ, но все же движется впередъ. Закваска Христова, хотя, можетъ-быть, и незамѣтна для глаза отдѣльныхъ людей, но свое дѣйствіе производитъ. Отдѣльнымъ поколѣніямъ людей не бросается рѣзко въ глаза нравственное улучшеніе человѣчества, но исторія ярко отмѣчаетъ его. Гладіаторскіе бои и травля людей звѣрями на аренахъ цирка въ наше время немыслимы. Мы возмущаемся даже боемъ быковъ, травлей волковъ и зайцевъ на садкахъ. Рабство среди христіанскихъ народовъ

повсемѣстно отошло въ область преданія. Интересно прослѣдить исторію этого грубаго явленія, обращенія одного человѣка въ рабочую скотину другого.

Величайшіе мудрецы древности, Платонъ и Аристотель, считали рабство явленіемъ естественнымъ и справедливымъ. Самымъ просвѣщеннымъ народамъ казалось законнымъ звѣрское, безчеловѣчное отношеніе къ рабамъ. Вотъ характерный случай. Меценатъ, римскій вельможа, личный другъ императора Августа, человѣкъ извѣстный своимъ широкимъ покровительствомъ наукамъ и искусствамъ, принималъ у себя государя. Во время обѣда одинъ рабъ неловкимъ движеніемъ руки опрокинулъ хрустальный бокалъ, который переломился въ ножкѣ. Меценатъ тутъ же приказалъ бросить несчастнаго въ прудъ парка, гдѣ человѣчьимъ мясомъ откармливались рыбы для барскаго стола. Императоръ просилъ въ личное ему удовольствіе, ради его посѣщенія, даровать жизнь рабу.

— Ради твоего именно посѣщенія онъ долженъ былъ быть болѣе ловокъ, — отвѣчалъ Меценатъ, — и раба утопили. Такова была власть господъ надъ рабами и таково было безчеловѣчное обращеніе съ ними. Христіанство въ первые вѣка нѣсколько смягчило ужасы рабства, но сразу уничтожить не могло. Какъ бы весеннее солнце ни пекло, ледъ и снѣгъ сразу

не сойдутъ: недѣлями бываетъ оттепель. Такъ и рабство. Въ христіанствѣ оно смягчилось, перешло въ крѣпостную зависимость, но зависимость эта вначалѣ была ужасна. Существовалъ законъ (jus primae noctis,—право первой ночи), по которому владѣлецъ крѣпостныхъ могъ требовать, если хотѣлъ, чтобы всякая молодая его крестьянка послѣ вѣнца первую ночь провела у господина въ замкѣ. Во времена нашей барщины также творилось много ужасовъ, но это дѣлалось уже не по закону, а противъ закона, по потворству беззаконію. Наконецъ, и крѣпостное право было отмѣнено, народъ сталъ свободенъ. Всякое насиліе надъ человѣкомъ стало позорнымъ.

Человѣчность проникаетъ даже въ отношенія къ врагу. Война хотя и продолжаетъ быть и, вѣроятно, долго еще будетъ печальнымъ спутникомъ человѣка, но и побужденія къ ней и самый характеръ ея медленно, но постоянно смягчаются. Во времена доисторическія, на самыхъ низшихъ ступеняхъ человѣчества, среди наиболѣе грубыхъ дикарей война была ужаснымъ средствомъ существованія. Дикарь шелъ на войну, какъ на охоту. Врагъ для него былъ дичью; онъ убивалъ его или бралъ въ плѣнъ, чтобы съѣсть. Война несла побѣжденному неизбѣжную смерть. Съ теченіемъ времени побужденія къ войнѣ мѣняются. Восточные и другіе завоеватели древности стремились не

поѣдать ближніе и дальніе народы, а посредствомъ меча покорить ихъ, сдѣлать рабами. Тутъ война не несла съ собою непремѣнно смерти, она влекла только неизбѣжное рабство. она отнимала свободу, но оставляла жизнь. Проходятъ еще вѣка, и побѣжденному остается и жизнь и свобода; онъ платится только матеріально: отъ него отнимаютъ области, гавани, боевые снаряды, требуютъ уплаты военныхъ издержекъ побѣдителя. Послѣдствія войны, такимъ образомъ, на глазахъ исторіи рѣзко измѣнились къ лучшему: сначала побѣдитель требовалъ жизни, потомъ — свободы, теперь — только кошелекъ.

Измѣнился и самый характеръ войны. Варварское, безчеловѣчное обращеніе съ безоружнымъ врагомъ клеймится какъ позорное звѣрство. Врагъ считается врагомъ, пока онъ съ оружіемъ въ рукахъ; раненый или плѣнный — онъ уже страждущій братъ, который имѣетъ полное право на помощь побѣдителя. Древнее правило войны: „Старайся причинить врагу зла столько, сколько только можно“,— замѣнилось новымъ: „Не дѣлай врагу зла больше, чѣмъ сколько требуетъ успѣхъ войны“. Разрушеніе безъ нужды мирныхъ жилищъ считается варварствомъ, а грабежъ жителей захваченной страны (мародерство) карается, какъ преступленіе. Мало этого, — подымаются рѣчи о полномъ прекращеніи ужасовъ войны. Сначала мирные

голоса были рѣдки и несмѣлы; надъ ними смѣялись, считали ихъ бреднями, пустыми, несбыточными мечтами, но они становятся все болѣе громкими, раздаются чаще и, наконецъ, слышатся съ высоты престола. 12 августа 1898 года Государь Императоръ Николай II обратился ко всѣмъ правительствамъ державъ съ предложеніемъ обсудить возможность смягченія гнета всеобщаго непосильнаго вооруженія. Въ Гаагѣ была собрана мирная конференція. Она не пришла ни къ чему существенному, но это не означаетъ безполезности ея. Пусть она не перемѣнила пока характера дѣйствій державъ, засѣдавшихъ въ Гаагѣ. Важно одно то, что люди впервые отъ созданія міра въ лицѣ своихъ правительствъ стали толковать о мирѣ всего міра. Начали толковать — до чего-нибудь дотолкуются. Новыя мысли принимаются не вдругъ. Онѣ, какъ зерна: сначала набухаютъ, потомъ даютъ ростокъ, наконецъ, выпускаютъ вверхъ зелень.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось быть на освященіи завода военныхъ издѣлій. За завтракомъ одинъ изъ участвующихъ, полковникъ, пилъ за процвѣтаніе завода.

— Пусть филантропы (человѣколюбцы) и праздные мечтатели на досугѣ говорятъ о возможности всеобщаго мира и братства на землѣ, мы знаемъ, что, пока существуютъ люди, будетъ драка между ними, а въ дракѣ нуженъ сильный

кулакъ. Я подымаю мой бокалъ за сильный, здоровый кулакъ и за то, что укрѣпляетъ его! За процвѣтаніе завода!

Прошло 2—3 года. Въ Москвѣ былъ обнародованъ царскій манифестъ о разоруженіи. Я встрѣтилъ полковника-оратора и говорю:

— А что, полковникъ, будете называть теперь праздными мечтателями тѣхъ, кто говоритъ о мирѣ, послѣ того, какъ другой Полковникъ, Который живетъ въ Зимнемъ дворцѣ и Который зовется Императоромъ Николаемъ II, Самодержавный Монархъ 130-милліоннаго народа, сказалъ свое слово за общій международный миръ?

— Да, — отвѣчалъ полковникъ, — можетъ-быть, вы правы; можетъ-быть, люди и дождутся когда-нибудь общаго мира. Я, по крайней мѣрѣ, не говорилъ бы теперь прежней рѣчи.

Вотъ въ этой перемѣнѣ мыслей, въ ослабленіи увѣренности въ устойчивости войны — великое значеніе манифеста о разоруженіи. Манифестъ не устранилъ пока возможность новыхъ войнъ, но онъ поколебалъ во многихъ увѣренность въ роковой неизбѣжности войны на землѣ.

На перекресткѣ десятка большихъ дорогъ глубоко былъ вкопанъ громадный, толстый, неуклюжій столбъ. Онъ вѣка задерживалъ спокойное движеніе людей. Проѣзжіе и прохожіе давили другъ друга около него, толкались и

порою больно ушибались. Окровавленные, съ синяками, вывихами и переломомъ шли они дальше, проклиная столбъ; но никому не приходило въ голову уничтожить его, очистить свободный путь. Вѣка стоялъ ненужный столбъ, и всѣмъ казалось, что онъ будетъ стоять вѣчно; но вотъ приходитъ богатырь, обладающій силою ста тридцати милліоновъ человѣкъ, и своимъ плечомъ упираетъ въ столбъ. Столбъ на первый разъ не упалъ, но въ основаніи своемъ поколебался. Пройдутъ года, придетъ другой и третій богатырь; расшатаютъ столбъ еще больше и, наконецъ, настанетъ пора, когда люди шутя выдернутъ столбъ, который вѣка тормозилъ ихъ мирное движеніе впередъ.

Все это убѣдительно говоритъ, что вершины зла понижаются, а уровень добра повышается, что зло, если не во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, то въ главныхъ, крупныхъ формахъ смягчается, теряетъ горечь и остроту. Людская совѣсть начинаетъ возмущаться многимъ тѣмъ, съ чѣмъ прежде легко уживалась.

Съ изобрѣтеніемъ микроскопа, посредствомъ котораго можно въ каплѣ воды видѣть тысячи живыхъ существъ, предъ людьми открылся новый міръ безконечно малыхъ организмовъ. Люди научились распознавать причины разныхъ заразныхъ болѣзней, которыя въ видѣ незримыхъ для глаза микробовъ и бактерій

носятся въ воздухѣ и водѣ. Противъ этихъ микробовъ и бактерій въ водѣ и воздухѣ теперь ведется жестокая война. Для загрязненной воды устраиваются фильтры; посрединѣ городовъ для освѣженія воздуха разводятся сады и парки; почва очищается подземной канализаціей.

Прежде, въ старину, жили еще грязнѣе, но никакихъ бактерій не боялись. Ими дышали, отравлялись; отъ нихъ болѣли и умирали, но существованія ихъ и не подозрѣвали. Явился микроскопъ, получилась возможность наблюдать жизнь каждой пылинки и капли воды, и люди стали настойчиво бороться противъ всякой грязи и пыли, какъ источника заразныхъ бактерій.

То же самое и съ внутренней нравственной жизнью людей. Тѣ многочисленныя темныя стороны человѣческой жизни, на которыя такъ часто слышатся громкія жалобы, по существу не новы. Онѣ всегда были и, конечно, долго еще будутъ. Съ большинствомъ ихъ люди свыклись, не замѣчали ихъ безобразія; но вотъ солнце правды стало все выше и выше подыматься надъ землею, стало свѣтать въ душѣ людей, совѣсть человѣческая сдѣлалась болѣе зоркою, обзавелась своимъ микроскопомъ и начинаетъ ужасаться отъ той нравственной грязи, которою осквернена человѣческая жизнь. Но громкія жалобы на порчу нравовъ не должны

насъ смущать. Предъ громадой зла не слѣдуетъ опускать руки. Надо работать во имя добра. Добро растетъ на землѣ. Трудъ бывшихъ работниковъ любви и правды не пропалъ. Они во многомъ облегчили намъ работу, расчистили намъ путь. Царство Божіе близъ насъ. Пути къ нему проложены. Дорога вѣдома. Пойдемъ къ нему и, если можемъ, поведемъ другихъ!

Евангеліе въ исторіи.

Наступаетъ двадцатый вѣкъ со времени Христа Спасителя, а до устроенія жизни людей по евангельскому ученію куда какъ далеко. Немудрено поэтому, что многимъ думается, будто ученіе Христово вообще не въ силахъ исправить человѣческую жизнь.

— Двѣ почти тысячи лѣтъ проповѣдуется Евангеліе, — говорили одному вѣрующему христіанину,—а на что похожа жизнь христіанъ?

— Если они такъ плохи теперь, когда у нихъ есть Евангеліе, — отвѣчалъ вѣрующій, — то что же было бы съ ними, если бъ они совсѣмъ не знали ученія Христа? Люди близорукіе и съ бѣльмами на глазахъ спотыкаются и при свѣтѣ солнца; какъ бы они ходили, если бы вокругъ нихъ постоянно была полная тьма?

Чтобы правильно судить о томъ, измѣнилась ли человѣческая жизнь подъ вліяніемъ ученія Іисуса Христа, дѣйствуетъ ли на людей Евангеліе, надо сравнить, какова была жизнь людей во времена Спасителя и какова теперь.

Въ „Очеркахъ изъ всемірной исторіи“ покойнаго профессора харьковскаго университета Петрова есть прекрасная статья—„Евангеліе въ

исторіи“, гдѣ мастерски рисуется перемѣна, какую произвело въ людяхъ ученіе Христа Спасителя.

„Римъ во времена Спасителя былъ владыкой міра. Все подчинялось Риму и платило ему дань. Богатства его были несмѣтны. Къ нему стекались ученые, писатели, художники. Римъ былъ центромъ образованности и тѣмъ не менѣе жизнь его была ужасна.

„Римъ былъ расположенъ на берегу рѣки Тибра и раскинулся по семи холмамъ. Въ немъ жило два милліона людей, высилось четыреста храмовъ, красовались двѣ тысячи дворцовъ государя и римской знати. Каждый такой дворецъ въ отдѣльности былъ цѣлый городокъ. Его окружали парки, сады, роскошныя бани, звѣринецъ и безконечныя службы. Внутри все блестѣло баснословной роскошью. Потолки и стѣны были украшены картинами, тонкой рѣзьбой по дереву, цвѣтнымъ мраморомъ; полъ выстланъ мозаикой. Рабочій столъ вылитъ изъ чистаго золота или весь вырѣзанъ изъ одного громаднаго куска дерева и стóитъ на наши деньги шестьдесятъ тысячъ рублей. По полкамъ вдоль стѣнъ лежатъ тысячи рукописей знаменитыхъ писателей — поэтовъ, мудрецовъ, но хозяинъ рѣдко заглядываетъ въ нихъ. Онъ занятъ заботами объ обѣдѣ или ужинѣ, который даетъ многочисленнымъ гостямъ и прихлебателямъ. Къ его столу свозится лучшее со всего міра: изъ одного мѣста вино, изъ другого

устрицы, изъ третьяго фрукты, изъ четвертаго дичь. Одинъ ужинъ иногда обходился *во стополтораста тысячъ рублей*. Бывали кушанья, которыя приготовлялись изъ павлиньихъ языковъ или изъ мозговъ попугаевъ. Гости возлежали на пурпурныхъ ложахъ. Рабы, которые служили, были подобраны по росту, по цвѣту волосъ. Одну смѣну блюдъ подавали въ однѣхъ одеждахъ—бѣлыхъ, другую—въ голубыхъ, третью—въ красныхъ и т. д. Вокругъ гремѣла музыка, пѣли знаменитые пѣвцы, лучшіе артисты читали стихи. Сверху на гостей прыскали дорогими духами, сыпали цвѣты. Все это стоило страшныхъ денегъ и все это было награблено и все это всѣмъ надоѣло, все пріѣлось. Предлагались громадныя деньги въ награду, не придумаетъ ли кто новаго удовольствія или забавы. Обидно было за людей, что къ ихъ услугамъ были всѣ богатства міра, весь человѣческій умъ, вся наука, поэзія и искусство, а они жили только для утробы.

„Перейдемъ ли изъ дома на улицу, въ общественную жизнь — та же грубость и пустота. Вотъ знаменитый римскій театръ. Восемьдесятъ тысячъ зрителей съ утра наполняютъ его, на аренѣ грызутся голодные звѣри — львы, тигры, слоны, носороги. Вой, стонъ и ревъ. Все залито кровью. Народъ требуетъ гладіаторовъ. Выходятъ гладіаторы—особые бойцы, обученные для боя въ театрѣ. Начинается борьба людей и звѣрей. Убитыхъ убираютъ. Выходятъ новые

бойцы. Одинъ, съ трезубцемъ, хочетъ пронзить, другой издали ловитъ его арканомъ. Другіе сражаются съ завязанными глазами, норовятъ поразить другъ друга по слуху. Тамъ вышла шеренга на шеренгу; здѣсь сражаются на колесницахъ. Кровь льется рѣкою, слышатся стоны, злобные крики, а толпа реветъ отъ восторга. Идутъ споры, кто одолѣетъ кого.

„Такъ жила знать, лучшіе люди. Народныя же толпы томились въ невѣжествѣ, рабствѣ и нищетѣ. Объ нихъ никто не думалъ; ихъ не считали даже за людей. Однажды всѣ бойцы были перебиты, а звѣри еще оставались на аренѣ. Тогда императоръ послалъ воиновъ въ ряды зрителей, и оттуда похватали десятка два, кого попало, и побросали ихъ звѣрямъ. Другой разъ въ циркѣ должна была бѣжать любимая лошадь государя. Народъ съ вечера толпами тѣснился у цирка, близъ императорскихъ конюшенъ. Императоръ, боясь, чтобы шумъ толпы не потревожилъ покой его любимаго коня, велѣлъ побросать въ толпу сотни припасенныхъ ядовитыхъ змѣй. Такъ поступали съ свободнымъ народомъ. Какъ же жилось рабамъ? Къ нимъ ни законъ ни люди не знали жалости. За малѣйшую провинность несчастныхъ били желѣзными цѣпями, терзали острыми крючьями, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ. Больного или увѣчнаго раба, какъ безполезное животное, выбрасывали на острова Тибра, гдѣ онъ и умиралъ безъ малѣйшаго призрѣнія.

Пытка употреблялась при самыхъ маловажныхъ слѣдствіяхъ, и смерть на крестѣ была самой обыкновенной казнію“.

Ужасное было время, ужасные люди, ужасные нравы! Одни утопали въ роскоши, другіе жили скотами. И вотъ въ этотъ міръ безысходныхъ страданій однихъ и невыносимой тоски и пресыщенія другихъ вдругъ несется слово любви и братства. Милліонамъ забитыхъ, задавленныхъ, униженныхъ говорятъ, что и они люди, что и о нихъ печется общій Отецъ, что Спаситель и имъ принесъ спасеніе. Да, за это ученіе они пойдутъ и на муки и на смерть; и они шли, шли спокойно, съ радостью во взорѣ, со словами любви, мира и прощенія на устахъ.

Выросшіе въ христіанскихъ понятіяхъ, съ дѣтства привыкшіе къ великимъ словамъ Христова благовѣстія, мы не понимаемъ часто, какъ дорога людямъ та или другая евангельская мысль. Человѣкъ, выросшій въ довольствѣ, не понимаетъ, какую цѣнность имѣетъ для бѣдняка гривна или пятакъ.

„Блаженны нищіе духомъ, блаженны кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ, блаженны гонимые за правду“... Все это были лучи яркаго свѣта въ непроглядную тьму. Люди увидѣли, что предъ ними открывается новая жизнь; что, пойди они за Христомъ, у нихъ будетъ не звѣриное царство, а царство Божіе на землѣ. Евангеліе несло людямъ свободу, свободу отъ зла; несло и нужную для этой свободы новую

силу духа. „Если имѣете вѣру и не сомнѣваетесь, скажите горѣ этой пусть сдвинется и ввержется въ море,—и будетъ по слову вашему, если не усомнитесь“.

Теперь послѣдній рабъ предъ Богомъ можетъ стать выше кесаря, властелина Рима. Высшую силу человѣку даетъ не власть, не знаніе, не богатство, не знатность рода, а вѣра въ Бога и въ Божію правду. Ради этой силы, ради правды Божіей, люди готовы были оставить все. Они были, какъ купецъ, который ищетъ рѣдкой жемчужины и когда ее находитъ, идетъ продаетъ все и покупаетъ ее. Для нихъ теряли силу даже узы кровнаго родства.

Козьма Мининъ, призывая въ Нижнемъ Новгородѣ народъ къ освобожденію Москвы отъ непріятеля, говорилъ: „Если надо, заложимъ женъ и дѣтей“. Для христіанина дороже всякой родины должно быть прежде всего Царство Божіе. Поэтому Спаситель и говорилъ, что тотъ недостоинъ Его, кто любитъ болѣе Его — отца, мать, дочь или сына.

Такимъ образомъ, всѣ самыя великія и святыя слова и мысли въ мірѣ, что истинная цѣнность человѣка зависитъ прежде всего отъ достоинства души, что дороже и выше всего на землѣ правда Божія и что этой правдѣ надо жертвовать всѣмъ, — все это принесено людямъ христіанствомъ. И если люди послѣ тысячи девятисотъ лѣтъ проповѣди такого чистаго святого ученія на землѣ все еще грубы нравственно, то, дѣй-

ствительно, каковы же были бы они, если бы не существовало Евангелія?

Подъ гору катиться легко, въ пропасть можно слетѣть въ одну-двѣ секунды, а чтобы взобраться снизу на вершину, для этого могутъ потребоваться долгіе часы и даже дни. Люди до времени Христа Спасителя скатились въ очень глубокую пропасть, — Евангеліе привело ихъ въ чувство, указало имъ, какъ подыматься вверхъ, и люди движутся, насколько имъ позволяютъ силы. Чѣмъ выше подымаются они, тѣмъ чище воздухъ, тѣмъ легче дышится, тѣмъ больше прибываютъ силы.

Мы застали человѣчество уже на дорогѣ. Давно оно двинулось въ путь; но, къ сожалѣнію, недалеко еще ушло.

Медленно, стало-быть, идетъ; часто бываютъ остановки: нѣтъ добрыхъ вожаковъ, рѣдко слышится воодушевленное слово: „Впередъ! Впередъ!“ Надо подбодрить. Если хотимъ, чтобы люди шли быстрѣе и бодрѣе, станемъ впереди, увлечемъ ихъ за собою.

Не угашайте духа! Пусть гора зла еще велика! „Имѣйте вѣру Божію. Ибо истинно говорю вамъ, — обѣщаетъ Спаситель, — если кто скажетъ горѣ сей: поднимись и ввергнись въ море, и не усомнится въ сердцѣ своемъ, но повѣритъ, что сбудется по словамъ его, — будетъ ему“ (Марк. XI, 23).

Передъ судомъ совѣсти.

Далеко за полночь въ большомъ городѣ произошло смятеніе. Какіе-то люди съ дикимъ крикомъ бѣжали по улицамъ:

— Горе! Горе! Конецъ всему! Не будетъ никому пощады!

Крики проникли въ свѣтлыя залы, гдѣ плясала молодежь, — въ больничныя палаты, гдѣ слышались стоны и бредъ,—въ углы подваловъ, гдѣ ютилась бѣднота. Ударили въ набатъ. Люди въ тревогѣ выбѣгали изъ домовъ, сливались съ толпой и, охваченные непонятнымъ всеобщимъ страхомъ, бѣжали на площадь, озаренную мрачнымъ, зловѣщимъ заревомъ. А тамъ, на площади, уже заполненной народомъ, на возвышеніи стояли какіе-то невѣдомые люди въ черной одеждѣ и каждый держалъ въ правой рукѣ горящій факелъ. Передъ ними на томъ же возвышеніи стояла женщина. Видъ ея былъ величавъ, но въ ея чистыхъ и свѣтлыхъ очахъ, на ея кроткомъ лицѣ видѣлось столько мучительной тоски, столько душевныхъ страданій, что сердце сжималось до боли при одномъ взглядѣ на нее.

Народъ заполнилъ площадь. Говоръ и шумъ затихли. Всѣ смотрѣли на женщину и на юно-

шей въ черномъ — за нею, а женщина, заломивши надъ головою руки, заговорила быстрымъ, слышнымъ въ самомъ отдаленномъ углу площади, шопотомъ:

— Люди, я — совѣсть ваша; устала я, изстрадалась, изболѣлась вся. Вся я, какъ рана болящая. О, если бы я, подобно вамъ, могла усыпить себя опьянѣніемъ, заглушить сутолокой жизни, обольстить ложью. Но нѣтъ: я — совѣсть ваша; я не могу отвратить взора отъ зеркала истины, въ которомъ вижу отраженную ложь вашихъ сердецъ; не могу я больше выносить и всей неправды вашей, безчеловѣчной злобы, скотскаго распутства. Хочу я навсегда покончить съ собой и съ вами. Видите ли вы за мною юношей съ факелами въ рукахъ? Эти факелы — послѣднее изобрѣтеніе вашего ума. Въ нихъ таится страшная губительная сила, передъ которой ничто — огонь, чума, землетрясеніе. Когда будетъ брошенъ на землю хоть одинъ факелъ, раздастся нестерпимо-оглушительный ударъ, и вслѣдъ за ударомъ всѣ силы, скованныя въ землѣ, въ водѣ, въ воздухѣ, освободятся и ринутся въ борьбу одна съ другою. Воздухъ закружится огненнымъ вихремъ, рѣки и моря испарятся, и шаръ земли разлетится въ осколки. Исчезнетъ весь нечестивый человѣческій родъ, и моя скорбь, мои мученія при видѣ вашихъ беззаконій и непотребствъ прекратятся.

Услышавъ эти слова, толпа завопила:

— Сжалься! помилуй! пощади! мы жить хотимъ!

Совѣсть сказала:

— Пощади!.. Сжалься!.. Жить хотимъ!.. О, люди! Безразсудныя дѣти, влюбленныя въ игрушку, которую сами испортили. Изломали жизнь, отравили ее злобой, осквернили неправдой и еще кричите: „мы жить хотимъ!" Развѣ такъ живутъ?.. Вы молите меня о пощадѣ, какъ будто я мстить хочу вамъ за свою обиду. Я мучаюсь не злобой, а любовью, состраданіемъ къ вамъ; я страдаю отъ стыда за ваши дѣла. Когда умираетъ усталый день, вы въ объятіяхъ сна или въ чаду страстей забываете позоръ своей жизни, а я въ тиши ночи одна переживаю весь ужасъ поруганной правды, униженной любви и опозоренной чистоты. Нѣтъ, не судиться я съ вами пришла, не мстить, а дать вамъ выходъ, избавленіе отъ ярма жизни; я смертью хочу вырвать васъ изъ когтей безстыдства, позора и горя. Если можете, выступайте на защиту жизни; докажите, что жизнь имѣетъ цѣну, что въ ней есть нѣчто высокое, святое, ради чего стоитъ и жить и страдать. Убѣдите меня, что ваша жизнь не оскорбленіе, не оскверненіе земли, что вы имѣете право жить, заслужили его, и я велю потушить зловѣщіе огни.

Смутная надежда одушевила толпу; поднялся громкій, озабоченный говоръ. Люди тревожно спрашивали другъ друга, не знаетъ ли кто,

что есть святого и высокаго въ жизни; но никто изъ стоявшихъ на площади и на улицахъ не зналъ этого. Тутъ были правители, воины, купцы, музыканты, богатые люди, и всѣ съ ужасомъ сознавались, что они не думали, есть или нѣтъ что святое въ мірѣ, они всѣ рѣчи о высокомъ считали пустыми бреднями и смѣялись надъ тѣми, кто выше богатства и славы считалъ поиски общаго блага.

Теперь всѣ волновались и шумѣли, умоляя совѣсть подождать.

— Погоди немного! Найдется... Навѣрное, найдется кто-нибудь, кто скажетъ тебѣ, ради чего стоитъ жить.

Въ это время изъ толпы стремительно выбѣжала молодая женщина, высокая, стройная, ослѣпительно прекрасная. Ея шея и грудь бѣлѣли сквозь легкое, прозрачное платье. Въ немъ она часъ тому назадъ царила среди шумнаго пира. Простирая впередъ полныя обнаженныя руки, она звучнымъ и дрожащимъ голосомъ воскликнула:

— Тушите факелы! Отчего ваши лица угрюмы и взоры не ласковы? Идите къ намъ, я научу васъ улыбаться. Въ молодости, въ красотѣ, въ утѣхахъ любви, въ шумномъ весельѣ пира— столько радости! Я жить хочу... Развѣ не стоитъ жить? Идите насладиться жизнью!

Совѣсть грустнымъ взоромъ смотрѣла на красавицу и говорила:

— Прекрасный мотылекъ, веселое дитя! Если бы я могла опьянить себя, какъ ты, восторгами любви и утѣхи буйной юности считать высшей отрадою жизни! Но я знаю, что хмель веселья, чадъ любви проходятъ, какъ и хмель вина, оставляя за собою тяжкое похмелье. Смотрю я на тебя, любуюсь и думаю: „символомъ какой святыни служитъ твоя красота?“ Отчего твои ласки жгутъ, какъ жгучій зной пустыни? Отчего онѣ туманятъ разумъ, разслабляютъ волю, заглушаютъ голосъ долга? Отчего истинно вѣрующіе и кроткіе, чистые сердцемъ, всегда проклинали твою красоту, какъ зло и соблазнъ? Отчего въ годины подъема духа люди не думаютъ, забываютъ о тебѣ и только во времена всеобщаго отупѣнія, забвенія высокаго и святого на землѣ преклоняются передъ тобою, чтутъ тебя, какъ божество, и жертвуютъ для тебя всею жизнью?

„Въ дни тяжелыхъ испытаній родины мужья оставляютъ женъ, женихи — невѣстъ; любовь къ родинѣ отодвигаетъ любовь къ красотѣ. Во время эпидемій, опасныхъ заразныхъ болѣзней врачи также забываютъ свою привязанность къ женской красотѣ и, оставляя любимое существо, идутъ на помощь къ страждущимъ. Нерѣдки случаи, когда и люди науки ради открытія невѣдомыхъ странъ и ради изобрѣтенія средствъ отъ заразныхъ болѣзней — то въ опасныхъ путешествіяхъ, то у себя въ ученыхъ кабинетахъ и лаборато-

ріяхъ. — служеніе наукѣ ставятъ выше служенія красотѣ.

„Я не говорю уже, — продолжала совѣсть, — о той порѣ христіанскаго мученичества, когда и юноши и дѣвы всю силу любви полагали къ ногамъ распятаго за міръ Спасителя. Тогда любовь между мужчиной и женщиной не восхвалялась, какъ чувство божественное. Она была, чѣмъ и должна была быть: залогомъ рожденія, основою семьи. Но вотъ настало время, когда люди охладѣли къ государству на землѣ и къ царству въ небесахъ. Тогда, не зная чѣмъ заполнить праздныя души, люди стали поклоняться другъ другу: мужчина женщинѣ и женщина мужчинѣ; утѣхи любви признали высшею радостью въ мірѣ; но остываетъ жаръ крови, притупляется влеченіе плоти, утоляется грубое животное чувство, — и недавнее божество свергается съ престола.

„Нѣтъ, прекрасное дитя, — окончила совѣсть, — я не могу ради тебя примириться съ неправдами жизни, не могу признать твои ласки и красоту святыней міра. Ты вносишь отраву въ сердца людскія, но не зажигаешь чистаго огня; ради тебя я не затушу ни одного факела.

На смѣну молодой красавицы выступилъ знаменитый ученый, старикъ съ выпуклымъ обширнымъ лбомъ и съ выразительными глазами. Неторопливо подошелъ онъ къ подножію и сказалъ:

— Ты хочешь знать, въ чемъ высшая цѣль жизни, ради чего стоитъ трудиться, жить и страдать? Если позволишь, я скажу. Изслѣдовать свойства видимаго міра, изучать природу, снимать съ тайнъ ея покровъ за покровомъ,— вотъ величайшее счастье и, если хочешь, — высшая цѣль нашей жизни. Пока еще не все изслѣдовано, зданіе науки не увѣнчано,—во имя науки пощади жизнь, дай намъ разгадать всѣ тайны природы, овладѣть силами ея!

Совѣсть сказала старику:

— Знаю тебя, невозмутимый жрецъ науки. Съ напряженнымъ вниманіемъ я слѣдила за каждымъ твоимъ шагомъ: я просиживала ночи съ тобою въ твоихъ лабораторіяхъ, музеяхъ и кабинетахъ; я подымалась съ тобою на вершины горъ, спускалась въ нѣдра земли, томилась жаждою въ знойныхъ пустыняхъ, замерзала во льдахъ и снѣгахъ. Я благоговѣла предъ твоими открытіями, дивилась твоимъ знаніямъ и могуществу надъ силами природы. Казалось, что

Съ природой одною ты жизнью дышалъ,—
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.
Была тебѣ звѣздная книга ясна,
Съ тобой говорила морская волна.

„Я слѣпо вѣрила тебѣ, возлагала на тебя всѣ лучшія надежды; я ждала, что ты пове-

дешь человѣчество къ счастью, къ правдѣ, къ свободѣ отъ зла. И какъ же горько я обманулась въ тебѣ!

„Ты съ фонаремъ знанія обходилъ всѣ закоулки міра, освѣтилъ и млечный путь небесъ и паутину кровяныхъ сосудовъ, ты объяснилъ мнѣ и тайну дна морского и тайну нѣдръ земли; но для чего все это, какой смыслъ всей этой міровой постройки, и кто ея хозяинъ,—ты разгадать не въ силахъ. Ты подчинилъ человѣку природу, ты далъ ему власть надъ молніей, надъ паромъ, но ты не можешь указать ему, куда направить силы. Твои открытія въ рукахъ людей — огонь въ рукахъ слѣпого: онъ можетъ имъ свѣтить и грѣть, но можетъ и сжечь и себя и другихъ. Тебя не интересуетъ, что сдѣлаютъ люди съ твоимъ открытіемъ, на что его употребятъ. Ты одинаково гордишься и броней для защиты отъ ядеръ, и торпедой и миной для разрушенія брони; ты съ равнымъ усердіемъ изыскиваешь и добываешь газъ для освѣщенія жилищъ и газъ для удушенія людей на войнѣ.

„Ты говоришь: „Дай намъ все познать; пощади насъ ради науки!“

„Ради какой науки? Высшая наука — наука жизни. Ты знаешь, какъ живетъ былинка, мошка, крохотный червякъ; но знаешь ли, какъ надо жить человѣку? Пойми, если я, совѣсть ваша, буду страдать и терзаться и среди вашихъ университетовъ, музеевъ и библіотекъ,—

такъ же, какъ и среди неграмотной толпы; если человѣкъ и съ ученымъ дипломомъ въ карманѣ будетъ попрежнему хищникомъ, угнетателемъ слабыхъ, черствымъ себялюбцемъ, — какая мнѣ радость въ твоей наукѣ?

„Ты не можешь успокоить моей боли; я не могу признать твои труды высшимъ благомъ для человѣка.

„Ради свѣта твоего знанія, я не погашу моихъ факеловъ. Ты не указалъ мнѣ, ради чего стоитъ жить“.

Изъ толпы раздался новый голосъ:

— Если ты не можешь признать науку святыней нашего вѣка, то согласись, что предъ искусствомъ, предъ живописью, предъ музыкой — ты можешь преклониться. Пѣвецъ или скрипачъ, вообще музыкантъ, въ дивныхъ звукахъ выливаетъ всю свою душу. Тысячи людей внимаютъ ему съ затаеннымъ дыханіемъ, и артистъ влечетъ за собою послушную толпу въ міръ сладкихъ звуковъ и грезъ. Художникъ своимъ геніемъ оживляетъ холодный мраморъ, мертвую глину, увѣковѣчиваетъ мысль въ бронзѣ; его краски въ яркихъ живыхъ образахъ воспроизводятъ жизнь; его картины и статуи, дѣйствительно, — святыня міра; въ нихъ хранится и свѣтится искра Божія; художникъ воплотилъ въ нихъ свою душу; онъ, какъ творецъ, въ свои произведенія вдунулъ дыханіе жизни.

— Искусство! Святое искусство! — завопила толпа. — Пощади насъ во имя искусства! По-

смотри, сколько у насъ галлерей, музеевъ! Мы платимъ огромныя деньги за статуи и картины; мы прославляемъ поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ; они—наша гордость и слава! Сжалься ради искусства![1]).

— Я прошу васъ указать, что есть святое и высокое въ вашей жизни,—сказала совѣсть.— Вы называете мнѣ искусство; но святое должно освящать, высокое возвышать, какъ теплое грѣетъ и свѣтлое освѣщаетъ. Отчего же слуги искусства прежде всего сами не являютъ образца святости, не могутъ служить идеаломъ высокаго? Они въ яркихъ образахъ воспроизводятъ жизнь на картинахъ, оживляютъ мраморъ и бронзу статуй. Но какую жизнь они изображаютъ и вносятъ въ мертвую глину и камень? „Жизнь сама по себѣ стоитъ немного,—говорилъ древній мудрецъ,—цѣна ея зависитъ отъ того содержанія, какое мы вносимъ въ нее“. Я, совѣсть ваша, мучаюсь грязью, распутствомъ пустой жизни человѣка, и если искусство же эти пустоту, грязь и распутство воспроизводитъ въ своихъ произведеніяхъ, почему я должна признать его высокимъ, святыней міра? Если я красоту похоти, воплощенную въ живой красавицѣ, не могла счесть священною, почему звучная пѣснь о той же похоти, картина, статуя—изображенія тѣлесной красоты—будутъ священными? Внѣшняя

---

[1]) По книгѣ Минскаго: «При свѣтѣ совѣсти».

прикраса и мишура не увеличиваютъ цѣнности внутренней пустоты. Оттого всѣ произведенія искусства, за самыми малыми исключеніями, и являются только внѣшнимъ украшеніемъ жизни, ничуть не улучшая и не возвышая ея. Сколько тысячъ полотенъ украшаютъ ваши музеи и галлереи, и какъ мало жизнь посѣтителей украшается правдой и добромъ! Нѣтъ, я не могу задуть факелы. Искусство дорого стоитъ людямъ, но оно не имѣетъ высокой цѣнности святыни міра. Все это самообманъ, наружная прикраса внутренней бѣдности, духовнаго убожества людей. Пора сорвать личину: нѣтъ силъ далѣе терпѣть лицемѣріе и ложь.

„Бросайте факелы, — обратилась совѣсть къ своимъ спутникамъ. — Пусть смерть разсѣчетъ узелъ, запутанный вѣковой неправдой!"

Юноши подняли факелы надъ головами. Зловѣщіе огни, вспыхнувъ, озарили лица, охваченныя смертельнымъ ужасомъ и тоской отчаянія. Толпа замерла. Ждали конца. Вдругъ изъ послѣднихъ рядовъ послышался голосъ:

— Постой! Погубить легко. Подумай лучше, нельзя ли погибшихъ оживить?

То говорилъ невѣдомый никому пришлецъ. Изможденное лицо, глубокія морщины на челѣ, свѣтлый, глубокій, вдумчивый взглядъ свидѣтельствовали о суровыхъ подвигахъ поста и молитвы, о долгой внутренней работѣ, о напряженныхъ думахъ, о мирѣ и чистотѣ души.

Толпа раздвинулась, открыла ему дорогу къ возвышенію. Многіе, воспрянувъ, кричали ему:

— Говори! Говори! Убѣди ее; скажи, что есть высокое въ мірѣ, что жизнь лучше смерти.

Пришедшій выступилъ впередъ и сказалъ:

— Я только что изъ пустыни, гдѣ въ уединеніи провелъ много лѣтъ. Я, какъ и ты, долго болѣлъ душою, глядя на людскія неправды и зло. Слезы обиженныхъ падали мнѣ на сердце расплавленнымъ свинцомъ, буйный разгулъ отупѣлой толпы отравлялъ мою душу; я задыхался среди всеобщей лжи, предательства и раболѣпства; силъ не хватало долѣе терпѣть.

„Я проклялъ зло, бѣжалъ въ пустыню; но я не проклиналъ людей и жизни, я не забылъ о мірѣ. Я долгіе годы провелъ въ одиночествѣ за Великою Книгою жизни, за словомъ Спасителя, и думаю, что въ мірѣ есть великое, что въ жизни можетъ быть святое. Ты осудила тутъ, передъ своимъ судомъ, и красоту съ ея утѣхами, и гордую науку, и славу человѣка— искусство; судъ твой справедливъ. *Такія, какъ есть,* они не могутъ быть спасеньемъ міру: красота несетъ грубую утѣху, наука служитъ пользѣ, искусство мишурою прикрываетъ нищету души. Въ этихъ сосудахъ напитокъ не высокой пробы. Поэтому, если хочешь блага людямъ, то не разрушай жизни, не разбивай и не презирай ея лучшихъ сосудовъ; ты въ нихъ

только обнови напитокъ. Какъ Христосъ Спаситель на бракѣ въ Канѣ превратилъ воду въ вино, такъ-то тою же Христовой силой претвори сущность теперешней красоты, науки и искусства. Теперь красота тѣла говоритъ и понятна только тѣлу; она, какъ масло на огонь, будитъ и раздуваетъ грубыя страсти человѣка. Озари ее красотою духа, и свѣтлые лучистые глаза прекраснаго лица станутъ будить не похоть, а заглохшія лучшія чувства души.

„Наука изучаетъ природу и подчиняетъ людямъ силы ея; она составляетъ гордость человѣка и вѣщаетъ славу его. Ты направь ее по другому пути. Библейскій поэтъ говорилъ: „Небеса повѣдаютъ славу Бога“. Пусть наука пояснитъ людямъ это величіе Божіей славы; пусть она раскроетъ людямъ со всею очевидностью разумность мірозданія, поразитъ нашъ умъ дивной гармоніей вселенной, внушитъ намъ благоговѣйное преклоненіе предъ Верховнымъ и Вѣчнымъ Бытіемъ. Пусть она покажетъ человѣку величіе Вѣчнаго; тогда она пробудитъ чувство высокаго въ человѣкѣ, тогда она и сама будетъ нѣчто высокое на землѣ.

„Искусство отражаетъ жизнь, но если жизнь плоха, стоитъ ли отражать ее? Есть ли смыслъ воспроизводить ее и въ краскахъ, и въ мраморѣ, и въ бронзѣ? Художникъ, отмѣченный печатью свыше, долженъ подымать насъ выше, возвышать нашъ духъ, облагораживать сердца. Его задача изображать намъ жизнь *не такъ, какъ*

есть она, а такъ, какъ она должна быть. Ему доступны недосягаемыя для насъ вершины духа; пусть онъ прочувствуетъ, пойметъ — и намъ перескажетъ въ звучныхъ стихахъ, въ яркихъ картинахъ и живыхъ образахъ высшую красоту жизни: красоту правды, любви и добра.

„И тогда искусство, дѣйствительно, будетъ священнымъ, художникъ будетъ міру дорогъ тѣмъ, что „чувства добрыя онъ въ людяхъ пробуждалъ“. Но, чтобы свѣтить другимъ, надо имѣть свѣтъ въ себѣ, иначе

Какъ ты будешь вожакомъ,
Коль съ дорогой не знакомъ?

„А путь истинной жизни можно узнать лишь у Того, Кто сказалъ о Себѣ: „Я—Путь, Истина и Жизнь“. На этомъ пути только и можно познать истинную цѣнность жизни. Вотъ и будемъ говорить міру о новомъ пути.

„Прежняя жизнь человѣчества истерзала тебя. Ты, измученная совѣсть людей, въ отчаяніи найти что-либо высокое и святое на землѣ, рѣшила истребить весь родъ людской. Напрасно! Вспомни распятаго людьми Сына Божія. Онъ въ саду Геѳсиманскомъ терпѣлъ сильнѣе, чѣмъ ты, муку и, однако, на Голгоѳѣ не клялъ людей, а молился за нихъ Отцу.

„Высокое и святое есть на землѣ, это—правда и любовь Христа. И ты, совѣсть, затуши свои страшные факелы и зажги на мѣсто ихъ евангельскій свѣточъ; сойди съ нимъ съ возвышенія

и иди въ толпу этихъ обезумѣвшихъ людей; безъ злобы, безъ упрека, затаивъ свои сердечныя муки, освѣщай имъ самые темные закоулки души каждаго. Будутъ гнать въ одномъ мѣстѣ, иди въ другое. Повѣрь, ты не будешь вѣчно безпріютной“.

Отшельникъ смолкнулъ. На востокѣ заалѣлся край неба. Начинался разсвѣтъ. Вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, послѣ словъ пришельца просвѣтлѣло и скорбное лицо совѣсти. Она затушила страшные факелы юношей, зажгла лампаду съ чистымъ елеемъ, сошла съ возвышенія и тотчасъ затерялась въ толпѣ.

. . . .

Читатель, если порою услышишь хотя слабый стукъ или голосъ у порога сердца, не оставайся глухимъ: то міровая страдалица — совѣсть людская — проситъ пріюта; раскрой ей душу, прими хоть на время Божьяго гостя!

Необъятный Божій храмъ.

Въ различныхъ странахъ руками благочестивыхъ людей во имя Творца и Владыки міра построено множество разнообразныхъ храмовъ. Одни храмы поражаютъ своимъ громаднымъ размѣромъ: въ нихъ свободно входятъ десятки тысячъ богомольцевъ; другіе чаруютъ изяществомъ и блескомъ внѣшней отдѣлки: стройныя башенки, тонкія, какъ кружева, лѣпныя украшенія, легкія разноцвѣтныя колонны надолго привлекаютъ взоры прохожихъ; третьи своимъ внутреннимъ видомъ навѣваютъ на молящихся благочестивыя думы, будятъ въ ихъ сердцѣ религіозное чувство: высоко надъ головою уходящіе въ небо своды храма отрываютъ мысль богомольца отъ земли и уносятъ въ иной, высшій небесный міръ. Усердіе строителей, ихъ благочестіе, ихъ архитектурный талантъ помогли имъ создать изъ грубаго камня сотни дѣйствительно замѣчательныхъ зданій, достойныхъ быть домомъ молитвъ людей ихъ небесному Отцу. Но какъ бы еще ни улучшалось ни развивалось строительное дѣло,

какіе бы новые планы не придумывали архитектора, — имъ и въ мысль не придетъ создать что-нибудь подобное тому храму, какой воздвигнулъ Себѣ Самъ Господь. Храмъ этотъ— весь необъятный Божій міръ. Здѣсь вмѣсто купола — прозрачный сводъ небесъ; высокія горы служатъ престоломъ; моря и океаны — купелью и чашей; дождевыя тучи — кропиломъ; солнце, луна и звѣзды замѣняютъ лампады и свѣчи; вмѣсто волнъ ѳиміама, земля со всѣхъ своихъ концовъ кадитъ дыханіемъ подъ росою благоухающихъ цвѣтовъ. Въ этомъ храмѣ все живущее должно славить Творца; вся жизнь твореній должна быть однимъ сплошнымъ *богослуженіемъ*: все, созданное Богомъ, должно *служить Богу*, исполнять Его волю, жить по тѣмъ законамъ, какіе далъ Господь. Разнымъ твореніямъ Своимъ Богъ далъ разные законы: солнцу для его движенія—свои законы, былинкѣ и червяку — свои; но у всѣхъ есть одна общая заповѣдь, высшее правило — каждому творенію существовать неизмѣнно по указаннымъ ему законамъ. Нарушеніе этихъ законовъ есть нарушеніе общаго торжества мірового богослуженія, грубое безчинство въ необъятномъ Божіемъ храмѣ.

Всѣ понимаютъ, что, присутствуя въ храмѣ при богослуженіи, необходимо соблюдать благоговѣйный порядокъ, что было бы вопіющимъ оскорбленіемъ святости мѣста, если бы кто сталъ вдругъ безъ нужды бить стекла въ ок-

нахъ храма, тушить свѣчи и лампады, срывать со стѣнъ иконы, зажимать ротъ чтецамъ и пѣвцамъ. Необходимо, чтобы поняли всѣ, что такимъ же, если еще не болѣе тяжкимъ, преступленіемъ является и безчинство въ необъятномъ Божіемъ храмѣ, въ окружающихъ насъ поляхъ, лѣсахъ и огородахъ. Необходимо разъяснять, что уничтожить безъ нужды жизнь ничтожной букашки, крохотнаго червячка, раздавить какого-нибудь свѣтляка, это еще преступнѣе, чѣмъ разбить окно въ храмѣ, самочинно за богослуженіемъ задуть свѣчу, затушить лампаду. Въ лампадѣ вы задуваете огонь свѣтильни и масла, зажженный церковнымъ служкой, а въ раздавленной зря букашкѣ вы задуваете огонь жизни, зажженный Создателемъ.

Господь создалъ міръ, заселилъ его безчисленными твореніями, чтобы все множилось, радовалось и прославляло Творца, а человѣкъ врывается въ этотъ необъятный Божій храмъ съ злымъ сердцемъ: для забавы разоряетъ гнѣзда, ломаетъ деревья, рветъ цвѣты, проливаетъ кровь слабыхъ, часто совсѣмъ беззащитныхъ существъ. Обезобразитъ человѣкъ Божій міръ вокругъ себя и потомъ горюетъ самъ, плачется на судьбу. Сколько есть на свѣтѣ мѣстъ, гдѣ нѣкогда жизнь била ключомъ: шумѣли лѣса и рощи, въ садахъ деревья ломились подъ плодами, воздухъ оглашался пѣніемъ тысячъ пернатыхъ, а теперь на сотни верстъ мертвая

пустыня, сыпучіе пески,—ни дерева, ни травки, ни птицы, ни червяка. Человѣкъ все оголилъ, людская злоба садъ превращаетъ въ пустыню. Въ видѣ маленькаго примѣра, приведемъ нѣсколько строкъ изъ милаго стихотворенія Некрасова: „Соловьи". Мать-крестьянка разсказываетъ дѣтямъ, какъ у нихъ въ рощѣ за селомъ совсѣмъ было перевелися соловьи:

«Вѣдь нашъ-то курскій соловей
Въ цѣнѣ,—тутъ много ихъ ловили,
Ну, испугалися сѣтей,
Да мимо насъ и прокатили!

Пришла,—разсказывалъ вашъ дѣдъ,—
Весна, а роща какъ нѣмая
Стоитъ: гостей залетныхъ нѣтъ!
Взяла крестьянъ тоска большая,

И положили межъ собой—
Умѣлъ же Богъ на умъ наставить—
На той полянѣ, въ рощѣ той
Сѣтей, силковъ вовѣкъ не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли къ рощѣ нашей,
И нынче, милые мои,
Имъ мѣста нѣтъ любѣй и краше!

Туда съ сѣтями сколько лѣтъ
Никто и близко не подходитъ,
И строго-настрого запретъ
Отъ дѣда къ внуку переходитъ.

Зато весной весь лѣсъ гремитъ!
Что день, то новый хоръ прибудетъ...
Подъ пѣсни ихъ деревня спитъ,
Ихъ пѣсня насъ поутру будитъ...

Запомнить надобно и вамъ:
Избави Богъ тутъ ставить сѣти!
Вѣдь надо жъ бѣднымъ соловьямъ
Дать гдѣ-нибудь и отдыхъ, дѣти».

И не только соловьямъ, а и всѣмъ птицамъ, каждой букашкѣ, червяку, жуку, кустику, цвѣтку. Пусть всякое дыханіе хвалитъ Господа, всякое твореніе Божіе по-своему прославляетъ Творца. Надо въ людяхъ пробуждать любовь ко всему Божіему міру, бережное уваженіе къ каждому отдѣльному предмету вокругъ насъ. Вѣдь если бы насъ пустили въ царскій дворецъ, дозволили бы намъ свободно ходить по царскимъ палатамъ, — смотрите, какъ бережно бы мы обращались тамъ со всякою мелочью. А въ Божіемъ дворцѣ, на созданной Богомъ землѣ мы безчинствуемъ во-всю: зря вырубаемъ лѣса, губимъ безъ-толку рыбу въ рѣкахъ, истребляемъ безъ милосердія всякую живность, ломаемъ гнѣзда, мучаемъ скотъ. Съ дѣтства ребенокъ пріучается рушить, ломать, мучить слабыя, беззащитныя существа; съ годами все болѣе грубѣетъ, и потомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ, выросши, становится злодѣемъ, кулакомъ-міроѣдомъ, кровопійцей съ людьми. Въ полѣ по осени вызрѣваетъ то, что

тамъ посѣяно весною. То же и въ людяхъ: по дѣтству можно судить о дальнѣйшей жизни. Надо дѣтей съ ранняго возраста пріучать къ любовному, бережному отношенію ко всякому Божіему творенію. Послѣдніе годы въ разныхъ концахъ Россіи начинаютъ понемногу образовываться дѣтскіе кружки, союзы, братства для защиты, охраненія порядка въ великомъ Божіемъ храмѣ. Добрые, разумные люди, большею частью священники, учителя, учительницы, собираютъ сельскую или городскую дѣтвору; по душѣ бесѣдуютъ съ ними, разъясняютъ необходимость любви къ самой послѣдней букашкѣ, и дѣти горячо отзываются на сердечныя рѣчи добрыхъ людей; малыши заключаютъ между собою союзъ, что они никогда не будутъ разорять гнѣздъ, ловить силками птицъ, ни причинять страданій ни одному живому существу въ полѣ или въ лѣсу. Такіе союзы совсѣмъ не забава, не пустое дѣло, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Во всемъ есть свой порядокъ. Безъ азовъ, безъ азбуки — не научишься бойко читать и писать. Есть своя азбука, свои азы и въ любви. Дѣти живутъ сердцемъ. Дайте дѣтскому сердцу добрую пищу. Людей въ дѣтствѣ они мало знаютъ; съ людьми имъ пока приходится мало имѣть дѣла, они больше живутъ среди природы; ихъ занимаютъ рѣчки, поля и лѣса. Научите ихъ любить разумно весь Божій міръ, любить пеструю бабочку, и красивую птичку, и безобразнаго

червяка; съ годами они научатся тогда любить и окружающихъ ихъ людей. Если ребенокъ воспитается такъ, что ему жаль будетъ и муху обидѣть, развѣ онъ сможетъ когда-нибудь обидѣть ближняго, своего брата, подобнаго себѣ человѣка?

Помните, Господь создалъ великій дивный храмъ, а благоговѣйность богослуженія въ немъ зависитъ отъ людей.

Борьба съ песками.

Данія — родина нашей вдовствующей Императрицы Маріи Θеодоровны — лежитъ на берегу моря. Прибрежная полоса ея лѣтъ тридцать тому назадъ почти сплошь была занесена песками. Это была пустыня, царство морского вѣтра, вереска и песка. Теперь картина измѣнилась. Гдѣ были сплошные голые пески, — на сотни верстъ тянутся прекрасные лѣса; между ними тамъ и сямъ весело выглядываютъ поселки, мимо которыхъ съ грохотомъ проносятся поѣзда. Всѣмъ этимъ Данія обязана энергіи и знанію инженера Энрико Дальгаса. Энрико Дальгасъ по дѣламъ службы изъѣздилъ все датское побережье, хорошо изучилъ его и проникся уваженіемъ и состраданіемъ къ населенію рѣдкихъ прибрежныхъ селеній, которое, закаленное суровой нуждой, упорно трудилось, несмотря на всѣ невзгоды. Дальгасу захотѣлось помочь бѣднякамъ, оживить страну. Онъ изучилъ составъ песковъ; сообразилъ, какія деревья могутъ расти тутъ, какъ оросить песчаный край, — и сталъ писать объ этомъ статью за статьей. Его умное, живое слово

подѣйствовало. Составилось въ 1866 году „Общество обработки безплодныхъ датскихъ равнинъ“. Пріобрѣли громадную площадь песковъ и засадили ее горной елью. Раньше садили сосну: она не выдерживала, ее глушилъ верескъ. Горная же ель не боялась вереска, она сама заглушала его. Мало того, послѣ ели свободно принималась и сосна. Искусными запрудами маленькихъ рѣчекъ и ручьевъ удалось оросить пески, и тогда верескъ совсѣмъ исчезъ. Чуть только его покрывала вода, онъ пропадалъ, и на его мѣсто являлись прекрасные тучные луга, дающіе богатые запасы сѣна. Гдѣ не было рѣчекъ и ручьевъ, общество проводило каналы. За 25 лѣтъ проведено каналовъ болѣе чѣмъ на 300 верстъ, орошено десять тысячъ десятинъ, которыя раньше не имѣли никакой цѣнности, а теперь стоютъ два съ половиной милліона, по 250 руб. десятина.

За 25 лѣтъ своей дѣятельности „Общество обработки песчаныхъ равнинъ“ собрало и израсходовало болѣе 3 милліоновъ рублей; зато вся береговая, прежде пустынная, полоса, кромѣ прекрасныхъ шоссейныхъ дорогъ, испещрена рельсовыми путями такъ, что въ этой мѣстности мало поселковъ, которые бы отстояли отъ желѣзнодорожной станціи далѣе 10—15 верстъ. Здѣсь не найдется ни одного жителя, который не могъ бы получать ежедневно почту. По всему побережью попадаются жилыя строенія, усадьбы, стада, табуны, проѣзжіе и про-

хожіе люди. Пустынный, мертвый нѣкогда край ожилъ. И это все сдѣлали энергія, любовь къ родинѣ, къ общему благу одного человѣка. Энрико Дальгасъ умеръ въ 1894 г. Благодарное населеніе поставило ему памятникъ на мѣстѣ его благотворной дѣятельности, на воздѣланной имъ равнинѣ Тирслундъ, между городами Кольдмонъ и Эсбьергомъ.

Зеленые дни.

У Чехова въ его пьесѣ „Дядя Ваня“ выведенъ нѣкто Астровъ, врачъ и помѣщикъ, у котораго есть небольшое имѣньице, всего десятинъ въ тридцать, но при имѣньѣ разведенъ образцовый садъ и питомникъ деревьевъ, какого не сыщешь и за тысячу верстъ кругомъ. Астровъ весь ушелъ въ лѣсоводство, въ разведеніе лѣсовъ. Ему удивляются: не понимаютъ, какъ человѣкъ можетъ интересоваться до такой степени посадкой деревьевъ.

— Все лѣсъ и лѣсъ, — говорятъ ему.—Это очень однообразно; скучно, наконецъ.

— Напротивъ, очень интересно,—возражаетъ онъ.—Охраненіе лѣсовъ и разведеніе ихъ совсѣмъ не такое пустое дѣло, какъ кажется многимъ. У насъ лѣса рубятъ зря, безъ нужды, варварски, безпощадно. Лѣсъ, какъ умирающій богатырь, трещитъ подъ топоромъ; гибнутъ милліарды деревьевъ, опустошаются жилища звѣрей и птицъ, мелѣютъ и сохнутъ рѣки, исчезаетъ чудная красота Божьяго міра. Дичь перевелась, климатъ испорченъ, и съ каждымъ днемъ земля становится все бѣднѣе и безобразнѣе.

„Поэтому, какъ это ни покажется многимъ страннымъ, — говоритъ далѣе Астровъ, — когда я прохожу мимо крестьянскихъ лѣсовъ, которые я спасъ отъ порубки, или когда я слышу, какъ шумитъ мой молодой лѣсъ, посаженный моими руками, я сознаю, что климатъ, и красоты природы, и достатокъ края, немножко и въ моей власти, и что, если со временемъ тутъ въ округѣ людямъ будетъ легче жить, то въ этомъ немножко будетъ и моего труда. Человѣкъ одаренъ разумомъ и творческою силою, чтобы пріумножать и улучшать ему данное, а мы больше разрушаемъ, рубимъ, истребляемъ.

Подобныя рѣчи слѣдовало бы чаще и громче повторять. У насъ на Руси, дѣйствительно, уже давно идетъ хищническій грабежъ даровъ природы, особенно лѣса. Было время, когда на тысячи верстъ тянулись дремучіе вѣковые лѣса. Теперь отъ тѣхъ сказочныхъ лѣсовъ не осталось часто слѣда. А вырубили лѣса, — исчезли пушные звѣри, шкурки которыхъ когда-то служили даже вмѣсто денегъ; обмелѣли рѣки, пропала рыба; перевелись пчелы, уменьшаются лѣсные промыслы. На мѣстѣ вѣковыхъ рощъ, дремучихъ лѣсовъ, тянутся пустыри. Пустыри эти мѣстами заносятся пескомъ и превращаются прямо въ пустыню. На Дону, напр., старинную Островскую станицу пришлось переселить на новое мѣсто, вслѣдствіе занесенія песками. Недалеко отъ этой станицы яблони во фруктовыхъ садахъ занесены пескомъ до верхушки.

Такихъ случаевъ по Россіи теперь можно насчитать сотни. Въ Таврической губерніи есть уѣздъ (Днѣпровскій), гдѣ пески тянутся на 160 верстъ въ длину и на 30—35 въ ширину. Здѣсь подъ пескомъ пропадаетъ 350.000 десятинъ. Это—цѣлое маленькое государство. Если бы всю эту громадную площадь земли отвоевать отъ песковъ, не пришлось бы лишнимъ тысячамъ обезземеленныхъ крестьянъ ѣхать на Амуръ, искать счастья вдали отъ родныхъ могилъ. Маленькая Данія дала прекрасный примѣръ, что можно сдѣлать разумными мѣрами для улучшенія страны въ этомъ отношеніи. Кое-что начинаютъ дѣлать и у насъ: издаютъ законы объ охраненіи лѣса, поощряютъ искусственное разведеніе деревьевъ, но все это мало. Надо съ дѣтства внушать уваженіе къ дарамъ природы, надо научить любить природу, охранять красоту и цѣлость ея. Наши дѣти обращаются съ лѣсомъ, какъ дикари: они разоряютъ гнѣзда, убиваютъ птенчиковъ, весной выпускаютъ сокъ изъ деревьевъ, рубятъ на вѣники березки, вмѣсто того, чтобы нарубить только вѣтокъ. Тутъ много можетъ помочь школа и, вообще, добрые, разумные руководители. Въ Америкѣ при большинствѣ школъ каждую весну устраиваются такъ называемые „зеленые дни". Намѣчается для посадки мѣсто въ десятину или въ двѣ; въ назначенный день всѣ школьники съ пѣніемъ, съ флагами, празднично одѣтые приходятъ, вскапываютъ зе[illegible]

и сажаютъ по нѣскольку молодыхъ деревьевъ. Дѣти работаютъ бодро, весело; замѣчаютъ свои саженцы и потомъ берегутъ ихъ, поливаютъ, чистятъ, обкапываютъ. Такіе праздники кое-гдѣ начинаютъ устраивать и у насъ. Особенно они полезны по деревнямъ. Наши деревни горятъ и горятъ... и не могутъ не горѣть: постройки деревянныя, крыты соломой, поставлены кучно. Вспыхнуло въ одной избѣ,— выгорѣлъ весь конецъ. „Красный пѣтухъ" свободно скачетъ съ крыщи на крышу. Будь между избами рядъ-другой свѣжихъ зеленыхъ деревьевъ, они защищали бы постройки отъ искръ, разносимыхъ вѣтромъ. Надоумить деревенскую дѣтвору, пріучить ее обсаживать избы деревьями, значитъ — легко и дешево оказать крестьянству немалую услугу.

Первое дѣло школы — воспитывать дѣтей, облагораживать ихъ характеръ, пробуждать въ нихъ любовь ко всякому Божьему творенію. „Зеленые дни" — большое подспорье въ этомъ дѣлѣ. Если ребенокъ посадитъ и выраститъ хоть одно деревцо, у него у самого въ сердцѣ пробудится и окрѣпнетъ не одно доброе чувство. Отцы-законоучители, наставники, вообще— руководители школы и люди близкіе къ воспитанію юношества должны обратить серіозное вниманіе на „зеленые дни".

Такъ мы всѣ много зла дѣлаемъ на землѣ, такъ искажаемъ красоту Божьяго міра, истребляемъ и портимъ Божьи дары, что, кажется,

можемъ совсѣмъ одичать душой. Тутъ въ „зеленые дни“ представляется случай легко хоть пустякомъ отблагодарить щедрую мать-природу. Сколькимъ людямъ на краю могилы, озираясь назадъ, съ грустью приходится сознаться, что зла въ жизни они нагромоздили горы, а добраго ничего не оставляютъ по себѣ. Тутъ будетъ хоть одно деревцо, выращенное собственными руками, а если собрать всю школу, то можно вырастить цѣлую рощу... Спаситель училъ: „Кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствѣ небесномъ“ (Матѳ. 6 гл., 19 ст.).

Безплодная смоковница.

Въ Іерусалимѣ, городѣ книжниковъ и фарисеевъ, Іисусъ Христосъ не чувствовалъ Себя безопаснымъ. Днемъ среди народа, благоговѣйно внимавшаго рѣчамъ Спасителя, конечно, ни одна дерзновенная рука не смѣла коснуться Того, Кто исцѣлялъ недужныхъ и утѣшалъ скорбящихъ; но среди ночи, подъ кровомъ мрака и сонной тишины, злоба членовъ синедріона съ удобствомъ могла посягнуть на свободу и жизнь Іисуса. Поэтому, Спаситель, въ бытность Свою въ Іерусалимѣ, на ночь обыкновенно уходилъ въ Виѳанію, въ домъ Лазаря. Здѣсь, среди преданныхъ друзей, Іисусъ могъ быть спокоенъ и безопасно отдыхать отъ дневныхъ трудовъ. Такъ было и послѣ торжественнаго входа въ Іерусалимъ, передъ страданіями. Іисусъ цѣлый день пробылъ въ храмѣ, училъ народъ, исцѣлялъ больныхъ; затѣмъ, оставивъ ихъ, Онъ вышелъ вонъ изъ города въ Виѳанію и провелъ тамъ ночь. Поутру же, возвращаясь въ Іерусалимъ, Іисусъ взалкалъ, и, увидѣвъ при дорогѣ одну смоковницу, подошелъ къ ней и, ничего не нашедъ на ней, кромѣ однихъ листьевъ, говоритъ ей: „Да не будетъ же впредь отъ тебя

плода вовѣкъ". И смоковница тотчасъ засохла (Іоан. XII, 17—19).

Въ нѣкоторыхъ читателяхъ это мѣсто Евангелія вызываетъ недоумѣніе. „Зачѣмъ Спаситель такъ строго поступилъ со смоковницей? — думаютъ они.—Развѣ смоковница виновата, что на ней не было плода! Вѣдь она росла такою, какою ее уродилъ Господь. Не слишкомъ ли это излишняя суровость, переходящая въ напрасную, несправедливую жестокость,—карать такъ бездушное дерево?"

Вдумаемся внимательнѣе въ евангельскій разсказъ. Ничего напраснаго, безъ смысла, а тѣмъ болѣе чего-нибудь жестокаго, Спаситель никогда не дѣлалъ.

Въ евангельскомъ разсказѣ объ исцѣленіи слѣпорожденнаго говорится, что, когда ученики спросили про слѣпого отъ рожденія, за чьи грѣхи—свои или родительскіе —онъ страдаетъ? Іисусъ отвѣтилъ имъ: „Не согрѣшилъ ни онъ ни родители его, но *это для того, чтобы на нѣмъ явились дѣла Божіи*" (Іоан. IX, 3). Въ томъ же Евангеліи Іоанна двумя главами дальше мы читаетъ: „Сестры Лазаря послали сказать Іисусу о своемъ братѣ: Господи, тотъ, кого Ты любишь, боленъ". Іисусъ, услышавъ то, сказалъ: *Эта болѣзнь не къ смерти, но къ славѣ Божіей* (Іоан. XI, 2—4). Такъ и осужденіе смоковницы Іисусомъ не есть напрасное проявленіе суроваго гнѣва Его, а вразумительное поясненіе людямъ воли Божіей.

Въ словѣ Божіемъ мы читаемъ такія слова Самого Господа: „Се, стою у двери (сердца твоего) и стучу: если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною“ (Апокал. III, 20). Какъ безпріютный странникъ, прося пристанища, громко кричитъ: „впустите“, стучитъ клюкою въ дверь и въ окна, такъ и Господь съ Своею правдою ищетъ всячески доступа въ сердце человѣка: вѣщаетъ людямъ волю Свою, разъясняетъ благо доброй, праведной, Божіей жизни; не слушаютъ словъ, даетъ имъ знаменія. Словомъ, такъ или иначе хочетъ образумить человѣка, пробудить въ немъ совѣсть, заставить его прійти въ себя, одуматься. Такъ, крѣпко спящихъ непробуднымъ сномъ, если ихъ не разбудить крикомъ, трясутъ за руку, за голову, за плечи, стаскиваютъ съ кровати, обливаютъ, наконецъ, водой.

Убилъ царь Давидъ слугу своего Урію и взялъ жену его, Вирсавію. Довольный утѣхой своей прихоти, онъ спокоенъ въ сердцѣ, не тревожится совѣстью. Господь посылаетъ пророка Наѳана, и тотъ притчей о богачѣ, отнявшемъ у бѣдняка послѣднюю овечку, отрезвляетъ Давида. Пророкъ Іона не послушалъ призыва Божія итти съ проповѣдью покаянія къ язычникамъ въ Ниневію, сѣлъ на корабль и поѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону. Господь посылаетъ за Іоной вѣстникомъ — бурю. Свистъ вѣтра, удары волнъ и трескъ сломанныхъ мачтъ раз-

будили Іону, спавшаго на днѣ корабля, а въ немъ самомъ пробудили совѣсть, спавшую непробудно въ сердцѣ его. Вавилонскій царь Валтасаръ, упившись на пиру, не зналъ, чѣмъ пуще проявить свое пьяное озорство и повелѣлъ принести для разгульнаго кутежа священные сосуды, награбленные въ Іерусалимскомъ храмѣ. Тогда появилась въ воздухѣ рука, которая на стѣнѣ дворца, предъ глазами обезумѣвшихъ отъ пьянства царя и его гостей, написала огненными буквами грозныя слова, значившія, по объясненію пророка Даніила: „Взвѣсилъ Господь Валтасара, нашелъ легкимъ и развѣялъ его, какъ пухъ". Сразу всѣ отрезвѣли; хмель выскочилъ у всѣхъ изъ головы.

Такъ и въ указанномъ нами евангельскомъ разсказѣ Спаситель чрезъ засохшую смоковницу хочетъ вразумить не внимающихъ Его словамъ іудеевъ. Осужденная на засуху безплодная смоковница, это—образъ избраннаго Богомъ на служеніе Божьему дѣлу еврейскаго народа, который ради устроенія своихъ человѣческихъ дѣлъ забылъ дѣло Божіе.

Смоковница отъ прочихъ деревьевъ имѣетъ особое отличіе. На ней плоды появляются ранѣе листвы. Сначала созрѣютъ плоды, а затѣмъ дерево начинаетъ одѣваться листьями. Значитъ, если смоковница зеленѣетъ лиственнымъ уборомъ, на ней обязательно должны быть подъ листьями плоды. Въ такомъ расчетѣ Іисусъ и подошелъ къ смоковницѣ при дорогѣ.

Своею яркою, обильною и сочною зеленью смоковница издали выдѣлялась и бросалась въ глаза путникамъ. Тысячи прохожихъ и проѣзжихъ, спѣша по своимъ дѣламъ, любовались пышнымъ уборомъ, и думалось имъ, что вѣтви ея гнутся отъ изобилія плодовъ подъ густою листвою; но вотъ случилось Іисусу взалкать: подошелъ Онъ къ смоковницѣ, чтобы сорвать нѣсколько плодовъ, и не нашелъ ни одного. Зачѣмъ же тогда стоитъ эта смоковница? Зачѣмъ беретъ соки изъ земли, впитываетъ дождь, поглощаетъ солнечное тепло? Зачѣмъ она все это напрасно отнимаетъ отъ другихъ смоковницъ? Тѣ приносятъ пользу, даютъ плоды, — а эта безплодно губитъ Божіи дары. Пусть лучше она засохнетъ, пойдетъ на топливо, на стройку, подѣлки изъ дерева; пусть лучше, наконецъ, сгніетъ, послужитъ удобреніемъ другихъ растеній. И потому Іисусъ говоритъ ей: „Да не будетъ же впредь отъ тебя плода вовѣкъ". И смоковница тотчасъ засохла.

Стало-быть, тутъ нѣтъ напраснаго гнѣва, излишней суровости; но пойдемъ дальше и найдемъ новое вразумительное поясненіе воли Божіей. Евреи собственными руками собирали уголья себѣ на голову,—готовились убить Того, Кто пришелъ пробудить ихъ совѣсть, обратить силы ихъ тѣла и духа на Божіе дѣло. Іисусъ своимъ словомъ, какъ сказочною живою водою, пытался оживить ихъ омертвѣлую душу, призывалъ ихъ къ новой жизни, въ заповѣдяхъ и

притчахъ разъяснялъ законы Царства Божія, Себя имъ ставилъ въ примѣръ. Рѣчамъ Его не внимали, Самого Его поносили, дѣло Божіе не двигали впередъ. Устами твердили молитвы, а сердце ихъ далеко отстояло отъ Бога. Соблюдали строго посты, блюли тѣло отъ оскверненной пищи, а помыслы имѣли скоромные, дѣла непристойныя, рѣчи нечистыя. Носили широкія одежды, а душонка подъ ними была узкая, злобная, продажная за гроши. Храмъ Іерусалимскій украшали мраморомъ, золотомъ, драгоцѣнными камнями, а храмъ души былъ вертепомъ разбойниковъ, скотнымъ дворомъ, змѣинымъ гнѣздомъ. По видимости, казались людьми благочестивыми, выдавали себя за Божій народъ, а волю Божію не творили, имя истиннаго Бога среди язычниковъ не прославляли, алчущимъ правды Божіей не давали духовнаго хлѣба. Народъ былъ безплодной смоковницей. Снаружи листва пышно красовалась, а на вѣткахъ нигдѣ ни одного плода. Гордость другъ передъ другомъ, ненависть ко врагамъ, наглая корысть — таковы основныя черты еврейскаго народа. Что же будетъ дальше? Какъ впредь жизнь пойдетъ? Послѣдніе дни Іисусъ проводитъ среди евреевъ, послѣднія рѣчи имъ говоритъ, послѣдній и урокъ даетъ имъ чрезъ смоковницу. „Смотри, народъ Божій! — говоритъ Спаситель іудеямъ. — Вотъ, въ смоковницѣ, судьба твоя. Съ какою любовію насадилъ тебя Господь! Какъ Я обильно поли-

валъ тебя живою водою изъ источника вѣчной жизни! Какою любовію согрѣвалъ тебя. Дай же Богу плодъ твой. Покажи людямъ, чѣмъ должна быть жизнь человѣческая, прояви предъ міромъ красоту души. Нѣтъ?.. Не даешь?.. Такъ пусть же не будетъ впредь отъ тебя плода вовѣкъ. Что пользы говорить глухому и свѣтить слѣпому? Лучше направить слово къ другимъ". „Возьмите отъ негоднаго раба его талантъ и дайте имѣющему десять талантовъ, ибо всякому имѣющему дастся и пріумножится, а у неимѣющаго отнимется и то, что онъ имѣетъ" (Мѳ. XXV, 28—29). И засохла смоковница. Злоба засушила еврейское сердце. Сломили римляне іудейское царство. Погибъ Іерусалимъ и разрушенъ храмъ Сіона. Опала пышная листва.

Теперь, читатель, отъ евреевъ обратимся къ себѣ. Не про однихъ вѣдь евреевъ Евангеліе писано; можетъ-быть, и безплодная смоковница не они одни. Въ тринадцатой главѣ Евангелія Луки сказано, что однажды пришли нѣкоторые къ Іисусу и разсказали Ему о галилеянахъ, кровь которыхъ Пилатъ смѣшалъ съ жертвами ихъ. Іисусъ сказалъ имъ на это: „Думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, — что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ, но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете. Или думаете ли, что тѣ восемнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня Силоамская и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ жи-

вущихъ въ Іерусалимѣ? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете“ (Лук. XIII, 1—5).

Безплодною смоковницею были евреи, и они погибли. Погибли также и многіе другіе народы безъ слѣда; не сохранилось даже именъ ихъ, потому что нечѣмъ добрымъ было помянуть ихъ существованіе. Вѣчно одно Божіе дѣло — истина, добро и любовь, а погибшіе безслѣдно народы, какъ безплодная смоковница, при всѣмъ ихъ внѣшнемъ блескѣ, славѣ и могуществѣ, были бѣдны добромъ, не знали истины и о Божіей жизни не думали, сердцемъ не болѣли. Не подумаемъ, что это насъ не касается. Нѣтъ, — говоритъ слово Божіе, — всѣ такъ погибнете, если не покаетесь, не принесете добрыхъ плодовъ. Какъ погибли древніе евреи, древніе вавилоняне, персы, ассирійцы, такъ можетъ безъ слѣда погибнуть и русскій народъ, если не проявитъ въ добрѣ и правдѣ особой живительной силы, не дастъ людямъ примѣра Божьей жизни.

Іисусъ Христосъ положилъ на землѣ начало Царству Божію, основалъ башню, которая должна возвести людей на небо. Самъ Онъ легъ во главу угла главнымъ краеугольнымъ камнемъ, далъ людямъ ученіе истинной жизни и Своимъ примѣромъ показалъ, какъ это ученіе слѣдуетъ исполнять. Люди эту башню должны достраивать, людскую жизнь взводить все на бóльшую и бóльшую Божію высоту.

Чѣмъ больше будетъ въ людяхъ правды Божіей, чѣмъ чище станетъ сердце человѣка, чѣмъ сильнѣе, властнѣе сдѣлается голосъ братской любви на землѣ,—тѣмъ ближе люди станутъ къ Богу, тѣмъ скорѣе наступитъ Царство Божіе среди насъ. Отсюда обязанность каждаго отдѣльнаго человѣка порознь и цѣлаго народа вмѣстѣ въ томъ и состоитъ, чтобъ увеличивать въ мірѣ тепло любви, дѣлать, какъ можно больше добра, выяснять предъ людьми и словомъ и жизнію истину.

Въ жизни, какъ на великой всемірной постройкѣ, работа идетъ безъ-устали, безъ перерыва, день и ночь, годъ за годомъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Одна очередь людей приходитъ на смѣну другой; одни отбудутъ свой срокъ, идутъ на покой, ихъ мѣсто занимаютъ другіе. Эти смѣны — поколѣнія людей; одни живутъ, старѣютъ, умираютъ; другіе нарождаются вновь, мужаютъ, замѣняютъ сошедшихъ въ могилу.

Много ли, мало ли сдѣлано раньше, — что будетъ послѣ — не это главный вопросъ. *Наша* задача — выполнить *нашу* работу. Мы застали постройку на такомъ-то этажѣ, поставлены для кладки стѣны на извѣстной сторонѣ, — кто посрединѣ, кто близъ угла, кто и самый уголъ выводитъ, — вотъ и дѣлай свое дѣло; сколько силы и умѣнье позволяютъ, подымай стѣны Христовой башни выше, устраивай жизнь Божію на землѣ. Тотъ еще не каменщикъ, кто одѣлъ фартукъ на грудь и сталъ у творила,

тотъ еще не работникъ настоящій, кто окружилъ себя и кирпичомъ, и известью, и глиной. Настоящій работникъ тотъ, кто, не покладая рукъ, рядъ за рядомъ выводитъ стѣну выше и выше безъ-устали, безъ перерыва работаетъ, пока не придетъ другая смѣна, и его не отпустятъ на покой. Вотъ и спросимъ теперь себя: „Мы, православные русскіе люди, что сдѣлали для Царства Божія на землѣ? вывели ли новый этажъ, или хотя бы одинъ-два новыхъ ряда кирпичей на башнѣ Христовой? Планъ вѣдь для постройки указанъ самый лучшій: Евангеліе ясно и подробно говоритъ, какъ устроить жизнь, чтобъ она была вѣчною. Матеріалъ данъ также безупречный. Посмотрите на человѣческій разумъ! Когда человѣкъ чего-нибудь захочетъ, чего только онъ не добьется своимъ умомъ, какихъ машинъ диковинныхъ, снарядовъ, приспособленій не изобрѣтетъ? Вся суть лишь, а часто и бѣда, въ томъ, на что человѣкъ употребляетъ свой разумъ? Одинъ напрягаетъ всѣ силы ума, какъ бы лучше устроить тысячи несчастныхъ, пріютить сирыхъ, накормить голодныхъ, а другой дни и ночи голову ломаетъ, какъ бы больше людей по міру пустить. У обоихъ одинаковый матеріалъ—большой разумъ въ головѣ, да на разное онъ направленъ. А сердце человѣка? Какую силу даетъ оно человѣку, если человѣкъ всѣмъ сердцемъ отдается чему-нибудь. Ищетъ герой славы, — душа его жаждетъ шумныхъ похвалъ,—и онъ совершаетъ

великіе подвиги, не страшится смерти, безъ стона переноситъ жестокія муки. Скупецъ жаденъ до денегъ,—и онъ моритъ себя голодомъ, лишаетъ радостей, готовъ скорѣе умереть, чѣмъ разстаться съ казной. Великую силу даетъ человѣку его сердце. Вопросъ только,—къ чему человѣкъ сердцемъ прилежитъ, на что силу направляетъ? Разумъ и сердце — великіе дары Бога человѣку, цѣнный матеріалъ для устроенія Божіей доброй жизни на землѣ. На что мы ихъ тратимъ? Какое примѣненіе имъ даемъ? Великій Хозяинъ міра, Господь, вывелъ насъ въ жизнь, призвалъ насъ на работу, приставилъ каждаго къ своему мѣсту. Что мы сдѣлали доселѣ? Вѣдь давно уже Русь православная вышла на работы. Тысяча почти лѣтъ прошло послѣ крещенія. Далеко ли мы, русскіе православные христіане, подвинули впередъ дѣло Божіе? Многимъ ли иностраннымъ и иновѣрнымъ людямъ показали силу Христовой любви, красоту и радость Божіей жизни? Мы гордимся своею истинною православною вѣрою, считаемъ себя однихъ вполнѣ и въ чистотѣ усвоившими евангельскую правду, стало-быть, себя однихъ только признаемъ настоящими и вѣрными Божіими работниками. Что же мы въ дѣлѣ Божіемъ сработали?

Когда печь жарко натоплена, отъ нея во всѣ стороны пышетъ тепломъ, и кто бы ни подошелъ къ ней, она всѣхъ обогрѣетъ. Когда въ лампадѣ много масла, и хорошо заправленъ фи-

тиль, тогда она всю ночь горитъ и свѣтитъ въ потемкахъ. Пышетъ ли отъ васъ любовію на людей? Свѣтимъ ли мы правдою Божіею среди потемокъ людскихъ? Какъ бы хорошо на картинѣ не былъ нарисованъ костеръ, а отъ него ни тепла въ холодѣ ни свѣту во тьмѣ не будетъ. Если бы какому-нибудь грубому дикарю, не знающему благотворнаго дѣйствія огня, захотѣли пояснить это дѣйствіе, слѣдовало бы развести костеръ, и дикарь сейчасъ бы уразумѣлъ, что съ огнемъ жизнь легче и краше, чѣмъ безъ огня. Такъ и съ православною вѣрою: сила ея не въ словахъ, не въ разсказахъ о ней, а въ жизни по ней. Слова о вѣрѣ, это— листья на деревѣ, а наши дѣла, наши чувствованія, движенія нашего сердца, это — плоды. Наша собственная смоковница — наша жизнь— чѣмъ покрыта? Одними листьями, или подъ листьями есть и плоды? Не судить мы тутъ думаемъ: всѣмъ намъ одинъ Судія — Господь, а спросить хочется, какъ спутниковъ въ дорогѣ: „Туда ли мы идетъ? То ли, что надо, дѣлаемъ? Живительную сила ума и сердца — въ плоды или только въ листья гонимъ?“

Пустыя души.

За границей въ послѣдніе годы былъ совершенъ рядъ ужасныхъ, безсмысленныхъ, звѣрскихъ преступленій: тотъ или другой злодѣй, большею частью юноша, то бросалъ начиненную гвоздями разрывную бомбу въ законодательное собраніе людей, мирно обсуждавшихъ положеніе вещей въ странѣ, то кидался съ кинжаломъ на правителей и министровъ, то убивалъ жившую въ сторонѣ отъ дѣлъ австрійскую императрицу, или добраго и благороднаго итальянскаго короля.

— Сдѣлали вамъ убитые какое-нибудь зло?— спрашивали схваченнаго злодѣя.

— Нѣтъ!

— Знали вы ихъ лично? Имѣли какія-либо сношенія съ ними?

— Нѣтъ!

— За что же вы убивали? Чего вы хотѣли достигнуть?

Оказывается, убійца лично ничего не имѣлъ противъ убитыхъ, но онъ вообще былъ озлобленъ противъ всего, противъ всѣхъ существующихъ порядковъ. Онъ хотѣлъ бы все разрушить, уничтожить. У него столько накопилось

недовольства, злобы, что его сердце, какъ начиненная ненавистью граната, готово все разнести. Что будетъ потомъ, онъ не думаетъ. Онъ не понимаетъ, что улучшеніе жизни идетъ медленно, требуетъ времени, труда, самоотверженныхъ работниковъ во имя общаго блага. Ему нѣтъ дѣла, что и существующій порядокъ вещей стоилъ людямъ многихъ усилій, что наша жизнь во многомъ ушла впередъ отъ прежнихъ вѣковъ, что люди нашего времени многимъ могутъ гордиться. Онъ недоволенъ, раздраженъ и хочетъ все стереть съ лица земли, а тамъ будь—что будетъ.

У нѣмецкаго художника Шнейдера есть картина, изображающая такого обезумѣвшаго злодѣя,—анархиста, какъ они себя называютъ. На правой половинѣ картины изображена гора; въ ней устроенъ храмъ. Громадныя статуи, высѣченныя изъ цѣлыхъ гранитныхъ скалъ, подпираютъ своды входныхъ дверей. Видимо, люди вѣками созидали святыню; десятки поколѣній съ любовью клали сюда свой трудъ и искусство, и всему этому грозитъ внезапная гибель. Слѣва идетъ какой-то обнаженный человѣкъ; на немъ ни лоскутка, онъ совершенно голъ. У него на головѣ курящаяся бомба. Онъ идетъ къ вѣковой людской святынѣ, чтобы разрушить ее. Онъ не тревожится даже и тѣмъ, что самъ можетъ тутъ же погибнуть. Для него нѣтъ ничего дорогого въ жизни, ничего святого, — онъ голъ со всѣхъ сторонъ. Онъ полонъ одной

только злобой, ненавистью, раздраженіемъ противъ всего.

Такіе озвѣрѣлые безумцы могутъ внушать ужасъ, отвращеніе или сожалѣніе, но они, какъ злокачественные нарывы на тѣлѣ, показываютъ, что въ жизни, которая породила ихъ, не все благополучно. И мало карать ихъ,—надо выяснить причины, которыя создаютъ подобныхъ „оголтѣлыхъ“ людей, чтобы принять мѣры къ прекращенію возможности появленія такихъ лицъ. А „оголтѣлость“ эта растетъ и растетъ.

Недавно въ Москвѣ была убита въ господской квартирѣ, въ своей комнатѣ, старуха-кухарка. Убійцей оказался ея любимый племянникъ и крестникъ — „Николенька“, восемнадцатилѣтній парень, которымъ только и жила, и ради котораго убитая старуха берегла каждый грошъ. Съэкономитъ старуха рубль, бережно прячетъ въ сундукъ и радостно приговариваетъ:

— Вотъ еще лишній рублишко Николенькѣ достанется.

Когда „Николенька“ приходилъ къ крестной, старуха не знала, чѣмъ угостить дорогого гостя. Такъ, восемнадцатилѣтній убійца въ день преступленія былъ у старухи; она сбѣгала для него въ лавку, принесла ему вина, угощенья и на прощанье дала денегъ. Видѣлъ парень глубокую привязанность крестной къ нему, чуялъ ея всегдашнюю ласку, зналъ, что все накопленное долголѣтнимъ трудомъ добро старухи до-

станется ему, но у него нѣтъ къ ней ни любви ни благодарности; нѣтъ никакого человѣческаго чувства; у него вмѣсто души одна несытая утроба. Парню 18 лѣтъ, а онъ уже пьетъ водку, обзавелся сожительницей. Голосъ совѣсти давно уже заглохъ, а утроба урчитъ сильнѣе и сильнѣе:

— Жди, когда еще тамъ умретъ старуха! Порѣшилъ сразу и шабашъ! Все твое; бери и наслаждайся!

И вотъ парень покупаетъ громадный ножъ, выжидаетъ, когда старуха послѣ его ухода снова идетъ въ лавку, заперевъ дверь, — влѣзаетъ чрезъ форточку и окно въ кухню, прячется за постелью, ждетъ сна старухи, а потомъ всаживаетъ ей ножъ въ спину и спокойно ломаетъ сундукъ. Въ сундукѣ неудача: всего 7 руб. 50 к. Оказывается, старуха деньги хранила въ сберегательной кассѣ. Какъ это все скоро и просто сдѣлано, и какъ ужасно, именно потому, что очень ужъ просто! Пришелъ человѣкъ въ гости, выпилъ, а потомъ убилъ; словно шелъ по дорогѣ, увидалъ мураша, взялъ, раздавилъ и дальше пошелъ. Ни любви, ни совѣсти, ни жалости, — совсѣмъ пустая душа у человѣка, — и это въ 18 лѣтъ!

Недѣлею раньше, въ той же Москвѣ судился такой же 18-лѣтній убійца. Это былъ уже не простой деревенскій парень. Это былъ лѣкарскій ученикъ; онъ готовился къ званію зубного врача, имѣлъ уже кой-какое образованіе, но и

у него, какъ и у „Николеньки", кромѣ жадной утробы, не было ничего. Ни семья, ни школа, ни окружающее общество не пробудили въ его душѣ никакихъ добрыхъ чувствъ. Онъ не имѣетъ понятія о необходимости послужить другимъ, о необходимости скромной, честной, трудовой жизни. Въ немъ горитъ одна утроба. Это—молодое, жадное до грубыхъ удовольствій, дрессированное въ школѣ животное. Руководитель его, врачъ Винаверъ, ведетъ широкую, разгульную жизнь; его большой сравнительно заработокъ тратится на кутежи; увеселительные сады, женщинъ, попойки, — вотъ среди чего ученикъ видитъ постоянно своего учителя. У молодого волчонка слюнки текутъ при видѣ такой жизни: онъ видитъ полный просторъ, постоянный праздникъ для похоти и ждетъ, не дождется, скоро ли самъ станетъ много зарабатывать, чтобы можно было сказать себѣ: „ѣшь, пей, веселися; всего теперь душа достигла". О Богѣ, людяхъ, о правдѣ—нѣтъ и думы; это какія-то непонятныя слова. Оголтѣлый юнецъ слышитъ только урчаніе утробы:

— Не дается богатство само, возьми его силой. Стоитъ ли томиться за работой, когда — прикончилъ только врача-учителя, забралъ его деньги и пируй во-всю?

И лѣкарскій ученикъ съ такимъ же спокойствіемъ, какъ вырывалъ у больного зубъ, вырываетъ у своего учителя жизнь. Онъ ударяетъ его разъ-другой топоромъ по головѣ.

Тотъ падаетъ въ безпамятствѣ, обливаясь кровью, но еще дышитъ. Убійца идетъ на кухню, беретъ веревку, дѣлаетъ петлю и приканчиваетъ несчастнаго. Въ это время звонятъ съ парадной и съ черной лѣстницы. Убійца спокойно вымываетъ руки, отпираетъ дверь дворнику, впускаетъ съ парадной пріѣхавшаго къ убитому Винаверу его друга и говоритъ, что хозяинъ квартиры куда-то вышелъ. Пріѣзжій располагается въ сосѣдней съ убитымъ комнатѣ, а 18-лѣтнее чудовище хладнокровно входитъ въ комнату съ трупомъ, запираетъ ее на ключъ, переодѣвается въ платье убитаго, забираетъ его деньги и другимъ ходомъ скрывается. Его арестовали въ Петербургѣ въ одномъ изъ грязныхъ притоновъ. Дальше грязнаго разгула и сквернаго притона убійца не пошелъ. Это — главная его мечта; вся жизнь его въ этомъ. Въ немъ только и есть грубая животная похоть, одна утроба.

Онъ на всю жизнь смотритъ глазами голоднаго волка. Страшно среди такихъ подростковъ! Страшно за человѣка! Какъ это жизнь къ 18 годамъ ободрала его такъ, что на немъ не осталось ни лоскутка совѣсти ни обрывка человѣческихъ чувствъ. Совсѣмъ голый хищный звѣрь.

Почти въ одно время съ нимъ, въ Москвѣ же, судили двухъ молодыхъ дѣвушекъ за покушеніе на убійство богатой домовладѣлицы. Эти калибромъ еще выше. Онѣ получили почти что

гимназическое образованіе, служили гувернантками, мечтали о дальнѣйшемъ образованіи, готовились поступить на высшіе женскіе учебные курсы въ Москвѣ. Вы думаете, онѣ искали высшаго образованія, чтобы больше свѣта потомъ внести въ жизнь, съ бо̀льшимъ успѣхомъ воспитывать дѣтей? Нѣтъ, имъ хотѣлось путемъ образованія добиться возможности „жить", т.-е. имѣть большія деньги, наряжаться, веселиться. Имъ противна, невыносима, скромная трудовая жизнь гувернантки.

„Довольно съ меня! — пишетъ одна изъ нихъ. — Силъ нѣтъ болѣе выносить эту сѣрую постылую жизнь. Я хочу, какъ и всѣ, имѣть свою долю счастья. Я готова продаться богатому купцу, лишь бы онъ далъ мнѣ возможность „жить".

Ей все равно, что на высшіе женскіе учебные курсы, что на позоръ къ купцу. И онѣ — двѣ такихъ подруги — пытаются, къ счастью, неудачно, задушить богатую хозяйку, въ домѣ которой одна жила. Ихъ судили, признали сумасшедшими и посадили въ больницу душевно-больныхъ.

По - настоящему, эти дѣвушки совсѣмъ не сумасшедшія. Онѣ отлично понимаютъ, что онѣ дѣлаютъ, зачѣмъ дѣлаютъ и какъ дѣлаютъ; у нихъ нѣтъ только ничего святого за душой, у нихъ одна ненасытная утроба. Имъ во что бы то ни стало, хотя бы цѣною позора и убійства, хочется „счастья", „жизни", т.-е. легкаго,

дарового веселья, разгула, сытаго довольства. Какъ оспа выѣдаетъ красоту лица, такъ утроба выѣла въ нихъ всю красоту души. Несмотря на всѣ свои знанія, образованіе, дипломъ гувернантки, онѣ — оголтѣлые люди, хищные звѣри.

Такая пустота души, какъ плѣсень, какъ ржавчина, сама собой не происходитъ; она зависитъ отъ неблагопріятныхъ окружающихъ условій. Отъ рожденія, по природѣ, люди съ пустой душой не бываютъ. Въ каждомъ человѣкѣ, въ какой бы средѣ онъ ни родился, непремѣнно есть искра Божія, только эта искра, какъ и простая искра, для своего горѣнія требуетъ извѣстныхъ условій. Всякое горѣніе и всякая жизнь требуетъ прежде всего воздуха, „кислорода“, какъ говорятъ ученые люди. Въ душномъ помѣщеніи свѣчи тухнутъ, и люди падаютъ въ обморокъ, лишаются сознанія. Если же кислорода не будетъ совсѣмъ, то и горѣніе и жизнь прекращаются. Ученые люди дѣлаютъ такой опытъ: зажженную свѣчу и живого мышонка покрываютъ стекляннымъ колпакомъ съ особымъ приспособленіемъ; края колпака наглухо замазываютъ саломъ такъ, что снаружи внутрь не проникнетъ ни одна струя воздуха. Затѣмъ воздушнымъ насосомъ выкачиваютъ изъ-подъ колпака воздухъ и чѣмъ болѣе качаютъ, тѣмъ слабѣе становится пламя, мышонокъ чувствуетъ себя нехорошо, пока, наконецъ, свѣча совсѣмъ не загаснетъ, а мышонокъ не упадетъ замертво. Безъ кисло-

рода ни жизнь ни горѣніе невозможны. То же самое и съ внутреннимъ огнемъ, съ искрой Божіей въ душѣ. Если кругомъ будетъ „чистый воздухъ“, искра разгорится; если же нѣтъ, искра погаснетъ.

Отчего же въ душѣ оголтѣлыхъ полныя потемки? Оттого, что ни семья, ни школа, ни общество, среди которыхъ растутъ люди, не даютъ по большей части достаточнаго духовнаго „кислорода“. Подумайте, что видятъ и что слышатъ въ семьѣ наши дѣти съ первыхъ же дней своей сознательной жизни. Наступитъ ли праздникъ, берутъ ли ребенка съ собою въ гости, на прогулку, его всячески стараются вырядить; старшіе также, чуть только въ люди, заботятся больше всего о нарядахъ. Принимаютъ ли сами гостей, стараются все выставить напоказъ, блеснуть убранствомъ; мало-мальски скромное, простое, прячутъ, убираютъ съ глазъ. Ребенокъ безсознательно и самъ пріучается жить напоказъ; онъ стыдится скромной одежды, скромную обстановку считаетъ несчастьемъ, какимъ-то стыдомъ. Мальчику хочется часы, дѣвочка съ плачемъ требуетъ шляпку.

Всѣ мечты старшихъ и заботы сводятся къ большому достатку, къ сладкой, сытой и привольной жизни. Считаютъ счастливымъ того, кто выгодно пристроился къ доходному мѣсту; завидуютъ жениху, который женится на большомъ приданомъ, — невѣстѣ, если выходитъ за

богатаго. Рѣчей о томъ, какъ служить общему благу, что жизнь — общая тягота, которую мы всѣ посильно должны облегчать другъ другу, что въ жизни самое цѣнное — чистая душа и доброе сердце, ребенокъ никогда не слышитъ, а о живыхъ примѣрахъ трудовой самоотверженной на общую пользу жизни нечего и говорить. Самого ребенка стараются направить прежде всего по выгодной, доходной дорогѣ. Значитъ, дѣтямъ изъ жизни въ будущемъ дѣлаютъ приманку, лакомый кусокъ. И съ годами юноша, или дѣвушка, вступая въ жизнь, идутъ какъ на охоту за добычей, а не какъ на обязательную службу добру и Божіей правдѣ.

Школа начиняетъ ребенка разными знаніями, которыя могутъ помочь ему *лучше пристроиться къ жизни;* но какъ *лучше устроить жизнь*, что и какъ внести въ нее, чтобы въ ней всѣмъ людямъ жилось легче, свѣтлѣе и свободнѣй, — объ этомъ школа, какъ и семья, думаетъ мало.

Выйдетъ человѣкъ изъ школы, пріѣдетъ въ большой городъ на работу; здѣсь соблазнъ на каждомъ шагу. Громадные магазины полны роскоши, нарядовъ, дорогихъ лакомствъ и все это выставлено напоказъ за саженными зеркальными стеклами, само лѣзетъ въ глаза, манитъ, дразнитъ аппетитъ. Для бѣдняка роскошь представляется высшимъ блаженствомъ. Онъ вѣдь бѣдняга ни въ семьѣ ни

въ школѣ не слыхалъ о *настоящей* жизни, жизни не для брюха и наряда, а для торжества истины и добра на землѣ. Ему кажется, что нѣтъ больше счастья, какъ широко и свободно пользоваться всѣми этими приманками.

„Эхъ! — завистливо думаетъ горячая, толкомъ не воспитанная молодежь, — хоть бы съ краюшка пригубить этой жизни, хоть бы не надолго ея отвѣдать, а тамъ—будь, что будетъ“.

Въ человѣкѣ съ дѣтства дразнили одну утробу; она у него ширилась, ширилась и задавила все остальное. Для него утроба стала все; для него жить — значитъ исполнять всякую свою прихоть и блажь. Была у человѣка съ дѣтства искра Божія, къ 18 годамъ она заглохла; изъ души все доброе, святое давно уже вытрясено; человѣкъ совсѣмъ оголтѣлъ. Надо убить добрую старушку — крестную, „Николенька“ убьетъ; пойти на позоръ, она пойдетъ, — лишь бы пробиться къ „жизни“, взять „свою долю счастья“, т.-е. свободно тѣшить свою прихоть, успокоить раздраженную утробу.

Чтобы бороться съ такою пустотой души молодежи, нужны не каторга и сумасшедшіе дома, а кое что другое. Каторга и дома для сумасшедшихъ убираютъ уже готовыхъ оголтѣлыхъ людей, а самыхъ причинъ, которыя создаютъ новыхъ и новыхъ оголтѣлыхъ, не устраняютъ. Надо измѣнить характеръ воспитанія дѣтей, характеръ семьи и школы; но это

легко сказать, а страшно трудно сдѣлать, и главное, если и можно, то долгими годами настойчивой работы. А жизнь не ждетъ, требуетъ сейчасъ поправки. И кое-что сдѣлать, дѣйствительно, можно.

Въ тѣхъ мѣстахъ морскихъ побережій, гдѣ дно особенно опасно для кораблей изъ-за подводныхъ скалъ и сильныхъ теченій, обычно устраиваются маяки, которые даже среди густыхъ потемокъ предупреждаютъ свѣтомъ объ опасности. Такіе же маяки, источники спасительнаго свѣта, надо устроить въ большихъ городахъ. Большіе города во множествѣ привлекаютъ къ себѣ молодежь; этой молодежи они предлагаютъ пропасть всякихъ соблазновъ. Для предохраненія молодежи отъ этихъ соблазновъ необходимо принять серіозныя мѣры. Разумнымъ своевременнымъ воздѣйствіемъ можно многихъ и многихъ спасти отъ гибели.

———

Злые виноградари.

„Былъ нѣкоторый хозяинъ дома, который насадилъ виноградникъ, обнесъ его оградою, выкопалъ въ немъ точило, построилъ башню, и, отдавъ его виноградарямъ, отлучился. Когда же приблизилось время плодовъ, онъ послалъ своихъ слугъ къ виноградарямъ взять свои плоды. Виноградари схватили слугъ его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послалъ онъ другихъ слугъ больше прежняго, и съ ними поступили такъ же. Наконецъ, послалъ онъ къ нимъ своего сына, говоря: „Постыдятся сына моего". Но виноградари, увидѣвъ сына, сказали другъ другу: „Это наслѣдникъ; пойдемъ убьемъ его и завладѣемъ наслѣдствомъ его". И, схвативъ его, вывели вонъ изъ виноградника и убили.

„Когда придетъ хозяинъ виноградника, что сдѣлаетъ онъ съ этими виноградарями? Злодѣевъ сихъ предастъ злой смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои" (Мѳ. XXI, 33—41).

Такую притчу сказалъ Іисусъ Христосъ іудеямъ, указывая имъ въ немногихъ приточныхъ

словахъ всю ихъ минувшую жизнь и будущую судьбу. Какихъ только милостей не видѣлъ еврейскій народъ отъ Бога? Какъ орелъ переноситъ птенцовъ своихъ на крыльяхъ, такъ Господь переправилъ евреевъ чрезъ Чермное море, освободилъ отъ рабства и далъ имъ во владѣніе плодородный Ханаанъ. Чрезъ Моисея и другихъ пророковъ открылъ имъ свою волю; далъ истинные законы жизни; избралъ ихъ Своимъ излюбленнымъ народомъ; поручилъ имъ Свой лучшій виноградникъ и ждалъ, чтобъ они обрабатывали его и приносили Домовладыкѣ — Господу должные плоды; устрояли свою жизнь по законамъ Божіимъ, сѣяли среди людей правду, умножали на землѣ любовь, словомъ,— были примѣромъ для другихъ народовъ и святостью своей жизни прославляли святость имени Господня. Но евреи оказались злыми виноградарями: оселъ знаетъ господина своего и волъ ясли, а Израиль забылъ Господа своего. Давалъ Господь знаменія евреямъ, посылалъ имъ пророковъ; знаменіямъ не внимали, надъ пророками смѣялись, побивали ихъ камнями. Тогда милосердый Отецъ небесный посылаетъ Сына Своего. Спаситель совершаетъ дѣла необычайной милости, проявляетъ къ людямъ величайшую любовь, раскрываетъ передъ ними сокровища небесной мудрости, поучаетъ слушателей истинной, разумной, Божіей жизни, а евреи предаютъ Его позорной казни, распинаютъ, какъ злодѣя, среди разбойниковъ на

крестѣ. И отнятъ былъ отъ злыхъ виноградарей данный имъ виноградникъ; сбылось надъ ними слово Спасителя: „Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ, ибо сказываю вамъ: не увидите Меня отнынѣ, доколѣ не воскликнете: „Благословенъ грядый во имя Господне!" (Мѳ. XXIII, 38).

Таковъ смыслъ приведенной притчи по отношенію къ евреямъ, не внимавшимъ пророкамъ и не принявшимъ Спасителя; но слово евангельское имѣетъ не временное и не мѣстное только значеніе; оно относится ко всѣмъ временамъ, говоритъ всѣмъ народамъ. Іисусъ Христосъ о Своемъ словѣ Самъ замѣчаетъ всякому: „Кто жаждетъ, иди ко мнѣ и пей" (Іоан. VII, 37). Поэтому и мы, русскіе православные люди нашихъ дней, здѣсь также можемъ и должны искать себѣ урокъ. Намъ также Господь далъ свой лучшій виноградникъ, сдѣлалъ насъ виноградарями и ждетъ для дѣла Божія плода нашихъ трудовъ. Мы имѣемъ истинную православную вѣру; святое Евангеліе поучаетъ насъ правдѣ Божіей, Церковь Христова своими молитвами и таинствами очищаетъ наше сердце, укрѣпляетъ наши духовныя силы. Казалось бы, виноградникъ Божій долженъ процвѣтать, дѣло Божье на землѣ расти, правда евангельская умножаться въ людяхъ, любовь Христова озарять нашъ каждый шагъ; но на дѣлѣ весьма многое обстоитъ иначе, жизнь не даетъ желанныхъ добрыхъ плодовъ; весь строй нашей

жизни показываетъ, что мы и теперь, какъ евреи двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, злые виноградари. Посмотрите, куда направлены всѣ наши силы, нашъ умъ, знаніе, труды и заботы? Чего мы ищемъ прежде всего и больше всего? Царствія Божія и правды Его, или своей утѣхи? Вокругъ насъ милліоны язычниковъ, іудеевъ и магометанъ. Все это вѣдь тоже люди, дѣти Божіи, нива Господня: эта нива ждетъ посѣва сѣмени Христова. Какъ бы она густо зазеленѣла всходами, какой бы богатый дала урожай, если бы мы вспахали ее, взрыхлили сердце этихъ милліоновъ темныхъ братьевъ нашихъ словомъ призыва къ правдѣ Божіей, засѣяли зерномъ евангельской пшеницы! Отчего же это не дѣлается, или если дѣлается, то почти незамѣтно? Отчего это: прошло девятнадцать сотенъ лѣтъ, а язычниковъ больше, чѣмъ христіанъ, и магометанство въ своихъ успѣхахъ, въ своемъ ростѣ, превосходитъ христіанство? Отчего, наконецъ, среди насъ самихъ, православныхъ, число раскольниковъ и сектантовъ растетъ, умножаются секты, возникаютъ новые толки? Отчего все это и многое еще печальное—другое? Оттого, что мы—злые виноградари. Свѣтъ правды Божіей, любви Христовой, чистоты евангельской не свѣтится въ нашей жизни такъ, чтобы всѣ видѣли наши добрыя дѣла и прославляли Отца нашего на небесахъ: ненависти другъ къ другу, всякаго ехидства, хитрости и коварства у насъ

не меньше, чѣмъ у любого язычника. Присмотритесь къ торговлѣ; на чемъ она основана?— На обманѣ. Возьмите отношенія одного народа къ другому, различныхъ сословій другъ къ другу въ странѣ, людей разнаго положенія между собою; чѣмъ руководятся всѣ они?—Желаніемъ подчинить себѣ болѣе слабаго, заставить его работать на себя, жить за чужой счетъ. Видится ли въ жизни нашей, что мы знаемъ, слышали и помнимъ слова Спасителя: „Большій изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга“; „Между вами да не будетъ, чтобы одни господствовали надъ другими, а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою, и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ“ (Мѳ. XX, 26—27). Чѣмъ мы можемъ привлечь ко Христу язычника, если мы по своей природѣ сами язычники? Наше христіанство только наружное, словно накладное. Мебель вотъ такая бываетъ. Бываютъ вещи цѣнныя, всѣ сдѣланныя изъ чистаго дуба, орѣха и краснаго или чернаго дерева, а бываютъ только полированныя, раскрашенныя подъ дубъ, орѣхъ или черное дерево. Съ виду какъ будто и дорогое дерево, а царапнешь ногтемъ и видишь, что это простая ель или осина. То же и съ нашимъ христіанствомъ: снаружи какъ будто и христіанинъ: и въ храмъ человѣкъ ходитъ, и крестъ на себѣ носитъ, и слово евангельское порою молвитъ, а попробуй его царапнуть, какъ накладную

мебель, ногтемъ, сейчасъ увидишь истинную природу, скажется язычникъ, ненависть и злоба проявятся наружу. А наше пьянство, дикій безшабашный разгулъ въ великіе святые дни праздниковъ? Какъ приходится краснѣть, болѣть сердцемъ за русскій православный народъ предъ трезвымъ, никогда ничего не пьющимъ магометаниномъ, предъ евреемъ, строго блюдущимъ святость праздничнаго дня? И это только часть нашихъ безчинствъ въ виноградникѣ Божіемъ, въ жизни нашей. Забыли мы, *кто мы и для чего мы живемъ*; забросили ниву Божію, и поросла она густо бурьяномъ, сорною травою. Злые виноградари—мы—не даемъ Домовладыкѣ-Богу нужныхъ Ему плодовъ. Поколѣнія людей, что волны на морѣ, смѣняются новыми поколѣніями, а жизнь, по характеру, остается все та же; рождаются новые люди, заводятся новые обычаи, строятся новые города, а злоба, неправда и насильничество въ нихъ старыя, вѣковыя, безъ перемѣны. Люди изслѣдуютъ самыя отдаленныя страны, прокладываютъ дороги черезъ дремучіе лѣса и пустыни, а себя, сердца своего, темноты и дикости своей души не знаютъ, путей правды Божіей не вѣдаютъ и искать настоящее не хотятъ. Увеличиваются на землѣ люди числомъ, умножаются ихъ богатства, растутъ знанія, все новыя и новыя дѣлаются открытія и пріобрѣтенія, лишь одна правда Божія на землѣ не растетъ вровень со всѣмъ этимъ, не множится

любовь евангельская въ людяхъ, не являются новые, самоотверженные апостолы, вѣстники и носители Христова духа. И потому, — великъ міръ Божій, дивно прекрасенъ, неисчетны въ немъ блага и радости для человѣка, а жизнь людская тяжела и печальна. Виноградникъ данъ намъ дивный, на рѣдкость: все приспособлено для лучшей обработки, указаны совершеннѣйшіе способы и пріемы работы, а урожая плодовъ необходимыхъ нѣтъ. Причина тому въ насъ: мы — *злые виноградари!*

Совѣтъ мертвеца.

(Пересказъ съ французскаго).

Во дворцѣ великаго египетскаго царя Рамзеса была мертвая тишина. Придворные бродили неслышно, какъ тѣни. Государь лежалъ въ тяжелой болѣзни; часы его были сочтены. Въ день смерти онъ призвалъ своего наслѣдника Менефту и сказалъ ему:

— Сынъ мой, скоро ты вступишь на царство; тяжелое это наслѣдство. Какъ жаль, что мудрость жизни приходитъ со старостью, когда уже поздно пользоваться ею! Одно тебѣ скажу, не слѣдуй моему примѣру. Я думалъ о своей лишь славѣ, о побѣдахъ, о новыхъ завоеваніяхъ. Всего этого я достигъ, но какою цѣною? Я разорилъ сотни городовъ, опустошилъ цвѣтущія страны, загубилъ сотни тысячъ чужихъ и своихъ воиновъ, пролилъ рѣки крови и вызвалъ потоки слезъ. Меня прославляли, встрѣчали громкими кликами, но все это теперь смолкло, а стоны раненыхъ и плѣненныхъ, плачъ осиротѣлыхъ въ моихъ ушахъ слышатся сильнѣе и сильнѣе. Завоеватели — великіе безумцы! Да и не въ завоеваніяхъ сосѣднихъ

странъ истинная слава государя. У тебя будутъ несмѣтныя полчища враговъ въ собственной странѣ: народная бѣдность, болѣзни и голодъ то тамъ, то здѣсь, притѣсненіе слабыхъ, беззаконія сильныхъ. Впору управиться съ этими врагами. И ничѣмъ никогда ты такъ не прославишь свое имя, какъ если мирнымъ, мудрымъ, кроткимъ, правосуднымъ царствованіемъ осчастливишь народъ. Нѣтъ славнѣе побѣды, какъ осилить зло въ людяхъ, залить не поля враговъ ихъ кровью, а свою страну любовью и правдой. Знай, что забота царя — не его слава, а благоденствіе народа. Ты молодъ,— будь сдержанъ, не довѣряйся сладкимъ рѣчамъ похвальбы: горькое лѣкарство исцѣляетъ отъ болѣзни, а сладости губятъ здоровье. Помни, что, вступая на царство, ты идешь на службу, что теперь ты весь для народа, а не народъ для тебя. Когда же надобенъ будетъ совѣтъ, обращайся къ бывшему твоему наставнику, мудрому Гикосу. А теперь прощай! Да благословитъ тебя Небо въ день твоего вступленія на царство, а народъ да благословитъ тебя въ день твоей кончины!

Умеръ Рамзесъ. По египетскому обычаю набальзамировали его тѣло, обернули въ полотно и поставили въ гробницу въ подземномъ храмѣ. На престолъ вступилъ Менефта. Ждали шумныхъ пировъ, торжественныхъ празднествъ, щедрыхъ наградъ придворнымъ, большихъ подарковъ. Все оказалось не такъ. Юный госу-

дарь весь погрузился въ дѣла: засѣдалъ на совѣтахъ, вникалъ въ законы, объѣзжалъ области, проводилъ дороги, копалъ каналы, рылъ колодцы. Трудился цѣлыми днями самъ, заставлялъ дѣлать то же и придворныхъ. Не нравилось это многимъ.

Говорили царю:

— Государь! Ты бы отдохнулъ, развлекся. Прикажи, мы устроимъ тебѣ празднество, удивимъ міръ блескомъ.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ государь. — Когда дѣти больны, или въ печали, отецъ не можетъ веселиться. Не могу и я веселиться, пока въ народѣ еще столько неустройства.

Прошелъ годъ, другой и третій. Всюду царили миръ и правосудіе; народъ сталъ оправляться: заново обстроились деревни, расширились города, всѣ были веселы, довольны, съ любовью прославляли имя царя. Одни полководцы были угрюмы. При Рамзесѣ они были въ славѣ, въ почетѣ, на нихъ сыпались награды, они брали большую добычу. Теперь приходилось быть въ тѣни. Имъ наскучило бездѣйствіе, и вотъ однажды они явились къ Менефтѣ и стали подбивать его къ войнѣ:

— Государь! — восклицали они, — веди насъ въ битву. Отечество въ опасности; сила враговъ растетъ и растетъ. Твой великій родитель сокрушилъ мощь всѣхъ сосѣдей. За годы твоей власти силы ихъ растутъ. Поздно будетъ, когда они совсѣмъ оправятся, и сами

нападутъ на насъ. Во имя блага родины, веди насъ, государь, на бой! Мы всѣ готовы умерсть для твоей славы. Ты молодъ, покажи, что въ тебѣ бьется храброе сердце. Наполни міръ славой твоего имени, пусть до самаго края земли знаютъ Великаго Менефту.

Обольстили лукавыя рѣчи молодого царя. Какъ сладкій напитокъ, опьянили онѣ умъ его. Сталъ государь готовиться къ войнѣ: набирались войска, свозились запасы, ковались мечи, готовились луки и стрѣлы; остановились мирныя работы, отъ поселянъ отбирались запасы хлѣба и пищи, кузнецы бросили заготовку плуговъ, косъ и серповъ. Грустно качалъ головою Гикосъ; ждалъ, когда государь заговоритъ съ нимъ, — наконецъ, не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Мой добрый Менефта, не поддавайся льстивымъ рѣчамъ: не ищи славы у сосѣдей, когда можешь добыть ее дома. Великъ не тотъ, кто несетъ съ собою убійство, разореніе и слезы; великъ — кого встрѣчаютъ всюду съ радостью, кто, словно солнце, несетъ тепло и свѣтъ, довольство и веселье. Силъ сосѣдей ты не бойся: если растутъ ихъ силы, то и твое могущество вѣдь тоже не слабѣетъ. Да и пора, государь, бросить людямъ звѣриную повадку: норовить все укусить другъ друга и думать, что и сосѣдъ о томъ же помышляетъ. Повѣрь, мой бывшій питомецъ, сосѣднія страны, какъ и твой народъ, хотятъ только одного:

мирно трудиться и улучшать свою жизнь. Не мѣшай имъ въ этомъ.

Менефта не могъ слушать разумныхъ рѣчей: онъ былъ отравленъ лестью, его голова была отуманена мечтами о всемірной славѣ, какъ онъ будетъ вступать побѣдителемъ въ новыя царства, какъ чуждые цари и вельможи будутъ въ цѣпяхъ итти за его колесницей.

— Смотри, государь, какъ бы тебѣ самому не навлечь на себя бѣду. Военное счастье обманчиво. Это — все равно, что по тучамъ загадывать о погодѣ: съ вечера ждешь утромъ ведра, а проснешься — льетъ дождь.

— Не бойся, мой старый Гикосъ; — я все ужъ обдумалъ, я спрашивалъ жрецовъ-гадателей, и они сулятъ вѣрную и полную побѣду. Священные крокодилы, какъ увѣряютъ жрецы, подпрыгнули отъ радости въ своихъ водоемахъ при словѣ война; священный аистъ ѣлъ безъ счету лягушекъ, что значитъ, что я безъ счету буду уничтожать враговъ, а священныя кошки, какъ я самъ слышалъ, пронзительно кричали: „мяу, мяу“, т.-е., „иди, иди!“

— Все это лесть и лукавство твоихъ придворныхъ, государь! — отвѣтилъ Гикосъ. — Не торопись, обдумай. Крокодилы всегда плещутся и скачутъ въ водоемахъ, особенно, когда ждутъ пищи; аистъ, какъ и ты самъ, если его не кормить нѣсколько дней, будетъ жадно глотать пищу, а кошекъ и я, твой недостойный рабъ, берусь заставить мяукать, если стану

потихоньку ихъ дергать за хвостъ. Не будь легкомысленъ, Менефта!..

— Да вѣдь это не одно, — перебилъ досадливо Менефта. — Я призывалъ гадателя; онъ сыпалъ муку изъ рѣшета и по линіямъ узора просыпанной муки также опредѣлилъ побѣду. „Какъ сыпалась мука, — говорилъ онъ, — такъ разсыплются всѣ наши враги“.

— Гм!.. — проворчалъ Гикосъ. — Большой плутъ и враль твой гадатель. Рѣшето само не говоритъ, а за него можно сказать, что угодно; оно спорить не будетъ. Если хочешь, и я поверчу рѣшетомъ и скажу: „видѣлъ ты, какъ летѣла мука?.. Такъ разлетятся и твои войска на полѣ битвы“. Что ты на это скажешь?

— Скажу: шутникъ ты, Гикосъ! Неужели лгалъ и звѣздочетъ, который по звѣздамъ также предвозвѣстилъ побѣду? Нѣтъ, оставь напрасные споры и приходи къ намъ на прощальный пиръ.

Тяжело вздохнулъ Гикосъ и сказалъ:

— Нечего дѣлать! Видно, не осилить мнѣ голоса лести; придется прибѣгнуть къ помощи покойнаго Рамзеса. Не хотѣлось, а надо раскрыть тайну. Государь! Ты слушалъ совѣты живыхъ, послушай мертваго. Пойдемъ къ гробницѣ твоего отца!

— Мертвые не говорятъ и не слышатъ! — вскрикнулъ Менефта, — они нѣмы и глухи.

— Это вѣрно, — отвѣтилъ Гикосъ; — но вѣдь точно такъ же нѣмы и глухи и твое рѣшето, и звѣзды, а ты ихъ слушалъ. Совѣтовался съ кошками, аистомъ, крокодилами, — посовѣтуйся съ отцомъ.

Послушался Менефта. Спустились къ гробницѣ въ подземный храмъ, сняли три золотыя крышки съ гроба, гдѣ, по обычаю Египта, покоилось стоя тѣло фараона Рамзеса. Смутился государь; слеза затуманила глаза; наконецъ, онъ оправился и тихо прошепталъ:

— Ты видишь, Гикосъ, покойный молчитъ; мы напрасно тревож...

Царь не договорилъ. Гикосъ дотронулся до плеча трупа, засохшая рука протянулась и, словно подавая Менефтѣ, держала свитокъ.

— Не бойся, государь, — сказалъ Гикосъ, удерживая испуганнаго Менефту. — Это покойный даетъ тебѣ совѣтъ. Читай!

Молодой государь вглядѣлся, — на свиткѣ было начертано:

Нельзя видѣть солнца въ туманѣ,
Не ищи мудрости въ льстивыхъ рѣчахъ.
Ты хочешь захватить вселенную,
А и царямъ могила лишь нужна.
Помни, всѣ мы станемъ горстью праха,
Насъ переживетъ одно добро.

Задумался Менефта. Долго простоялъ онъ передъ свиткомъ. Наступилъ ужъ вечеръ, солнце сѣло, а государь все оставался въ

храмѣ. Поздно почью онъ молча вышелъ съ Гикосомъ.

— Завтра, дорогой наставникъ, распусти войска: пусть всѣ вернутся къ своимъ домамъ, — говорилъ, прощаясь, Менефта. — Пока я живъ, войны не будетъ.

И въ Египтѣ снова раздались веселыя пѣсни, народъ благоденствовалъ, а весь міръ прославлялъ миролюбиваго Менефту.

Духовная борьба.

У древнихъ грековъ былъ знаменитый ораторъ Демосѳенъ. Когда онъ говорилъ на площади передъ народнымъ собраніемъ, толпы народа съ затаеннымъ вниманіемъ слушали его цѣлыми часами. Его сильный, ясный голосъ слышался въ самыхъ дальнихъ рядахъ; рѣчи лились плавно; общая осанка, движенія рукъ и головы—все было изящно и прекрасно, дополняло впечатлѣніе словъ. Однако, когда Демосѳенъ въ первый разъ выступилъ передъ толпой, онъ потерпѣлъ позорную неудачу: ему велѣли замолчать, прогнали съ возвышенія, гдѣ онъ пытался говорить, и насмѣшками проводили съ площади. Домосѳенъ шелъ домой, отъ стыда закрылъ голову плащомъ. По дорогѣ его догналъ какой-то незнакомецъ.

— Милый юноша, — сказалъ онъ; — тебя сегодня жестоко осмѣяли, и осмѣяли по заслугамъ. Ты говорилъ скверно, какъ нельзя хуже. У тебя слабый голосъ: тебя не слышно за 10—15 шаговъ; ты очень часто запинаешься, останавливаешься, чтобы набрать воздуха въ себя; ты картавишь, неправильно

выговариваешь нѣкоторыя слова и, наконецъ, очень смѣшно подергиваешь плечомъ, некстати болтаешь руками. Между тѣмъ, въ тебѣ есть задатки оратора. Я много слышалъ всякихъ рѣчей и вижу, что изъ тебя будетъ толкъ. Надо только работать надъ собою. Не учась, нельзя садиться на горячаго коня: онъ сброситъ тебя. Какъ же ты вдругъ хотѣлъ осѣдлать тысячную толпу, заставить ее итти у тебя въ поводу, дѣйствовать по твоей указкѣ, если самъ не подготовился, не научился, какъ лучше словомъ дѣйствовать на народъ? Всякое искусство, кромѣ природной способности, требуетъ еще упражненія, работы надъ собой. Будешь работать, изъ тебя выйдетъ большой ораторъ.

Послушался Демосѳенъ добраго совѣта. Рѣшилъ упорной работой надъ собой избавиться отъ недостатковъ. Чтобы ничто не развлекало его, не мѣшало дѣлу, онъ удалился въ пустынное мѣсто, на берегъ моря, въ уединенную лачугу; а чтобы не соблазниться, не вернуться раньше времени въ городъ, онъ начисто выбрилъ полголовы. Въ уединеніи онъ сталъ укрѣплять голосъ и развивать слабую грудь. Для этого онъ старался взбѣгать на гору безъ передышки, не переставая кричать. Вначалѣ онъ могъ пробѣжать только малую часть дороги и затѣмъ приходилось останавливаться, отдыхать; но потомъ,—что чаще онъ упражнялся, то все далѣе пробѣгалъ и, наконецъ,

оказался способнымъ съ громкимъ крикомъ вбѣгать безъ передышки на самую вершину.

Чтобъ укрѣпить голосъ, онъ въ часы бури, когда море ревѣло и съ грознымъ воемъ билось о скалы, выходилъ на берегъ и старался перекричать бурю. Вой и ревъ заглушали Демосѳена, но съ каждымъ новымъ разомъ голосъ крѣпчалъ и подъ конецъ могъ мѣряться силою съ ревомъ бурнаго моря.

Противъ картавленья Демосѳенъ придумалъ класть камешки подъ языкъ. Онъ ворочалъ языкъ на разные лады, пока у него слово не выходило правильно. Такъ онъ научился говорить совершенно ясно и отчетливо. Оставалось отучиться подергивать смѣшно плечомъ. Демосѳенъ придумалъ простой способъ. Онъ въ своей низенькой лачужкѣ прикрѣпилъ къ потолку остреемъ внизъ кинжалъ и становился плечомъ прямо подъ нимъ. Затѣмъ, предположивъ, что передъ нимъ народъ, громко держалъ рѣчь. Пока помнилъ, что не слѣдуетъ дергать плечомъ, шло хорошо; а когда, увлекшись рѣчью, забылъ, дернулъ, то больно укололся. Одинъ-другой, двадцать-тридцать разъ кольнулъ себя до крови,—пересталъ дергать плечомъ.

Обросла за полгода выбритая голова. Вернулся Демосѳенъ въ городъ, пошелъ на собраніе. Взошелъ на возвышеніе, началъ рѣчь. Народъ вспомнилъ первую неудачу, сталъ смѣяться; но Демосѳенъ громкимъ, властнымъ голосомъ остановилъ смѣхъ. Толпа затихла, и

умная краснорѣчивая рѣчь полилась, какъ широкая полноводная рѣка. Въ самыхъ дальнихъ углахъ площади голосъ звучалъ ясно, движенія были плавны, красивы. Народъ жалѣлъ, когда кончилась рѣчь. Демосѳенъ сталъ великимъ ораторомъ.

Такъ, долго и много приходилось работать Демосѳену надъ собою, чтобы научиться *красиво говорить,* сдѣлаться знаменитымъ ораторомъ. Чтобы научиться *красиво жить, поступать,* сдѣлаться *хорошимъ человѣкомъ,* надо работать надъ собою еще болѣе.

„Въ беззаконіяхъ зачатъ я, во грѣхахъ родила меня мать моя“, говоритъ псалмопѣвецъ Давидъ. Мы рождаемся уже со многими грубыми и грязными задатками. Какъ иныя тяжелыя болѣзни, такъ и многіе дурные навыки мы получаемъ по наслѣдству. Родители передаютъ дѣтямъ не одно тѣлесное, но и душевное сходство. Дѣды получили много злыхъ навыковъ по наслѣдству отъ прадѣдовъ; своею распущенностью, потворствомъ всякой своей блажи развили, укрѣпили ихъ и прибавили еще новыхъ отъ себя. Все это передали нашимъ отцамъ. Отцы, въ свою очередь, принятое еще болѣе укрѣпили и кое-что вновь прибавили. Сколько, стало-быть, злыхъ сѣмянъ мы носимъ въ себѣ? Душа наша выходитъ, не чистая земля, а густо засоренная вредными зернами. Иную пору и западетъ въ душу доброе сѣмя: тронетъ евангельское чтеніе, умилитъ церков-

ная пѣснь, поразитъ умная книга, плѣнитъ добрый примѣръ, — все это глохнетъ среди густой поросли зла. Требуется много труда, много усилій воли, большая борьба съ дурными навыками и задатками, чтобы расположить душу къ доброй жизни, къ *красивымъ* дѣламъ. Одинъ древній мудрецъ говорилъ: „Человѣкъ, если онъ дѣйствительно хочетъ быть человѣкомъ, а не грубымъ животнымъ въ человѣческомъ видѣ, долженъ работать надъ собою, какъ кожевникъ надъ кожей. Долгимъ трудомъ кожевникъ изъ толстой и грубой кожи выдѣлываетъ мягкую замшу, нѣжную и тонкую лайку. Такъ и человѣкъ. Если онъ хочетъ стать *дѣлателемъ* добра, долженъ долго и много работать надъ собою. Какъ работать? Первое условіе — быть внимательнымъ къ своему внутреннему міру. Мы часто знаемъ улицы и площади самыхъ отдаленныхъ городовъ и не знаемъ собственнаго сердца. Всю жизнь хлопочемъ, бьемся о лучшемъ устроеніи хозяйства, службы и, вообще, внѣшнихъ дѣлъ и не подумаемъ иногда годами, все ли у насъ въ порядкѣ внутри. Нашъ внутренній міръ для многихъ изъ насъ—полныя потемки, и мы тамъ, какъ въ густой туманъ, ничего не можемъ разобрать. Намъ мало помогаетъ даже наша совѣсть. Совѣсть, это — зеркало, въ которомъ отражается всякая кривизна души и каждое пятнышко сердца; но зеркало, какъ бы оно велико и прекрасно ни было, въ потемкахъ служитъ не

можетъ. Необходимо въ темную горницу нашей души внести свѣтъ, въ данномъ случаѣ—свѣтъ слова Божія. При свѣтѣ правды Божіей, мы увидимъ, что наше сердце не храмъ Божій, какъ оно должно быть по слову апостола: „Вы— храмъ Божій и духъ Божій живетъ въ васъ“, а — вертепъ разбойниковъ, какой-то дремучій лѣсъ со всякими звѣрями и животными. Вотъ хитрость съ лисьимъ хвостомъ, вотъ лютость кровожаднаго тигра, павлиньи чванство и горделивость, вотъ волчья жадность, свиная грязь и лѣность черепахи. Словомъ — цѣлое гнѣздилище грубыхъ звѣриныхъ чувствъ. Чтобъ укротить ихъ, — единственное средство, — морить голодомъ, не давать имъ пищи, не распускать себя, не потакать своимъ дурнымъ чувствамъ. Дурныя чувства и наклонности, какъ и все остальное, образуются не вдругъ, а постепенно: большой пожаръ образуется отъ ничтожной искры (Москва сгорѣла отъ двухкопеечной свѣчи), громадное дерево выростаетъ изъ малаго зерна. Надо тушить искру пожара, вырывать корень въ зародышѣ.

На побережьяхъ большихъ морей въ извѣстные часы дня бываютъ приливы и отливы. Во время прилива вода начинаетъ подыматься и заливаетъ берегъ на цѣлыя версты. Кому случится быть на берегу во время прилива, чуть только замѣчаютъ подъемъ воды, бѣгутъ въ сторону съ возможною поспѣшностью. Надо бѣжать и намъ въ сторону, когда замѣчаемъ,

что то или другое скверное чувство при данныхъ условіяхъ и обстановкѣ можетъ подняться, вырасти и затопить насъ.

Св. Марія Египетская, когда покаялась, сознала ужасъ своей разгульной жизни, бѣжала въ пустыню, за сотни верстъ отъ соблазновъ, чтобы ни къ ней никто не могъ прійти съ льстивыми уговорами, ни самой какъ-нибудь не поддаться дурному порыву и не вернуться на старое. Кіевскій подвижникъ, св. Іоаннъ Многострадальный, когда чувствовалъ, что онъ ослабѣваетъ въ борьбѣ съ соблазнами не монастырской жизни, велѣлъ закопать себя по плечи въ землю, словно приковалъ себя на цѣпь.

„Теперь не уйдешь", говорилъ онъ себѣ, торжествуя побѣду надъ распущенной своей волей.

Св. Макарій Египетскій имѣлъ видѣніе. Ему снился духъ зла, весь увѣшанный различными соблазнами, какъ рыболовъ или охотникъ, идущій на добычу.

— Зачѣмъ это у тебя? — спросилъ подвижникъ.

— Приманка для людей, — отвѣчалъ духъ зла.—Одному предлагаю одно, другому—другое. Люди набрасываются, и я тяну ихъ тогда къ себѣ, какъ рыбакъ рыбку лесой съ приманкой.

— Ну, и много попадается тебѣ?

— Гдѣ много, гдѣ и нѣтъ. Сейчасъ я иду въ одну семью. Упорный все народъ, не поддаются;

только и есть одинъ, который, почуявъ меня, отъ радости не знаетъ, что дѣлать, самъ бѣжитъ мнѣ навстрѣчу.

Св. Макарій разыскалъ того человѣка и убѣдилъ его не поддаваться соблазнамъ, перемочь себя, заставить себя забыть о нихъ, не думать. Такъ слѣдуетъ поступать и намъ.

Обидѣлъ тебя кто, на сердцѣ кипитъ, зло распаляется. Если будешь думать про обиду, будешь все болѣе и болѣе сердиться; думы объ этомъ, что новыя дрова въ огонь. Старайся лучше припомнить, не было ли у тебя съ теперешнимъ обидчикомъ и добрыхъ минутъ, не оказалъ ли онъ тебѣ когда милости, услуги, не обидѣлъ ли, не огорчилъ ли его ты самъ ранѣе когда. Такія мысли остудятъ жаръ гнѣва, потушатъ злобный огонь.

Представляется удобный случай неправымъ путемъ добыть выгоду,—подумай, что дороже: нѣсколько рублей, похвала людская, повышеніе по службѣ или чистая совѣсть, внутренній миръ? „Какая польза человѣку, — говоритъ Спаситель,—если онъ весь міръ пріобрѣтетъ, а душу свою загубитъ?“

Когда намъ не нравится какой-нибудь запахъ, мы зажимаемъ носъ; непріятны звуки — мы затыкаемъ уши; страшитъ насъ видѣніе — мы закрываемъ глаза. Такъ слѣдуетъ поступать и противъ дурныхъ чувствъ и наклонностей.

Трудно это, конечно; но Спаситель и предупреждаетъ, что Царствіе Божіе силой берется

и что только употребляющіе усиліе восхищают его. Демосөенъ, язычникъ, чтобы научиться *хорошо говорить*, долгіе мѣсяцы работалъ надъ собою, какъ кожевникъ надъ кожею. Неужели мы—христіане—испугаемся внутренней работы, чтобы навыкнуть *по-Божьи жить*. Пора приниматься за работу, пора почистить себя. Много всякой грязи душевной получено нами по наслѣдству, много нарастили ее и сами. Что же, и дальше пойдетъ все такъ же, по-старому, все глубже будемъ забираться въ тину? Или когда-нибудь, наконецъ, остановимся? Примемся выбираться изъ грязи?

Масленица.

Въ Евангеліи сказано: „Не вливаютъ вина молодого въ мѣхи ветхіе, а иначе прорываются мѣхи, и вино вытекаетъ, и мѣхи пропадаютъ; но вино молодое вливаютъ въ новые мѣхи и сберегается то и другое“ (Мѳ., IX, 17). На востокѣ, во многихъ странахъ, вино держатъ и доселѣ не въ бочкахъ или въ стеклянной и каменной посудѣ, а въ мѣхахъ. Съ козла или съ барана сдирается кожа; ее моютъ, высушиваютъ и затѣмъ сшиваютъ по швамъ, гдѣ она была разрѣзана, когда ее сдирали. Получается мѣховой мѣшокъ, въ которомъ и хранится вино. Со временемъ, отъ долгаго употребленія, мѣхъ вытирается и теряетъ свою прочность. Старое вино можно еще держать, но новое вино въ старые мѣхи вливать опасно. Въ молодомъ винѣ, пока оно еще не установилось, не выбродилось, дѣйствуютъ винныя дрожди. Какъ обычныя дрожди подымаютъ тѣсто и иногда выпучиваютъ крышку квашни, такъ и винныя дрожди выпучиваютъ изъ молодого вина много воздуха (по-ученому—газа); воздухъ напираетъ на стѣнки мѣховъ, давитъ все сильнѣе и сильнѣе, и если мѣхи старые, потертые, то они

лопаются, и сами пропадаютъ, и вино разливается. Поэтому Спаситель и говоритъ, что въ старые мѣхи нельзя вливать молодое вино; старые мѣхи удобны для стараго вина, а новое вино требуетъ новыхъ мѣхомъ.

Подъ виномъ здѣсь разумѣются понятія жизни, а подъ мѣхами — обычаи, нравы, самый порядокъ жизни. Имѣетъ человѣкъ одни понятія, у него одна жизнь; перемѣнитъ онъ понятія, у него непремѣнно перемѣнится и жизнь. Скажемъ, къ примѣру, человѣкъ пьетъ. У него такія понятія, что человѣку водка полезна, что безъ вина рабочему человѣку не прожить, что съ виномъ веселѣе, что хмель несетъ ему радость, — у него сообразно съ понятіями такіе уже будутъ и обычаи. Онъ всѣхъ трудовыхъ денегъ домой женѣ и дѣтямъ не принесетъ; онъ значительную часть ихъ оставитъ въ питейномъ; друзьями его будутъ собутыльники; дома у него будетъ Содомъ: драки и ссоры съ женою, плачъ дѣтей, грязь и бѣднота. Перемѣнятся у человѣка понятія, пойметъ онъ, что вино — ядъ, пагуба, змѣй-искуситель, что во хмелю не радость, а горе, — у него по-иному наладится вся жизнь. Прежніе пріятели-собутыльники станутъ ему чужими; въ домѣ заведется достатокъ, въ семьѣ настанетъ миръ и согласіе. Новыя понятія вызвали и новую жизнь. Нельзя съ новыми мыслями и чувствами жить по старымъ обычаямъ: старые обычаи были приноровлены къ старымъ понятіямъ, а

новыя понятія требуютъ и новыхъ порядковъ, новой жизни. Былъ Владиміръ, Равноапостольный князь, язычникомъ, и его широкая, кипучая душа проявлялась въ разгулѣ, въ буйныхъ пирахъ; въ язычествѣ онъ имѣлъ дикія понятія о божествѣ, такъ дико и служилъ богамъ: приносилъ въ жертвы живыхъ людей. Когда же сталъ христіаниномъ, перемѣнились его понятія, — перемѣнилась и его жизнь: шумные разгульные пиры смѣнились трогательными обѣдами князя съ нищей братіей; въ язычествѣ онъ невинныхъ людей губилъ въ жертву богамъ, въ христіанствѣ же считаетъ грѣхомъ казнить даже злодѣевъ: крестившись, онъ отмѣняетъ смертную казнь на Руси.

Разумѣя это, Спаситель и говоритъ, что Его новое евангельское ученіе не можетъ быть приложено къ старымъ языческимъ обычаямъ. Новыя понятія о Богѣ, о людяхъ, о правдѣ, о жизни требуютъ и новыхъ порядковъ, перемѣны всѣхъ обычаевъ, всего житейскаго строя. Сдѣлавшись христіаниномъ, человѣкъ долженъ быть, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, новою тварью. „Кто во Христѣ, — тотъ новая тварь; древнее прошло, теперь все новое“ (2 Кор., V, 12). Стать ученикомъ Христовымъ, — это не значитъ только окунуться троекратно въ купели, надѣть крестъ на шею и записаться въ церковныя книги подъ христіанскимъ именемъ; это значитъ — родиться духомъ, обновиться всѣмъ своимъ существомъ, принять новыя по-

нятія и по нимъ наладить новую, добрую, чистую жизнь.

Первое чудо Христа Спасителя на бракѣ въ Канѣ Галилейской состояло не въ томъ, что Іисусъ Христосъ велѣлъ на кувшины съ водой налѣпить ярлыкъ съ надписью: „лучшее вино“, хотя вода и оставалась водою, а въ томъ, что силою Божіею превратилъ воду дѣйствительно въ вино, измѣнилъ самый составъ, вкусъ бывшаго въ сосудахъ. Такое же перерожденіе должно совершиться и съ душой человѣка, если онъ хочетъ получить мѣсто на Божьемъ пиру. Нуженъ не новый ярлыкъ съ надписью: „христіанинъ“, а новый вкусъ, новый характеръ жизни. „Прежнее прошло, все должно быть новое“, говоритъ апостолъ. Спаситель учитъ: „Новое вино нельзя вливать въ мѣхи старые“. Между тѣмъ, у христіанъ не только въ обычной жизни, а даже въ праздникахъ, въ ихъ свѣтлыхъ торжествахъ доселѣ сохранилось много языческаго. Ученіе исповѣдуемъ новое, Христово, а жизнь ведемъ по-старому, по-язычески. Возьмите, напримѣръ, масленицу. Вся Россія отъ шумныхъ столицъ до послѣдняго глухого поселка справляетъ ее, какъ самый большой праздникъ: вездѣ останавливаются работы, въ школахъ прекращаются занятія, въ домахъ цѣлые дни перегащиваются, до пресыщенія пьютъ и ѣдятъ, на улицахъ идетъ катанье съ гиканьемъ, съ перегонками. Почему все это? На какомъ основаніи? Близится Вели-

кій постъ, дни молитвы наступаютъ, а у насъ у всѣхъ веселье. Само по себѣ веселье, конечно, не грѣхъ, если оно чистое, свѣтлое, трезвое; но всему свое время. На церковной паперти, на порогѣ храма не мѣсто забавамъ и играмъ; тутъ не ко времени веселыя пѣсни. Идя въ храмъ, мы несемъ съ собою серіозное молитвенное настроеніе: входя въ церковную ограду, осѣняемъ себя крестомъ; на паперти благоговѣйно обнажаемъ голову. Близость священнаго мѣста требуетъ особаго уваженія. Точно такъ же и на порогѣ поста, наканунѣ дней покаянной молитвы, не мѣсто жирной ѣдѣ и шумнымъ забавамъ. Масленичный чадъ и шумъ *въ эти дни* — полный разладъ понятій съ жизнью. Выходитъ, христіанскія понятія — одно, а наши обычаи — другое. Такъ и должно быть, потому что наша масленица — старые мѣхи, отголосъ древняго отжившаго язычества. Наши предки, язычники-славяне, были земледѣльцы. Ихъ благополучіе зависѣло отъ урожая; а урожай, по-ихнему, зависѣлъ прежде всего отъ солнца, потому они и считали солнце своимъ божествомъ. Всѣ ихъ праздники такъ и подогнаны были, что отмѣчали ту или другую перемѣну отношеній солнца къ землѣ. Первый праздникъ былъ по зимѣ, въ серединѣ декабря, когда, по-народному, солнце поворачиваетъ на лѣто, зима—на морозъ. Дня прибываетъ на куриный шагъ; солнце нѣтъ-нѣтъ да и проглянетъ послѣ долгихъ хмурыхъ дней:

вырвалось оно отъ зимнихъ оковъ. Язычники справляли побѣду пѣснями, играми, зимними колядами. Второй праздникъ въ честь солнца былъ въ концѣ зимы, въ февралѣ, когда зима начинала сдавать, дѣдъ — сѣдой морозъ — терялъ свою силу; солнце начинало припекать, съ крышъ появлялась капель; чувствовалось хотя издали теплое дыханіе весны. Во славу солнца, которое теперь каждодневно свѣтило на небѣ, пекли блины, жирно смазывая ихъ такъ, что они блестѣли наподобіе солнца. Въ концѣ праздника на саняхъ за околицу вывозили соломенное чучело и тамъ сжигали предъ солнцемъ. Такимъ образомъ, наша масленица— пережитокъ языческой старины. Это—грустная отрыжка язычества въ христіанское время. Посуда, которая долгое время была подъ какою-нибудь киселью или гнилью, если ее совершенно не выпарятъ, долго будетъ придавать свой прежній вкусъ и запахъ всему, что бы ни влили въ нее. Не надлежаще еще мы очищены покаяніемъ, слабо проникнуты евангельскимъ духомъ; спустя и девятьсотъ лѣтъ послѣ крещенія Руси въ насъ много язычества. Наши христіанскія понятія у насъ соединены съ языческими обычаями; новое вино влито въ старые мѣхи. Пора готовить новые мѣхи для новаго вина, по христіанскимъ понятіямъ христіански налаживать и самую жизнь; пора подумать, у мѣста ли масленица наканунѣ поста.

Когда человѣкъ бѣжитъ изо всей силы, ему нѣтъ возможности вдругъ остановиться: съ разбѣгу онъ невольно сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ лишнихъ. Необходимо заранѣе предупредить о должной остановкѣ. Церковь предъ постомъ такъ и дѣлаетъ. Люди въ суетахъ и заботахъ изо дня въ день закрутятся, завертятся, какъ въ омутѣ. Трудно сразу опомниться. Церковь задолго, за три недѣли, начинаетъ подготовлять къ полному отрезвленію. Воскресенье за воскресеньемъ читаются Евангелія о мытарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сынѣ, о послѣднемъ всеобщемъ судѣ.

— Загляни себѣ внутрь, — говорятъ эти Евангелія, — подумай, разберись, все ли у тебя благополучно, можешь ли ты спокойно и увѣренно итти впередъ тою же дорогою, не сбился ли съ Божьяго пути, не ушелъ ли ты далеко въ сторону отъ Божьей правды, какъ блудный сынъ? Помни, было время посѣва, придутъ и дни жатвы. Христосъ Спаситель далъ людямъ зерна добра и правды; возрастилъ ли ты хоть одно? Посланный въ міръ, въ Божье помѣстье, сработалъ ли ты подать Хозяину, увеличилъ ли Божій доходъ, прибавилъ ли добра и правды на землѣ?

И чѣмъ болѣе тутъ задумываешься, тѣмъ тоскливѣе, темнѣе становится на душѣ. Сколько ужъ жизни прожито, и сколько силъ потрачено, а куда, на что? Хочется вмѣстѣ съ мытаремъ пасть ницъ, на землю, и молить: „Боже, мило-

стивъ будь, мнѣ, грѣшному!“ Хочется несмѣлой стопой, подобно блудному сыну, подойти къ Отчему дому и просить: „Открой мнѣ двери покаянія, Податель жизни!“

Какою дикостью въ такія минуты кажутся блинный чадъ, винный угаръ и весь этотъ масленичный шумъ!

— Что же дѣлать? — скажете вы. — Не нами заведено, не нами кончится. Противъ людей не пойдешь. Какъ отъ другихъ отстанешь? Засмѣютъ, осудятъ, отъ дружбы отступятся.

— Пустыя все рѣчи, нестоящія отговорки. „Не нами, говоришь, заведено, не нами и кончится“. Почему? Заведутъ тебя въ лѣсъ, въ дремучую чащу, — небось, станешь выбираться на дорогу? Получишь по наслѣдству запущенное хозяйство, примешься его налаживать; переселишься въ избу, гдѣ жильцы до тебя нарастили грязи, захочешь почистить, прибрать вокругъ себя? Много и въ жизни у насъ по наслѣдству отъ старины всякаго неустройства и грязи. Пора же когда-нибудь опомниться, подумать, что мы живемъ не въ хлѣву, а въ мірѣ *Божьемъ*, что земля наша — Божья вотчина, гдѣ все должно быть исправно, что вся вселенная — одинъ общій Божій храмъ, гдѣ всѣ люди должны служить Богу, постоянно править богослуженіе. Пора почиститься, пора оставить старые мѣхи и жизнь наладить по новымъ христіанскимъ понятіямъ. А что новые порядки, новые мѣхи, людямъ не понравятся?

Ничего! Было бы Богу любо, съ правдой Его согласно! Пусть люди, если случится, и отступятся отъ дружбы съ тобою, — лишь бы *тебѣ* отъ Бога не отступиться. Глупые, темные люди тебя не поймутъ; но добрые, разумные оцѣнятъ и понемногу сами за твое возьмутся. Былъ такой случай. Вернулся служивый въ деревню. На службѣ обучился грамотѣ; принесъ съ собой Новый завѣтъ. Стали къ нему захаживать вечерами, читать сообща, бесѣдовать. Словно свѣчу въ потемкахъ зажгли: по-новому мужики стали на многое смотрѣть. Затѣялась у солдата свадьба: дочь бралъ у сосѣда. У другихъ предъ свадьбой судили, сколько ведеръ водки купить, кого — барана со свиньей или корову рѣзать; у нашей компаніи разговоры иные.

— Не пригожее это дѣло — свадьбу пьянствомъ справлять, — говорили собесѣдники за Евангеліемъ. — Бракъ — тайна великая. Двѣ души сливаются въ одну, какъ Христосъ соединяется съ Церковью. Начинается новая жизнь. Зачинается семья. Создается колыбель новаго рода. Тутъ нужна молитва, а не водка, — благословеніе старшихъ, а не пѣсни съ пляскою, — не глупыя прибаутки, а наставленія молодымъ на честную, трудовую, любовную жизнь.

Пришли людямъ новыя понятія, они по-новому сейчасъ и жизнь наладили. Новое вино влили и въ мѣхи новые. А что люди станутъ

говорить, какъ отнесутся къ нимъ, о томъ они не печалились.

А говору по деревнѣ было не мало: „Свадьбу готовятъ, а гостей не зовутъ, пировать не собираются. Что за диво?“

Настала и свадьба. Молодые изъ церкви скромно, безъ звонковъ, бубенцовъ, запросто, проѣхали домой. Вошли въ избу, помолились. Родители благословили ихъ. Сѣли за столъ, раскрыли Евангеліе, стали читать. Подъ окнами стояла чуть не вся деревня. Всѣ дивились, что за свадьба, а одна баба такъ даже плюнула:

— Тфу! — говоритъ, — это богомолебство какое-то, а не свадьба. Пойти батюшкѣ, аль уряднику сказать. Ужъ не ересь ли какая?

— Не ересь, тетка Ефимья, — сказалъ, проходя мимо, незамѣченный ею батюшка,—а самое христіанское начало жизни новобрачныхъ. Будешь дочь выдавать, и тебѣ совѣтовалъ бы такъ же свадьбу справить.

Мужики почесали въ затылкахъ.

— А подумать, такъ и впрямь у насъ не свадьбы, а озорство, — говорили они. — Вишь ты, темнота-то наша великая. Оно, пожалуй, служивый это и ладно сдѣлалъ.

Празднованіе свадебъ по деревнѣ, конечно, сразу послѣ этого не перемѣнилось; но народъ только все же не переставалъ судить и рядить, и рѣчи все больше и больше слышались противъ пьянства на свадьбахъ. Новое вино начало бродить.

Такъ и съ масленицей. Надо говорить, толковать, разъяснять про нее. Надо внушить на масленичные дни новыя христіанскія понятія. Новыя понятія принесутъ и новую жизнь. Сразу на бѣгу, конечно, цѣлый народъ не остановишь, но если громко и долго кричать, то толпа начнетъ прислушиваться и замедлитъ бѣгъ, а когда пойметъ, что не туда дорога, то и совсѣмъ остановится.

Голоса, жаль, только у насъ слабые, да и горло мы очень бережемъ.

Проповѣдникъ покаянія.

Долгіе годы готовился въ уединеніи молитвою и постомъ къ своей проповѣди великій Предтеча Христовъ, Іоаннъ. Тамъ, въ заіорданской пустынѣ, въ одиночествѣ много думъ глубокихъ пронеслось въ его головѣ, многое онъ перечувствовалъ въ своемъ сердцѣ, многому научился среди безмолвія пустыни, прислушиваясь къ голосу Бога въ своей душѣ. Пустыня съ ея сыпучими песками и голыми мрачными камнями, выжженными палящимъ зноемъ, напоминала ему души людскія. Пусто какъ-то въ сердцахъ у людей; чѣмъ-то зловѣщимъ вѣетъ отъ человѣческой жизни; словно окаменѣли всѣ. Ждутъ Спасителя, молятъ Отца небеснаго о пришествіи царства Божія на землю, а придетъ обѣщанный Мессія, — найдетъ ли Онъ дорогу въ сердца людскія? Всѣ пути искривлены, забыты стези Господни. Кто поведетъ къ Богу этотъ народъ, сбившійся съ путей правды, кто возвѣститъ людямъ, что близокъ часъ спасенія? Болѣло сердце Іоанна о заблудшихъ людяхъ: все болѣе и болѣе пламенѣетъ онъ праведнымъ гнѣвомъ противъ беззаконій людскихъ, и слово жгучее, какъ зной пустыни,

рвалось наружу. Созрѣлъ Іоаннъ для дѣла Божія, и „былъ глаголъ Божій къ нему въ пустынѣ, и онъ проходитъ по всей окрестной странѣ, проповѣдуя крещеніе покаянія для прощенія грѣховъ“ (Лук. III, 2—3).

„Господь идетъ, — говоритъ онъ, — приближается царство Божіе; скоро всякая плоть узритъ спасеніе Божіе. Господь придетъ и соберетъ къ Себѣ послушныхъ голосу Его. Онъ придетъ, какъ Судья, съ лопатою въ рукѣ, очиститъ Свое гумно; будетъ вѣять Свою пшеницу и отдѣлитъ зерно отъ соломы, пшеницу соберетъ въ житницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ. Вы Его еще не знаете, но Онъ уже среди васъ (Іоан. I, 26). Готовьтесь принять Его, исправьте пути Ему. Наполните правдою пустыя души ваши, смирите предъ Богомъ, склоните ваши гордыя сердца. Господь обѣщалъ вамъ спасеніе. Оно пришло, и вамъ остается только принять; но въ сердцѣ вашемъ, густо поросшемъ всякой неправдой, злобою, распутствомъ, нѣтъ мѣста для зерна Божія. Очистите души ваши, покайтеся и узрите спасеніе отъ Бога“.

Покаяніе.

«Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей».

„Покаяться“ значитъ то же, что „охаять себя“, осудить, произвести надъ собою строгій судъ и признать свою жизнь дурною. Обычно мы всегда бываемъ довольны собою. Какъ бы мы скверно ни жили, мы не сознаемъ этого, не мучаемся этимъ. Мы часто возмущаемся порядками, устройствомъ жизни, негодуемъ на людей, но себя ни въ чемъ не винимъ, оставляемъ въ сторонѣ. Это неправильно. Намъ не дано быть судьею другихъ. „Не судите, да несудимы будете“. Всѣмъ намъ Судья — Господь. Наше дѣло знать прежде всего себя; думать не о томъ, что и какъ дѣлаютъ другіе, а какъ слѣдуетъ жить намъ самимъ. Жизнь — не постоялый дворъ, гдѣ всѣ приходятъ, требуютъ себѣ удобства, грязнятъ и мусорятъ, а убирать за собою оставляютъ другимъ. Жизнь — заброшенная усадьба, запущенное Божье помѣстье, куда общій Хозяинъ — Господь посылаетъ насъ на работу.

Въ нашемъ углу много непорядковъ, въ жизни много невзгодъ и неурядицъ, — посмотримъ на

себя, провѣримъ, то ли мы дѣлаемъ, что слѣдуетъ, такъ ли работаемъ, какъ повелѣлъ Хозяинъ? На что мы употребили данныя намъ Богомъ силы? Жизнь какъ рѣка, которая тянется тысячи верстъ. По берегамъ ея много селъ, городовъ, фабрикъ и заводовъ. Всѣ они грязнятъ и отравляютъ воду, и рѣка что далѣе течетъ, то все становится мутнѣе. Но время отъ времени въ разныхъ мѣстахъ являются люди, которые словно плотиной перегораживаютъ рѣку жизни, задерживаютъ ея мутныя воды, фильтруютъ ихъ, пропускаютъ, какъ сквозь очистительный приборъ, сквозь свое чистое, свѣтлое сердце, и воды жизни текутъ далѣе свѣтлѣе и чище. Что сдѣлали мы за годы нашей жизни, замутили или очистили тѣ струи, что текли мимо насъ? Съ какой душой подходимъ мы къ жизни? Какой посудой черпаемъ воды ея? Самыя чистыя струи можно замутить грязной посудой. И жизнь наша плоха прежде всего потому, что сами мы плохи. На землѣ возможна и даже обязательна совсѣмъ иная жизнь, чѣмъ та, какую мы ведемъ, но для этого необходимо, чтобы мы стали иными, чтобы мы поняли, что теперь мы живемъ грубо, безбожно, безчеловѣчно; чтобы мы почувствовали, наконецъ, что въ той жизни, гдѣ милліоны людей тысячи лѣтъ дышали неправдой, насиліемъ и распутствомъ, нельзя не задохнуться. Необходимо, чтобы намъ противна стала вся мерзость нашей обычной жизни, чтобы насъ изъ нашей духоты неудержимо потянуло

на Божій просторъ. Необходимо, чтобы мы перемѣнили наши мысли, чувства, дѣла; чтобы мы на все смотрѣли и все дѣлали по-новому, по-Божьи, по ученію Христову. Бочку, которую долгое время держали подъ гнилой водой или старымъ разсоломъ, необходимо выпарить, прежде чѣмъ пустить подъ чистую свѣжую воду. Необходимо выпарить и изъ людей старый звѣриный духъ грубости, насилія и себялюбія, языческій духъ распутства. Новая Божья жизнь возможна на землѣ, но для этого надо, чтобы мы сами стали новыми, Божьими людьми. Надо покаяться. „Покайтесь, — говорилъ Спаситель, — ибо приблизилось Царство Божіе“ (Мѳ. IV, 17). „Если не покаетеся, не можете войти въ Царство Божіе“ (Іоан. III, 5).

Говѣніе.

Умиралъ отецъ. У постели стоялъ сынъ — безпечный, легкомысленный юнецъ. Отецъ долго пытался образумить его, но все было напрасно: ни совѣты, ни уговоры, ни просьбы не дѣйствовали на юношу. Сынъ пропадалъ дни и ночи, губилъ въ кутежахъ здоровье и способности. Отецъ съ горя занемогъ и теперь ждалъ скораго конца.

— Мой бѣдный мальчикъ, — говорилъ онъ сыну, — не жизни жалко, жаль тебя. Одинъ ты у меня. Такъ хотѣлось вложить въ тебя все доброе, святое, воспитать изъ тебя усерднаго работника Богу и людямъ, и такъ тяжело видѣть, что всѣ мечты пошли прахомъ. Не корю я тебя, не требую клятвъ, что ты исправишься; прошу объ одномъ: обѣщайся послѣ моей смерти въ теченіе недѣли на 2 — 3 часа въ день приходить сюда въ комнату, гдѣ я умираю теперь.

Удивился сынъ такой просьбѣ, но, чтобы хоть чѣмъ-нибудь утѣшить отца, которому причинилъ столько горя, онъ согласился.

Умеръ отецъ. Похоронили. Пришелъ сынъ въ комнату отца. Пусто, нѣтъ никого. Не

услышитъ онъ болѣе докучныхъ ворчаній. Полная свобода; живи, какъ хочется.

И вспоминаются сыну всѣ рѣчи отца, его печальные глаза, голосъ, разбитый скорбью.

„А любилъ вѣдь меня отецъ, — думаетъ сынъ, — дѣйствительно, хотѣлъ, чтобъ изъ меня вышелъ честный и трезвый, добрый человѣкъ. Рано онъ овдовѣлъ и всю свою любовь отдалъ мнѣ. Какъ онъ нѣжно ласкалъ меня всегда; какъ сердечно, любовно говорилъ мнѣ о Богѣ, о правдѣ, о доброй жизни; какъ радовался каждому моему доброму дѣлу, разумному слову, а чѣмъ я отплатилъ ему?!“

Проходила минута за минутой, а въ памяти сына выплывали одна за другой картины его разгула. Какая грязь! Какой стыдъ и позоръ! Хотѣлось забыть, думать, что этого не было.

Прошли уже обѣщанные часы, а сынъ все сидѣлъ, опустивъ низко голову на руки. На глазахъ блестѣли слезы... Въ этотъ день онъ не пошелъ къ своимъ обычнымъ друзьямъ.

На второй и третій день заходилъ онъ въ отцовскую комнату. Все яснѣе вспоминался свѣтлый образъ отца, живѣе чувствовалась горечь укоровъ, противнѣе становилась прежняя жизнь. Не задумывался ранѣе надъ собою несчастный юноша; никогда не заглядывалъ къ себѣ въ совѣсть, душа и была спокойна. Теперь оглядѣлъ себя внимательно, и страшно стало: онъ ли это тотъ самый милый мальчикъ, какимъ былъ въ дѣтствѣ? Что сталось

съ нимъ? Огрубѣлъ, одичалъ, опустился. Надо выбираться изъ тины, пока всего не затянуло.

Отецъ зналъ, что дѣлалъ, когда просилъ сына въ теченіе недѣли 2—3 часа проводить въ уединеніи. Сынъ за это время словно отрезвѣлъ послѣ долгаго хмеля. Одумался, принялся за работу надъ собой, круто повернулъ на другой путь жизни.

Знаетъ, что дѣлаетъ и мать наша—православная Церковь, когда назначаетъ намъ недѣлю говѣнія. Жизнь наша, какъ омутъ, крутитъ и вертитъ насъ. За хлопотами, заботами, дѣлами некогда бываетъ и подумать: что ты такое? Зачѣмъ ты созданъ, живешь? Какъ ты проводишь свои годы? Дѣлаешь ли то, что слѣдуетъ, или чего не слѣдуетъ? Жизнь несетъ насъ, какъ щепку водою. „Гдѣ настоящій путь? Куда итти?“ Кто объ этомъ думаетъ? Мать-Церковь и проситъ: „Постой, остановись! Оставь хоть на недѣлю въ году сутолоку жизни и подумай о себѣ не извнѣ, а внутри. Дай себѣ отчетъ въ твоихъ мысляхъ, чувствахъ и дѣлахъ. Во всякомъ дѣлѣ за годъ подводятъ отчетъ; подведи и ты отчетъ: прибыло или убыло у тебя за годъ Божіей правды въ душѣ!“

Каждый изъ насъ переживаетъ жизнь однажды, и потому путь жизни для насъ, что дорога въ невѣдомой странѣ. Необходимо время отъ времени остановиться и оглядѣться, не сбились ли мы съ вѣрнаго пути; необходимо дать себѣ отдыхъ, собраться съ новыми силами

и затѣмъ опять дальше двинуться въ дорогу. Такимъ роздыхомъ для души и является время говѣнія. Мать-Церковь усердно и призываетъ къ нему всѣхъ насъ.

Въ Ветхомъ завѣтѣ, въ заповѣди Моисея, говорилось евреямъ: „Шесть дней въ недѣлю дѣлай свои дѣла, устраивай свое благополучіе, а день седьмой посвяти, отдай Богу, послужи Божьему дѣлу на землѣ". Тутъ предъявлялось не высшее, а самое снисходительное требованіе. „Если вы такъ грубы, — говорила заповѣдь Моисеева евреямъ, — что не можете совершенно забыть о своихъ жалкихъ и ничтожныхъ дѣлахъ ради великаго Божьяго дѣла, то возьмите шесть дней въ недѣлю, а Богу цѣликомъ посвятите хоть одинъ". Такую же снисходительность проявляетъ и Церковь. Апостолъ Павелъ пишетъ христіанамъ: „Непрестанно молитеся" (Сол. V, 17), имѣйте постоянно молитвенное настроеніе; что бы вы ни дѣлали, дѣлайте все прежде всего во славу Божію, пусть всякая ваша мысль, слово и дѣло будутъ освящены молитвой и сами будутъ въ различномъ видѣ однимъ и тѣмъ же молитвеннымъ служеніемъ Богу. „Ѣдите ли вы, пьете,—учитъ апостолъ,— или иное что творите, все творите во славу Божію". Всѣ мы Божьи, и вся жизнь наша принадлежитъ Богу; она должна быть однимъ непрестаннымъ богослуженіемъ. Но какъ іудеи во времена Христа Спасителя обратили храмъ въ скотный дворъ, гдѣ продавали воловъ и

быковъ, такъ и мы всю жизнь вмѣсто богослуженія обратили въ базаръ суеты. Заботливая мать-Церковь и увѣщаваетъ насъ: „Если уже вы не всегда отдаете себѣ отчетъ въ своей жизни, то хоть разъ въ годъ, хоть въ одну изъ пятидесяти двухъ недѣль освободитесь отъ обычной суеты". Когда теченіе рѣки въ омутѣ крутитъ и вертитъ воду, она такъ замутится, что и при солнечномъ свѣтѣ въ ней ничего не увидишь; но зачерпните воду изъ омута, отдѣлите ее, дайте ей отстояться,—вся грязь и муть осядутъ на дно, и вода станетъ чиста, какъ слеза. Въ ней отразятся и небо, и солнце, и поля, и лѣса—вся красота Божьяго міра. Дайте отстояться, мути въ вашей душѣ, отойдите хотя на время отъ омута жизни. Побудьте наединѣ съ самимъ собою и съ Богомъ.

Совѣсть заговорила.

Лѣтъ тысячу тому назадъ слишкомъ, въ дальней отъ насъ египетской землѣ долго свирѣпствовалъ страшный разбойникъ, по имени Варваръ. Громаднаго роста, сильный, ловкій, отважный онъ наводилъ ужасъ на всю страну: съ шайкой отчаянныхъ головорѣзовъ грабилъ проѣзжихъ на большихъ дорогахъ, нападалъ на дома, угонялъ скотъ съ полей. Противъ него высылали цѣлые отряды, но онъ былъ неуловимъ. Погоня обшаривала каждый уголъ на сотню верстъ, Варвара не находили; казалось, онъ провалился сквозь землю. Временами думали, что онъ окончательно погибъ. Все затихало, люди успокоивались вполнѣ; но новые грабежи и разбои заставляли вспомнить, что Варваръ живъ и продолжаетъ свое страшное дѣло. Такъ шли долгіе годы. Варваръ собралъ большія сокровища и сталъ думать о покоѣ. Усталъ онъ, годы брали свое, ныло израненное въ схваткахъ тѣло, приближалась старость.

„Довольно!—думалъ онъ.—Моихъ богатствъ хватитъ на десятерыхъ. Уѣду на чужую сторону подальше отсюда; отстрою палаты, заведу

рабовъ, лошадей, колесницы; заживу господиномъ“.

Сталъ онъ готовиться въ дорогу. Въ сторонѣ отъ жилья, въ чащѣ дремучаго лѣса, въ уединенной мало доступной горѣ была у него пещера, гдѣ онъ скрывался самъ и хранилъ награбленное добро. Входъ въ пещеру былъ закрытъ кустами. Подъ корнями скрывалась нора; нора дальше становилась коридоромъ и, наконецъ, превращалась въ большую съ высокими сводами пещеру. Здѣсь у Варвара постоянно были большіе запасы вина и пищи, масла для свѣта, а вода въ изобиліи струилась со стѣнъ. Теперь пещера вся была завалена добычей. Мѣшки съ золотомъ и серебромъ, богатая утварь, груды дорогихъ ножей и мечей, ящики драгоцѣнныхъ камней, кольца, запястья и ожерелья загромождали пещеру. Надо было все это уложить и перевезти къ морю.

Укладываетъ Варваръ и вспоминаетъ, какъ досталось ему то или другое. Вотъ кожаные мѣшки съ тысячами новыхъ блестящихъ золотыхъ монетъ. Это досталось все сразу. Удачная была ночь. Возвращался съ ярмарки богатый купецъ. Варваръ подстерегъ въ темномъ лѣсу, слугу сбилъ кистенемъ, а на купца бросился съ мечомъ. Тотъ спокойно указалъ ему на мѣшки съ золотомъ и сказалъ:

— Бери, но не трогай меня. Богъ далъ, ты взялъ; Богъ снова вернетъ. Пощади только мою жизнь. Жена и трое малютокъ давно уже

ждутъ меня. Убьешь ты меня, они останутся и нищими и сирыми. Возьми деньги, но оставь отца и мужа дѣтямъ и женѣ.

Варваръ лѣзъ съ мечомъ. Купецъ сталъ на колѣни.

— Заклинаю тебя именемъ Христовымъ, пощади! Никогда не вспомню тебя зломъ; буду молить Бога за тебя. На что тебѣ моя жизнь? Пожалѣй дѣтокъ.

Варваръ со смѣхомъ зарѣзалъ его.

„А что сталось съ его семьей? — пришло теперь ему вдругъ въ голову. — Можетъ-быть, перемерли съ голоду? Можетъ-быть, бьются въ нищетѣ послѣ сытой, привольной жизни? Можетъ-быть, дѣти росли безъ призора и теперь сами живутъ разбоемъ? И все это по его винѣ и все, главное, напрасно! Жутко стало. Въ лѣсу начиналась буря. Вѣтеръ жалобно вылъ и стоналъ. Варвару казалось, плачутъ осиротѣлыя дѣти.

Вотъ тонкой работы ящикъ съ женскими украшеніями. Это также добыто на дорогѣ. Въ повозкѣ ѣхали двѣ женщины — служанка и госпожа.

— Стой! — крикнулъ Варваръ.

Кучеръ бросилъ вожжи, соскочилъ съ козелъ и бѣжалъ въ лѣсъ. Варваръ кинулся на женщинъ. Онѣ молили его не трогать ихъ.

— Возьми все, — умоляла госпожа; — свяжи насъ, оставь на дорогѣ, отпусти съ миромъ. ...нусь, мы никому ни слова не скажемъ о

тебѣ. У меня дома двое крошекъ — дѣтки. Я только что потеряла мужа, и они одни, какъ птенчики въ гнѣздѣ.

Женщины плакали, цѣловали его грубыя руки, обнимали ноги... Онъ зарѣзалъ обѣихъ.

По стѣнѣ съ шорохомъ струилась вода. Варвару казалось, это крадутся къ нему тѣни убитыхъ имъ женщинъ, дѣтей, стариковъ. Онъ дико озирался по сторонамъ: ему всюду видѣлись блѣдныя тѣни, слышались вздохи, затаенные стоны. Онъ схватился за голову и бросился вонъ изъ пещеры. Свистъ и вой вѣтра въ лѣсу еще болѣе нагоняли на него ужасъ. Онъ бѣжалъ и бѣжалъ, не зная куда и зачѣмъ. Минула ночь. Взошло солнце. Послышался звонъ колокола. Варваръ пришелъ въ себя. Онъ былъ подлѣ какого-то монастыря. Звонили къ утренѣ.

— Монастырь!.. Церковь... Молитва!.. — шепталъ онъ. — Въ церковь! Тамъ, можетъ-быть, легче будетъ.

Вошелъ Варваръ въ открытый храмъ и тутъ же палъ на землю. Иноки шли на молитву. Проходили одинъ за другимъ мимо Варвара, становились по своимъ мѣстамъ. Кончилась служба. Стали выходить, а Варваръ все лежитъ. Подошелъ къ нему одинъ монахъ, другой, третій, — Варваръ не отзывается, не подымаетъ головы. Сказали игумену.

— Горе великое, стало-быть, гнететъ его наземь, — сказалъ мудрый старецъ. — Оставьте меня одного съ нимъ!

Вышли всѣ иноки. Остались игуменъ и Варваръ. Ни слова не промолвилъ старецъ, опустился подлѣ и сталъ вслухъ молиться. Варваръ сталъ рыдать.

— Плачь, чадо, плачь! — сказалъ игуменъ. — Чѣмъ горче слеза, тѣмъ слаще станетъ на сердцѣ. Засохшую грязь смываютъ горячей водой, такъ и съ души грязь скорѣе всего смоешь горячей слезой.

Варваръ поднялъ голову.

— Ты думаешь, отче, что можно слезой смыть всю грязь съ души?

— Да, чадо! Блудница слезами омылась бѣлѣе снѣга.

— Грязь, можетъ-быть, и смоешь, но кровь нѣтъ. Ты знаешь ли, отче, кто передъ тобой?.. Я — Варваръ, страшный разбойникъ. Я проклятъ людьми и Богомъ. Развѣ мнѣ есть прощеніе?

— У людей нѣтъ, а у Бога найдешь. Нѣтъ мѣры Божію милосердію. Христосъ Спаситель взялъ на себя всѣ грѣхи міра. Покайся! Молись! Въ обитель Отца небеснаго первымъ съ Господомъ Іисусомъ вошелъ разбойникъ... Пойдемъ ко мнѣ въ келью.

Въ кельѣ игуменъ сталъ читать Варвару, какъ Христосъ Спаситель принималъ мытарей и блудницъ, какъ отецъ принялъ блуднаго сына, какъ радость великая бываетъ на небѣ о кающемся грѣшникѣ.

— Долго, братъ мой, ты мертвъ былъ для Бога и ожилъ; долго пропадалъ и все же нашелся. Дошелъ, наконецъ, и до тебя голосъ Божій. Не потеряйся теперь. Много на твоей душѣ крови, много на тебя налипло грязи; трудно будетъ тебѣ подниматься съ этимъ грузомъ къ Богу. Смотри, какъ бы снова не скатиться внизъ. Проси силы у Бога... Великая сила духа была въ тебѣ. На зло, жаль, ты ее направилъ. Оберни ее на Божье дѣло. Великъ твой долгъ и передъ Богомъ и передъ людьми. Торопись уплатить.

— Отче! — отвѣтилъ Варваръ. — Ты читалъ мнѣ про Закхея, какъ онъ, раскаявшись, сказалъ: „Полъ-имѣнія раздамъ нищимъ; если обидѣлъ кого, верну ему вчетверо". Я все верну, кому могу, съ лихвою; все раздамъ; всю жизнь посвящу Богу.

Варваръ исполнилъ свое слово. Роздалъ всѣ награбленныя сокровища; самъ остался въ монастырѣ. Онъ выполнялъ самыя тяжелыя и черныя работы; охотно служилъ всѣмъ и во всемъ. Окрестнымъ крестьянамъ онъ рубилъ и возилъ лѣсъ, помогалъ на пашнѣ, ухаживалъ за больными. Не знали, когда онъ отдыхаетъ. Его подвиги молитвы, труда и воздержанія дивили всѣхъ, но Варваръ все день и ночь вздыхалъ и молился: „Господи, будь милостивъ мнѣ грѣшному! Велики мои беззаконія, но милость Твоя безмѣрна. Отврати лице Твое отъ грѣховъ моихъ и изгладь всѣ беззаконія мои".

Такъ проходили годъ за годомъ. Состарѣлся Варваръ: ослабѣли его когда-то сильныя руки, побѣлѣла голова, не могъ уже онъ болѣе выходить изъ кельи дальше порога. Цѣлые дни проводилъ то въ молитвѣ, то въ бесѣдахъ съ приходившими къ нему во множествѣ за словомъ назиданія.

— Друзья мои, — медленно говорилъ онъ вдумчивымъ голосомъ, — будьте внимательны къ себѣ въ жизни, смотрите каждый свой шагъ. Злая жизнь, какъ зыбкое болото. Чуть только хоть одной ногой опустишься въ нее, запачкаешься; а если станешь обѣими ногами, провалишься совсѣмъ, съ головой утонешь.

„Смолоду налаживайте свою жизнь вѣрнымъ путемъ. Въ молодости сердце чище, совѣсть зорчѣе; не давайте ей уснуть. Совѣсть — это, Божій сторожъ, рулевой, что направляетъ нашу жизнь по пути добра. Если сторожъ заснетъ и рулевой выпуститъ руль изъ рукъ, насъ можетъ далеко унести въ сторону; потеряешь и берегъ изъ виду, не будешь знать потомъ, если и захочешь, куда повернуть.

„Жизнь наша, какъ постоянная постройка. Годъ за годомъ идетъ, мы этажъ на этажъ наносимъ, и каждый новый этажъ сейчасъ же чѣмъ-нибудь заполняемъ. Какимъ добромъ?.. Былъ одинъ скряга, скупецъ. Онъ собиралъ вездѣ все, что попадется: грязную тряпку, ржавый гвоздь, старую подошву, кусокъ доски, сбитую подкову, — и все это тащилъ къ себѣ,

клалъ въ одну кучу въ своей комнатѣ. Можно представить, какая духота шла отъ этой груды мусора! Свѣжій человѣкъ безъ привычки прямо задыхался. Подумайте теперь, что у насъ натаскано въ душѣ за 20 — 30 — 40 — 50 лѣтъ жизни? Постройка въ 20—30—40—50 этажей, и чѣмъ все это заполнено? Если тоже всякимъ мусоромъ и отбросомъ жизни, то мудрено ли, что всѣмъ намъ тяжело жить, душно,—что мы задыхаемся отъ удушья зла и неправды? Милліоны людей тысячи лѣтъ дышатъ завистью, злобою, корыстью и всякимъ распутствомъ, ну, и надышали такъ, что самимъ нѣтъ силы долѣе терпѣть. Надо пересмотрѣть всю свою жизнь, пройтись по всѣмъ этажамъ, заглянуть въ каждый уголокъ души; надо очиститься самому, если хотимъ, чтобъ очистилась вся душа. Въ большихъ городахъ, въ большихъ домахъ бываютъ выгребныя ямы. Ихъ всячески стараются укрыть, плотнѣе закупорить, и то отъ нихъ идетъ зараза, которая отравляетъ воздухъ городовъ и порождаетъ болѣзни, убиваетъ жизнь. Ихъ стараются чаще и лучше чистить, обеззараживать. Если посмотрѣть на насъ предъ судомъ Божіей правды, то всѣ мы до такой степени полны всякими сквернами, что ходимъ среди людей, какъ живыя отбросныя ямы. Надо и намъ чаще и лучше себя чистить, оббеззараживать.

„Великій я грѣшникъ былъ, — говорилъ дряхлый Варваръ, — и былъ спокоенъ. Совѣсть

спала. Когда же заглянулъ къ себѣ въ душу, припомнилъ всю свою жизнь, — страшно стало! Затрепетала во мнѣ совѣсть, и пролитыя слезы покаянія смыли всю пролитую мною невинную кровь. Легко у меня теперь на сердцѣ. Вѣрю я, простилъ мнѣ Господь. Спокойно жду, когда призоветъ Онъ меня къ Себѣ. Дай Богъ и вамъ, друзья мои, такъ устроить свою жизнь, чтобъ и вы, отходя къ Богу, радостно могли сказать: „Нынѣ отпускаешь, Владыко, раба Твоего съ миромъ“.

Говорилъ, бывало, такъ грозный нѣкогда Варваръ, и любовно звучалъ его голосъ, свѣтло глядѣли его старческіе глаза. Любовно и свѣтло становилось на душѣ и у слушателей. Умеръ, наконецъ, Варваръ. Со слезами проводили его толпы людей въ могилу. Долго они потомъ вспоминали кроткаго старца, и много свѣту внесли въ ихъ жизнь его сердечныя, задушевныя рѣчи, искренній призывъ къ покаянію. Дай Богъ, чтобъ и для насъ съ вами, читатель, разсказанное не прошло безъ слѣда.

Прозрѣлъ.

Съ Петромъ Ивановичемъ Тюринымъ случилась какая-то перемѣна. Еще съ осени онъ сталъ молчаливъ, рѣдко показывался въ люди, часто замолкалъ среди разговоровъ, отвѣчалъ невпопадъ, словно былъ занятъ своей особой думой. На новый годъ онъ закрылъ торговлю виномъ, которая много лѣтъ давала ему хорошій барышъ. У него остались только хлѣбные лабазы и мелочная лавка, да и въ той онъ вмѣсто табаку завелъ продажу книгъ, а за выручку въ лавкѣ сталъ самъ.

— Петръ Ивановичъ, — дивились товарищи-купцы, — что это сталося съ тобой? Бросилъ доходную торговлю; на старости лѣтъ именитый купецъ самъ полѣзъ за прилавокъ; наклалъ книжекъ на полку. У насъ испоконъ вѣку не видано въ городѣ такого товару.

— То-то и горе наше, — отвѣчалъ Тюринъ, — что всякаго товару у насъ много, а этого, книгъ, нѣтъ и въ заводѣ. Спичекъ, свѣчъ, керосину, чтобъ освѣтить комнаты вечеромъ, вездѣ найдешь, а свѣту для души, добраго

слова, разумной книги въ иномъ мѣстѣ и на сотню верстъ не сыщешь. Я послѣднее время много думалъ надъ нашею жизнью и дивлюсь, какъ мы еще хуже не живемъ. Совсѣмъ вѣдь слѣпые мы всѣ. Впрочемъ, слѣпой попроситъ, его зрячіе выведутъ на дорогу; а намъ въ духовной слѣпотѣ и проводника негдѣ найти. Поторкается, поторкается иной въ одну, другую сторону, — нѣтъ выхода; ну и махнетъ рукой, скажетъ: „Видно, не про насъ свѣтъ и правда на землѣ“. Къ примѣру сказать, какъ вамъ покажется такой случай. Съ осени началъ я дома обучать своего парнишку. Понадобились учебники. Учитель составилъ списокъ. Поѣхалъ я въ Москву за товаромъ; захватилъ и списокъ. Захожу въ Москвѣ въ книжный магазинъ. Приказчиковъ человѣкъ десятокъ; книгъ разныхъ видимо-невидимо; за одними зеркальными стеклами на окнахъ лежатъ цѣлыя сотни. Пока приказчикъ отбиралъ мнѣ книги, въ магазинъ вошелъ мужичокъ.

„— Чего тебѣ, любезный? — спрашиваютъ продавцы.

„— Евангелье бы мнѣ, книгу слова Божія.

„— У насъ нѣтъ.

„— Какъ нѣтъ? Сколько всякихъ книгъ, а главной книги, Христовой, нѣтъ? Гдѣ же тогда она есть?

„— Ступай вотъ напротивъ въ магазинъ, тамъ спроси.

„— Былъ. Говорятъ, нѣтъ; къ вамъ послали.

„— У насъ тоже нѣтъ. Мы торгуемъ только учеными и учебными книгами.

„— А эта, Евангелье, — какая же книга? — дивится мужикъ. — Развѣ это не учебникъ? Чево жъ еще важнѣе учебника? Гдѣ же и учиться Божьей жизни, какъ не въ Евангеліи?

„— Ну, ну, не разговаривай! Сказано, нѣтъ, значитъ, и нѣтъ. Иди себѣ съ Богомъ“.

Мужикъ вышелъ. Мнѣ завернули книги, и я пошелъ за нимъ. Онъ шелъ, растерянно разводя руками и бормоча про себя:

— Ну и дѣла! По всей Москвѣ не сыскать книги слова Божія? Эвося, питейныхъ сколько! На каждомъ углу; такъ и манятъ: „Милости просимъ!“ А Евангелье полденъ ищу и сыскать не могу.

Я завернулъ за уголъ, но мужикъ у меня не шелъ изъ головы.

„Что же это, въ самомъ дѣлѣ, за порядки такіе? — думалъ я. — Христіанская страна; народъ крещенъ чуть не тысячу лѣтъ, а мужику за словомъ Христовымъ приходится ѣхать въ Москву, да и тамъ найти не можетъ. Неужели нельзя сдѣлать такъ, чтобъ Евангеліе продавалось вездѣ: во всякомъ храмѣ, въ каждой лавчонкѣ, въ почтовой конторѣ, въ волостномъ правленіи, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ?“

Иду я такъ, думаю, а въ голову новая мысль:

„Кого же это я сужу? А самъ-то я развѣ также не торговецъ? Тридцать лѣтъ всякой всячиной торгую; съ одного хлѣба въ лабазахъ большія тысячи нажилъ, а слова Божія, хлѣба духовнаго, ни на рубль не продалъ“.

Всѣ дѣла на Москвѣ справилъ. Пора домой ѣхать, не могу; чувствую, что я чего-то не сдѣлалъ и не сдѣлалъ важнаго. Думаю, не забылъ ли чего-нибудь. Сталъ перебирать все, что сдѣлалъ за день, — понялъ: надо взять съ собой Евангелій для продажи. Съ большимъ трудомъ разыскалъ складъ книгъ священнаго Писанія, купилъ сотню Новыхъ завѣтовъ, привезъ домой, далъ приказчику въ лавкѣ и говорю:

— Положи подъ прилавокъ. При случаѣ, зайдетъ разговоръ, предлагай покупателямъ; скажи: „у насъ-де хозяинъ привезъ сотню книгъ слова Божія“.

Прошла недѣля. Сижу какъ-то въ лавкѣ, чай пью.

— Продалъ хоть одну книгу? — спрашиваю приказчика.

— Нѣтъ. А вотъ табаку надо выписать. Смотрите, полки совсѣмъ опустѣли.

При этихъ словахъ меня словно осѣнило свыше.

„Книги слова Божія не продали ни одной, а пачекъ табаку за недѣлю разошлись сотни.

Нѣтъ ли и моей тутъ вины?—думаю про себя. — Табакъ-то вонъ лежитъ на видномъ мѣстѣ, подъ стекломъ; пачки съ картинками разложены красиво, сами лѣзутъ въ глаза, манятъ покупателя. Товаръ такъ и кричитъ: „купи, купи меня! попробуй!“ Евангелія же лежатъ подъ прилавкомъ. Это не дѣло. На табакъ у людей охота и безъ приманки есть, а охоту къ слову Божію надо еще пробудить. Люди за словомъ Божіимъ не идутъ; надо сдѣлать, чтобъ оно само шло къ нимъ“.

Велѣлъ освободить табачный шкапчикъ, разложилъ тамъ по полкамъ Евангелія. На другой же день продали нѣсколько штукъ. Зайдетъ одинъ, другой покупатель:

— Это что такое въ шкафу?.. Евангеліе?.. Дайте посмотрѣть.

Посмотрятъ, посмотрятъ, кое-кто и купитъ. Стали въ базарный день заходить мужики. Въ мѣсяцъ разобрали сотню. Берутъ и всѣ спасибо говорятъ. Никогда у меня раньше такой радости отъ торговли не было. Передаю книгу и думаю: „Вотъ еще зажжется искорка въ непроглядной мглѣ“. Зашелъ разъ мужикъ, въ большихъ лѣтахъ старикъ.

— Сказываютъ, господинъ купецъ, Евангелія есть у тебя. Дай-кася мнѣ эту Божью книгу. Много лѣтъ на свѣтѣ прожилъ, много всякой погани въ рукахъ держалъ, много и непутеваго слышалъ, а Христовой книги у себя въ домѣ не токмо что читать, али слы-

шать, а и видѣть не доводилось. Сынъ-солдатъ на службѣ былъ, обучился грамотѣ. Пусть читаетъ намъ всѣмъ въ избѣ. Тошно ужъ больно отъ нашей темноты. Думается, слово-то Божіе, какъ гроза, всяку духоту очиститъ. Спасибо тебѣ, что завелъ такую торговлю. Съ этимъ товаромъ не обанкрутишься. Господь, братъ, тебѣ свои проценты заплатитъ.

Выписалъ еще сотню Новыхъ завѣтовъ да заодно прихватилъ и другихъ добрыхъ разумныхъ книгъ. Торговля пошла ходко. Только продавать-то книги я продаю, а самъ чаще и чаще задумываюсь:

„Какъ же это такъ? Радуюсь, что другіе отъ меня свѣтъ домой несутъ, а самъ въ книгу Свѣта еще ни разу не заглянулъ. Всякій другой товаръ расхвалить могу; знаю его добротность и цѣну, а въ этомъ совсѣмъ несвѣдущъ“.

Началъ читать. Сначала ничего. Потомъ все больше и больше стало захватывать. Все равно, какъ въ невѣдомую диковинную страну зашелъ: и то любо, и другое интересно, и на третье манитъ. А въ головѣ мыслей куча и все одна другой свѣтлѣй. Словно птицы по веснѣ изъ теплой страны стаей прилетѣли. Иное мѣсто прочитаешь 5—10 строкъ, а думъ хватитъ на недѣлю. Такъ-то, друзья мои, отъ чтенія слова Божія все мое нутро перевернулось. Понялъ я, что значатъ слова Христовы: „Я — Истина, Путь и Жизнь“. И впрямь, только

вѣдь то и жизнь, что по Христову закону. Развѣ это жизнь, что я 50 лѣтъ жилъ: ни себѣ, ни Богу, ни людямъ? Умрешь, съ собой вѣдь ничего не возьмешь, а и здѣсь радости мало: вертишься, какъ бѣлка въ колесѣ. Для чего, самъ не знаешь; ровно какъ машина какая: завели тебя, и качаешься. Евангеліе научило. Выходитъ, весь Божій міръ на манеръ какъ бы помѣстье Божье, а мы всѣ какъ Божьи работники; каждый приставленъ къ своему дѣлу, сполняетъ особую работу, а конецъ у всѣхъ долженъ быть одинъ: доходъ Хозяину, преумноженіе добра и правды Божьей на землѣ. Что ты дѣлаешь: торгуешь, землю пашешь, дѣтей учишь, корабли строишь, у станка работаешь, — это все равно, — важно одно, прибавляется ли отъ твоей жизни добра и правды на землѣ. Тутъ я сильно задумался. Прожилъ на свѣтѣ уже много годовъ, а Хозяину, кажись, еще ничего не сработалъ. Подумать, такъ отъ моей жизни Божьему дѣлу, пожалуй, одинъ убытокъ былъ. Взять хоть кабакъ мой да питейную лавку? Сколько чрезъ нихъ зла было въ людяхъ; сколько пропито трудовыхъ денегъ, сколько драки, слезъ, брани! Оно, положимъ, скажете, не я, такъ другой торговалъ бы водкой. Вѣрно; да мнѣ-то это не оправданіе. Если на дорогѣ спитъ пьяный, или по лѣсу идетъ слабый ребенокъ и ихъ кто-нибудь непремѣнно ограбитъ, это не оправдываетъ меня, если я ихъ оберу, сказавъ: „не я, такъ другой“. Не

по сердцу стали мнѣ барыши съ водки. Кстати, въ другихъ книжечкахъ (сталъ и ихъ читать) прочелъ небольшую исторію. Въ Англіи есть большое общество распространенія священнаго Писанія по всему свѣту на разныхъ языкахъ. Собираются пожертвованія, и на собранныя деньги по дешевой цѣнѣ, а то и даромъ разсылается слово Божіе по всѣмъ странамъ. Однажды оказалось, что два главныхъ члена, богатые купцы, которые каждый годъ жертвовали въ Лондонѣ десятки тысячъ на распространеніе Библіи, въ Индіи имѣли громадныя фабрики, гдѣ выдѣлывали для индусовъ бронзовыхъ идоловъ, продавали ихъ сотнями тысячъ и получали богатый доходъ. Тогда имъ сказали, что нельзя одной рукой распространять идоловъ, а другой — Библію; стыдно христіанину милліоны наживать на идолопоклонствѣ и тысячи изъ нихъ жертвовать на проповѣдь христіанства.

Исторія попала мнѣ не въ бровь, а въ глазъ. Понялъ я, что плохой тотъ работникъ для Бога, кто въ одной лавочкѣ продаетъ, между прочимъ, книги Христова благовѣстія, а въ двухъ питейныхъ торгуетъ водкой. Рѣшилъ закрыть винную торговлю. Оно, конечно, доходу моего сильно убавилось, да у меня мысли ужъ въ другую сторону пошли. Мнѣ дорогъ сталъ Божій доходъ. Въ Евангеліи сказано: „Гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше“.

Поняли теперь купцы, почему Петръ Ивановичъ ходилъ долго задумавшись; поняли, почему на старости лѣтъ онъ самъ и за книжный прилавокъ сталъ. Петръ Ивановичъ прозрѣлъ, уразумѣлъ главное дѣло человѣка. Въ Божьемъ помѣстьѣ прибавился новый исправный работникъ. Давай Богъ ему силы! Пошли Господь и помощниковъ ему!

Спаситель и грѣшники.

I.

Іоаннъ Креститель призывалъ людей къ покаянію. Тѣмъ же призывомъ начинается и проповѣдь Іисуса Христа. Евангелистъ Матѳей, говоря о выступленіи Іисуса на дѣло спасенія, прибавляетъ: „Съ того времени Іисусъ началъ проповѣдывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное“ (Мѳ. IV, 17). „Если не покаетесь, — сказано въ Евангеліи Іоанна, — не можете войти въ Царствіе Божіе“. Покаяніе это — первое, съ чего должно начинаться доброе обновленіе человѣка; безъ него невозможно никакое духовное улучшеніе нашей жизни.

„Люди, изнывающіе подъ бременемъ неправды и беззаконія, — обратился къ міру Іисусъ Христосъ, — та жизнь, которую вы создали себѣ, не можетъ дать вамъ искомаго покоя души, не принесетъ вамъ довольства собою. Ваши пророки: хитрость, насиліе, распутство, ненависть и многое другое безъ конца, — все это — зло, а зло и рождаетъ вамъ только зло; истинное же счастье, высшее благо есть добро, которое и рождается только добромъ, доброю,

чистою, Божьею жизнью. Вы истомились подъ бременемъ грѣха, васъ давитъ гнетъ человѣческой неправды, — придите ко Мнѣ и научитесь отъ Меня. Мои слова прольютъ цѣлебный бальзамъ въ ваши измученныя, больныя сердца. Я укажу вамъ путь, который принесетъ покой вашей душѣ. Покоритесь Моему ученію, идите колеей, которую Я проложилъ предъ вами, и вы увидите, что иго Мое благо, и бремя Мое легко. На смѣну долгой безпросвѣтной удушливой ночи съ Моимъ вступленіемъ въ міръ занимается заря свѣтлаго, тихаго дня. Давно ждали люди дня избавленія. Теперь времена исполнились. Приблизилось Царство Божіе. Оно близко, оно вотъ тутъ, подлѣ васъ, вокругъ васъ, но нужно, чтобъ оно было въ васъ, чтобъ оно проникло и охватило собою ваше сердце. Очистите въ вашемъ сердцѣ мѣсто для Бога, дайте въ вашей жизни просторъ правдѣ и добру, освободитесь отъ засорившихъ вашу душу грѣховъ, покайтесь“.

Безъ покаянія нельзя стать сыномъ Божіимъ, нельзя быть ученикомъ Христа. Бесѣда Іисуса съ Никодимомъ прекрасно это поясняетъ. Одинъ изъ начальниковъ іудейскихъ, нѣкто именемъ Никодимъ, пришелъ къ Іисусу ночью и сказалъ Ему: „Равви! мы знаемъ, что Ты — учитель, пришедшій отъ Бога, ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ“. Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „Истинно, истинно го-

ворю тебѣ: если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть Царствія Божія“ (Іоан. III, 1—3). Этимъ отвѣтомъ Іисусъ хотѣлъ какъ бы сказать: „Постой, Никодимъ! Ты называешь себя Моимъ ученикомъ, — почему? Ты видѣлъ Мои чудеса и поразился ими; а понялъ ли ты глубокій смыслъ Моихъ рѣчей? внималъ ли ты съ замираніемъ сердца Моему призыву къ Царствію Божію? отозвалось ли Мое слово въ твоей душѣ? стала ли мерзкою тебѣ твоя прошлая преступная жизнь? рѣшилъ ли ты сбросить съ себя, какъ тяжелую обузу, твои слабости, недостатки, пороки? проливалъ ли ты слезы надъ твоими беззаконіями? смылъ ли ты ими съ себя грѣховную грязь? Не всякій говорящій мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ Царствіе Божіе, но исполняющій волю Отца Моего Небеснаго. Уразумѣлъ ли ты все это? Кто хочетъ итти за Мною, тотъ долженъ освободиться отъ прежнихъ своихъ порочныхъ навыковъ, сбросить съ себя грѣхъ, какъ грязную одежду, отречься съ омерзѣніемъ отъ всей прежней распущенной жизни, начать жить совсѣмъ по-новому, словно онъ только что родился. Истинно, истинно говорю тебѣ, — заключилъ Іисусъ свою бесѣду съ Никодимомъ: — если кто не покается въ сердцѣ, не обновится душою, не родится духомъ свыше, не можетъ увидѣть Царствія Божія“.

Такъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ призывалъ людей къ новой благодатной праведной жизни, и когда слово Его доходило кому до

сердца, вызывало изъ глубины души вздохъ раскаянія и слезы сокрушенія на глаза, какою трогательною заботою и нѣжною любовью Онъ окружалъ тогда кающагося грѣшника! Какъ пастухъ бережно несетъ на плечахъ найденную отсталую овечку, какъ отецъ радостно встрѣчаетъ пропадавшаго безъ вѣсти сына, какъ насѣдка любовно укрываетъ и грѣетъ подъ своимъ крыломъ слабаго птенца, такъ Христосъ Спаситель отечески привлекалъ къ Себѣ всѣхъ сокрушенныхъ сердцемъ, всѣхъ плачущихъ о беззаконіяхъ своихъ. Предъ судомъ Его любви и правды не было злодѣянія, которое не могло бы быть смыто слезами покаянія, и Онъ широко раскрывалъ предъ кающимися блудницами, грѣшниками и мытарями двери Своего сердца, щедро предлагалъ имъ все богатство Своей безпредѣльной любви. Мытаря Матѳея Онъ дѣлаетъ Своимъ апостоломъ; къ начальнику мытарей, Закхею, Самъ идетъ на вечерю въ домъ; цѣлые часы бесѣдуетъ съ самарянкою, которой зазорно и показаться людямъ; отъ презираемой всѣми грѣшницы благодарно принимаетъ помазаніе; распятаго разбойника первымъ изъ людей вводитъ съ Собою въ чертоги небеснаго Отца. Евангеліе такъ умилительно повѣствуетъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, что на нихъ слѣдуетъ остановиться подробнѣй.

Въ Іерихонѣ было большое движеніе. Окруженный густыми толпами народа Іисусъ про-

ходитъ чрезъ городъ. Пользуясь случаемъ, нѣкто, именемъ Закхей, начальникъ мытарей и человѣкъ богатый, искалъ видѣть Іисуса, но не зналъ, какъ это сдѣлать. Подойти близко онъ не рѣшался: считалъ себя недостойнымъ. При одномъ воспоминаніи о прошломъ густая краска стыда заливала лицо Закхея, и у него мучительно щемило сердце. Мѣсто ли ему, грабителю народа, разорителю слабыхъ и беззащитныхъ, подлѣ Великаго Учителя любви и правды? Нѣтъ, Закхей согласенъ скорѣе провалиться сквозь землю, нежели стать подлѣ этого неимущаго Праведника и видѣть на себѣ взглядъ Его чистыхъ очей, которыя, говорятъ, проникаютъ до глубины души и читаютъ сокровенное въ сердцѣ. А видѣть неудержимо хочется! Закхей столько слыхалъ о благости и святости проходившаго теперь чрезъ Іерихонъ Іисуса, что вся душа его рвалась къ Нему. И въ своей жизни и въ жизни другихъ людей Закхей такъ мало видѣлъ правды, что дорого далъ бы, лишь бы взглянуть на Того, Кто Самъ былъ—Истина и истинѣ училъ другихъ. На горе Закхей малъ ростомъ и не можетъ за людьми издали видѣть Іисуса. Тогда онъ побѣжалъ впередъ, взлѣзъ при дорогѣ на смоковницу и ждалъ, когда Іисусъ пойдетъ мимо. Одного желалъ Закхей: видѣть Іисуса, и вдругъ Іисусъ, когда пришелъ на это мѣсто, взглянувъ, увидѣлъ Закхея и сказалъ ему: „Закхей! Сойди скорѣе, ибо сегодня надобно

Мнѣ быть у тебя въ домѣ". Закхей, не помня себя, ринулся съ дерева и съ радостью принялъ Іисуса у себя. Немногихъ словъ Спасителя было достаточно, чтобы сердце Закхея мгновенно переродилось. Мысль, что Іисусъ, Величайшій Праведникъ, не гнушается имъ, безчестнымъ лихоимцемъ, словно молнія озарила его темную душу. Закхей воспрянулъ духомъ. Пусть другіе продолжаютъ презирать его, какъ обидчика, грабителя, лиходѣя. Закхею стало ясно, что для него не все еще погибло предъ Богомъ, что внутри его сохранилась какая-то искра Божія, которая дорога его Великому Гостю и которая теперь станетъ самымъ цѣннымъ достояніемъ всей его дальнѣйшей жизни. Все, ради чего Закхей прежде такъ нагло попиралъ добро и правду, теперь въ его глазахъ утратило цѣнность. Ему важно одно: сохранить за собою то благоволеніе, съ какимъ неожиданно отнесся къ нему Іисусъ. И Закхей, — какъ говорится въ Евангеліи, — ставъ, сказалъ Іисусу: „Господи! половину имѣнія моего отдамъ нищимъ и, если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо". Іисусъ сказалъ ему: „Нынѣ пришло спасеніе дому сему" (Лук. XIX, 8 — 9). Десятки минутъ тому назадъ, взлѣзая на смоковницу, чтобы хотя издали видѣть проходящаго Іисуса, думалъ ли Закхей, что съ нимъ произойдетъ такая перемѣна? Такъ силенъ Господь Своимъ словомъ спасти и тяжкаго грѣшника, лишь бы онъ не

отвращался совсѣмъ отъ правды Божіей, лишь бы онъ, какъ и Закхей, желалъ хотя бы издали видѣть Іисуса.

II.

Іисусъ былъ на вечери въ домѣ фарисея Симона. Непривѣтливо встрѣтилъ хозяинъ Великаго Гостя: не далъ ему при встрѣчѣ поцѣлуя въ уста, не обмылъ ногъ при входѣ, не умастилъ головы предъ пиромъ. Когда всѣ возлегли за вечерю, къ Іисусу подошла женщина съ дорогимъ алавастровымъ сосудомъ мира. Боязно она входила въ домъ, несмѣло приблизилась и къ ногамъ Іисуса. Позорную жизнь она вела доселѣ. Сама безъ стыда не могла говорить и думать о себѣ. Въ шумныхъ пирахъ и въ буйномъ весельѣ проходили всѣ ея дни, а на сердцѣ постоянно лежала тоска. Въ дни ея легкомысленной юности никто не далъ ей добраго совѣта, никто не удержалъ предъ широкимъ путемъ соблазна, а теперь всѣ отвернулись, сторонятся, тычутъ пальцами, съ презрѣніемъ произносятъ самое имя. Никто не пожалѣетъ, никто не заглянетъ въ душу; никто не знаетъ, какъ часто послѣ шумнаго пира она горько рыдаетъ на ложѣ изъ шелка, съ какимъ отвращеніемъ срываетъ запястья и ожерелья, купленныя цѣною позора. О, если бы ей хоть одно слово участья, одинъ добрый, привѣтливый взглядъ! Истомилась она и отъ людского позора и отъ своего стыда. Слышала

она, что Великій Праведникъ Іисусъ никого не отстраняетъ отъ Себя, что къ Нему многіе обращались съ мучительною скорьбью, и Онъ любовно утѣшаетъ всѣхъ. На Него она возлагаетъ послѣднюю надежду и, запасшись дорогимъ мѵромъ, идетъ въ домъ, гдѣ возлежитъ на вечери Іисусъ. И стыдъ и страхъ замедляютъ ея шаги. А что, если Чистый и Безгрѣшный отстранится отъ ея порочной нечистоты? Затаивъ дыханіе, не проронивъ ни слова, она робко опустилась къ ногамъ друга мытырей, и Онъ не оттолкнулъ ея. Тогда вся скорбь, вся горечь жизни вырвались наружу: съ рыданіемъ обхватила бѣдная грѣшница ноги Іисуса и благодарно цѣловала ихъ! Слезы текли обильными струями и обмывали ступни пречистыхъ ногъ. Волосы ея, которые она убирала съ такимъ искусствомъ и красою, распустились, и она вытирала ими слѣды своихъ слезъ. Затѣмъ она разбила принесенный сосудъ и мазала мѵромъ ноги Іисуса. Видя это, фарисей, пригласившій Его, сказалъ самъ въ себѣ: „Если бы Онъ былъ пророкъ, то зналъ бы, кто и какая женщина прикасается къ Нему, ибо она грѣшница“. Симонъ такъ разсуждалъ, зная прежнюю жизнь рыдавшей женщины: но Іисусъ судилъ иначе. Онъ читалъ сердца людей и зналъ, что подлѣ Него нѣтъ болѣе недавней грѣшницы: вся грязь ея души была омыта горючими слезами раскаянія, и теперь у ногъ Его лежала женщина, у которой красота возро-

жденной души затмила красоту тѣла. Сердцевѣдецъ Господь зналъ, что теперь скорѣе рѣка повернетъ свое теченіе назадъ, чѣмъ эта женщина возвратится къ прежней жизни, и потому, обратившись къ ней, сказалъ: „Прощаются тебѣ грѣхи, вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ“.

И пошла женщина въ домъ свой, радуясь. Исполнилось надъ ней обѣщаніе Спасителя: „Блаженны плачущіе: они утѣшатся“. Она мѵро и слезы принесла къ ногамъ Іисуса, а отъ Него унесла миръ въ сердцѣ своемъ.

III.

Былъ въ Іерусалимѣ праздникъ. Іисусъ Христосъ сидѣлъ въ одномъ изъ притворовъ храма и поучалъ народъ. Слушатели плотной стѣной окружали Спасителя и въ безмолвіи жадно ловили каждое Его слово. Вдругъ неистовые крики нарушили благоговѣйную тишину. Всѣ оглянулись. Толпа фарисеевъ, злобно потрясая руками, влекла къ Іисусу полураздѣтую, растрепанную, пораженную стыдомъ и ужасомъ женщину.

— Учитель! — кричали они. — Эта женщина взята въ прелюбодѣяніи. Моисей въ законѣ повелѣлъ намъ побивать такихъ камнями. Ты что на это скажешь?

Они знали Его необычайное милосердіе, ко-
любило тамъ, гдѣ другіе ненавидѣли;

восхваляло, гдѣ другіе сокрушали. Они знали, что мытарь былъ среди Его избранныхъ учениковъ; грѣшники сидѣли рядомъ съ Нимъ на пиршествахъ, и блудницы безпрепятственно омывали Ему ноги и слушали ученіе Его. Они все это знали и потому думали, что своимъ вопросомъ поставили Іисуса Христа въ безвыходное положеніе: или Онъ проститъ грѣшницу и тѣмъ нарушитъ Моисеевъ законъ, или осудитъ ее и тѣмъ оттолкнетъ отъ Себя народъ, который такъ цѣнитъ Его милосердіе ко всѣмъ обездоленнымъ судьбою. Но Іисусъ поступилъ, какъ они не ждали. Онъ хорошо понималъ ихъ злобу, коварство, огрубѣніе души, и они предъ судомъ Его правды были преступнѣе приведенной ими блудницы. Съ глубокою скорбью въ сердцѣ выслушалъ Онъ ихъ суровый вопросъ, поникъ лицомъ и молча сталъ чертить пальцемъ на землѣ. Не поняли они скорби Спасителя и снова повторили: „Ты что намъ скажешь?"

Поднялъ на нихъ глаза Іисусъ: ни тѣни стыда въ лукавыхъ взглядахъ ни слѣда жалости въ каменныхъ сердцахъ. Имъ ли судить женщину? Имъ ли побивать другихъ камнями? О, если бы они поняли, какимъ камнемъ тяжелымъ на совѣсти у нихъ лежитъ ихъ собственный грѣхъ!

Мелькомъ взглянулъ на нихъ Іисусъ, но въ его взорѣ они ясно прочли, что Ему открыто сокровенное ихъ сердца, что Онъ знаетъ цѣну

ихъ собственной души, и когда Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ. „Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень“, — ни у кого не поднималась рука. Съ краской жгучаго стыда на лицѣ и съ смущеннымъ сердцемъ обличители молча разошлись. Остались Іисусъ и грѣшница. По словамъ одного церковнаго писателя, въ храмѣ теперь были двое: горе и милосердіе. Могла бы уйти и женщина, ее болѣе никто не удерживалъ, но она сама оставалась неподвижной. Ея руки и ноги были свободны, но сердце оказалось прикованнымъ къ Іисусу. Онъ одинъ пожалѣлъ ее, оскверненную предъ Богомъ и опозоренную предъ людьми; одинъ далъ понять ей, что она не погибла еще безъ возврата, что и ей еще есть надежда стать достойною Его небесной любви. И новая любовь, любовь не грѣшная, плотская, а чистая, духовная, святая—охватила ея душу. Лицо стало невинно, взоръ непороченъ; не было уже болѣе блудницы; она переродилась, ей мерзкою казалась память о быломъ.

Посмотрѣлъ на нее Сердцевѣдецъ Господь и сказалъ: „Женщина! Гдѣ обвинители твои? Никто тебя не осудилъ?“

— Никто, Господи!

— И Я тебя не осуждаю. Иди и впредь не согрѣшай!

IV.

Въ храмъ вошли два человѣка помолиться; одинъ былъ фарисей, другой мытарь. Фари-

сей почетный, постоянный посѣтитель храма; ему здѣсь все знакомо, и его всѣ знаютъ. Съ величественно поднятою головою, величавой поступью проходитъ онъ среди разступающихся передъ нимъ богомольцевъ и становится на возвышеніи, на первомъ мѣстѣ. Его дѣла добродѣтели, какъ самъ онъ теперь, на виду у всѣхъ: онъ и въ храмѣ на молитвѣ, и въ постѣ, и въ благотвореніи, всегда и вездѣ впереди. Сознавая это, онъ съ чувствомъ глубокаго самодовольства говоритъ: „Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ другіе, какъ тотъ вотъ, напримѣръ, мытарь у порога“.

Фарисей собою доволенъ; снаружи, по видимости, онъ вполнѣ добродѣтельный человѣкъ и ему остается только горделиво любоваться собою. Что истинная жизнь — жизнь внутри, жизнь сердца; что Богу прежде всего надо служить не дѣлами внѣшняго благочестія, а духомъ и истиною, этого фарисей не понимаетъ. Его сердце глухо къ призыву покаянія. Тотъ, Кто сказалъ о Себѣ: „Я — Жизнь“, Своей жизни не находитъ въ фарисеѣ; фарисей не родился для Царства Божія. Иное дѣло мытарь. Онъ, несомнѣнно, человѣкъ порочный; вся жизнь его полна тяжелыхъ преступленій; его всѣ презираютъ, да и самъ онъ не высоко цѣнитъ себя. Подъ какимъ-то случайнымъ внушеніемъ, онъ сегодня вмѣстѣ съ другими вошелъ въ храмъ. Давно онъ не былъ въ домѣ Божьемъ; ему все чуждо, незнакомо. Окинулъ

онъ взоромъ своды и стѣны храма и, не рѣшаясь итти далѣе, робко остановился у порога. Отъ этихъ давно невиданныхъ священныхъ стѣнъ на него нахлынулъ рой былыхъ воспоминаній. Припомнилось ему, какъ онъ еще ребенкомъ ходилъ сюда съ родителями каждый праздникъ; здѣсь мать впервые научила его молитвенно складывать ручонки; любилъ онъ тогда сливаться съ тысячною толпою въ одинъ молитвенный вопль Израиля въ пѣніи умилительныхъ псалмовъ Давида. Какъ ясно звучалъ его дѣтскій голосъ, сколько душевной чистоты, восторженной любви къ Богу слышалось въ каждомъ звукѣ! Съ какимъ замираніемъ сердца внималъ онъ огненнымъ словамъ писаній древнихъ пророковъ. Какъ вмѣстѣ съ ними негодовалъ на беззаконія нечестивыхъ и въ духѣ и силѣ Иліи, Исаіи, Іереміи мечталъ служить Іеговѣ! Что сталось со всѣмъ этимъ? Вереницей проносятся въ памяти года за годами, и что дальше идетъ время, то все темнѣе становится на душѣ. Забыты и рѣчи матери и храмъ съ молитвою; забыты и совѣсть и дѣтскія мечты. Словно листья, подхваченные непогодой, мелькаютъ въ памяти образы прошлаго и тяжелымъ камнемъ давятъ его, гнетутъ голову на грудь. Дрогнуло черствое сердце, вспомнились силы постыдно погибшія; стало юность минувшую жаль; на глазахъ навернулись горючія слезы и, проливнеудержимымъ потокомъ, подобно ливню

въ знойную пору, освѣжили истомленную душу мытаря. Растаяли въ немъ злоба и ненависть къ людямъ; омылась слезами духовная грязь; обновилось, переродилось порочное сердце. Пришелъ въ храмъ мытарь великимъ грѣшникомъ, вышелъ сыномъ Царства Божія. „Истинно, истинно, — учитъ Евангеліе, — если не обратитесь и не раскаетесь, какъ мытарь, не можете войти въ Царство Божіе“.

[illegible]

[illegible]

развито нравственное чутье: мы встряхиваемся тогда лишь, когда насъ ужъ очень сильно ударитъ по нервамъ, поразитъ что-нибудь своею внезапностью, и потому на давленіе нравственнаго зла, какъ зла вѣкового, повсюду и всегда равномѣрно разлитаго, мы отзываемся слабо, а то и совсѣмъ молчимъ. Между тѣмъ, въ нравственномъ злѣ, въ отсутствіи въ жизни высшихъ началъ любви и совершенной правды лежитъ главный корень бѣдствій. Іисусъ Христосъ исцѣливъ разслабленнаго тѣломъ, въ напутствіе ему говоритъ: „Иди и больше не грѣши". Вдумайтесь въ эти слова глубже, и вы поймете, что основная причина такого, даже чисто физическаго бѣдствія, какъ переживаемый нами народный голодъ, лежитъ не столько въ истощаніи почвы соками плодородія, сколько въ истощаніи сердца живою братскою любовью, евангельскою заботою о меньшемъ братѣ, о темномъ, непросвѣщенномъ народѣ.

До боли грустно-убѣдительнымъ доказательствомъ страшной силы вѣковой нравственной заразы служитъ этотъ поруганный, оплеванный ликъ изображеннаго передъ нами голгоѳскаго Страдальца. Единственный разъ, за все существованія вселенной, Богъ полностью соединился съ человѣкомъ, вся правда и благость Божія воплотилась на землѣ, и надъ этою Правдою люди посмѣялись, оплевали, распяли Ее.

Вотъ на борьбу съ этой заразой, на борьбу упорную, нещадную, какъ на борьбу съ самымъ

основнымъ бѣдствіемъ всякаго времени и любой мѣстности и призываетъ насъ Христосъ. И Самъ Онъ ей отдаетъ всего Себя. Посмотрите, какъ полны самоотверженной работы всѣ дни Его служенія людямъ. Приходитъ ли къ Нему Никодимъ ночью, страха ради и стыда людского, Іисусъ охотно жертвуетъ для него Своимъ ночнымъ отдыхомъ послѣ цѣлодневной проповѣди толпамъ народа на улицахъ и площадяхъ Іерусалима. Сидитъ ли онъ усталый и голодный у колодца Іаковля, непривѣтливая жена-самарянка находитъ въ Немъ человѣка, Который гораздо болѣе жаждетъ спасеніи ея души, нежели воды, несмотря на весь зной и жажду. Борется ли Онъ въ саду Геѳсиманскомъ съ тоскою смерти, души Его учениковъ Ему такъ же дороги, какъ и въ другое время. Истекаетъ ли Онъ кровью на крестѣ, на поблѣднѣвшихъ, запекшихся устахъ Его находится глубоко прочувствованное слово утѣшенія разбойнику, который рядомъ съ нимъ въ раскаяніи кончаетъ свою нечестивую жизнь.

И за все это Іисусъ не ждетъ награды, не ищетъ похвалы. Онъ всегда видѣлъ предъ Собою Голгоѳу: зналъ, что предстоитъ Ему. Озвѣрѣлая толпа раздробитъ Ему тѣ руки, которыми Онъ питалъ ея голодныхъ; оплюетъ тѣ уста, которыми Онъ вѣщалъ ей столько любви и утѣшенія. Онъ возвратилъ изъ гроба сына вдовѣ Наинской, воскресилъ Іаиру дочь,— въ отвѣтъ на это народъ пошлетъ Его на крест-

ную смерть; будетъ кричать: „Распни Его!.. разбойника Варавву отпусти, а Іисуса распни!“

Все это Онъ зналъ, все предвидѣлъ и все же говорилъ: „Мнѣ должно дѣлать дѣло Пославшаго Меня“. Что бы тамъ Меня ни ждало, а нельзя стоять праздно. Позорно пользоваться лично благами жизни, когда кругомъ свирѣпствуетъ ужасная эпидемія зла и неправды, когда свирѣпыя волны насилія, безправія, кощунственнаго издѣвательства надъ истиною и добромъ грозятъ затопить въ людяхъ все доброе, честное, святое. Надо дѣлать дѣло Пославшаго насъ. И Онъ это дѣло дѣлалъ, дѣлалъ при жизни, дѣлалъ на крестѣ, продолжаетъ дѣлать даже заключенный въ гробъ. Своимъ мертвенно-покойнымъ, измученнымъ ликомъ съ безмолвнаго полотна Онъ властно вѣщаетъ намъ:

„Вы пришли къ Моей гробницѣ поклониться Моему страданію, облобызать Мое истерзанное терніемъ чело. Я говорю вамъ: „Сынъ Человѣческій пришелъ не затѣмъ, чтобы служили ему, но чтобы послужить другимъ“ (Мѳ. XX, 28). Идите и вы служите другимъ. Несите ваши поцѣлуи и любовь живымъ страдальцамъ въ мірѣ; срывайте терновые вѣнцы съ гонимыхъ среди васъ за правду, снимайте истину съ креста. Запечатлѣйте Мой ликъ не на холодномъ мертвомъ полотнѣ плащаницы, а въ живой душѣ, въ пылкомъ сердцѣ, и несите Мой образъ и Мою правду людямъ. И пусть даже васъ гонятъ за это и пусть даже распнутъ. Во

имя народной напасти вы забываете себя, забудьте же хотя бы въ лучшія минуты жизни о себѣ, во имя бѣды и напасти общечеловѣческой. Если вы умрете за правду, правда не умретъ; она разрушитъ всѣ преграды, сломитъ печати, вырвется изъ гроба. Правда жива, вѣчно жива; правдою же и люди живы, да правдою же только и жизнь красна“.

Живите этою правдою, а если нужно, то и умрите за нее!

Истина все одолѣетъ.

На Голгоѳѣ виситъ на крестѣ Іисусъ Назорей, Царь Іудейскій. Книжники и фарисеи торжествуютъ. Давно они добивались смерти ненавистнаго учителя кротости, Провозвѣстника новой, братски-любовной жизни, Устроителя Царствія Божія на землѣ. Имъ надо разжечь страсти въ народѣ, раздуть непримиримую вражду къ римлянамъ, поднять всю страну противъ поработителей, свергнуть чужеземное иго, освободить, расширить и возвеличить царство Іудейское, а Онъ проповѣдуетъ любовь ко врагамъ, незлобивость, всепрощающую кротость. Дать Ему волю,—Онъ увлечетъ за Собою весь народъ, и тогда придется разстаться съ мечтами о славѣ и могуществѣ Іудейскаго царства.— Нѣтъ!—порѣшили народные вожди, первосвященники, старѣйшины, члены синедріона.— Пусть лучше одинъ человѣкъ погибнетъ, хотя бы и невинно, чѣмъ цѣлому народу остаться въ рабствѣ навѣкъ.

И они осудили Іисуса, поругались надъ Нимъ, распяли Его среди двухъ злодѣевъ. Міръ содрогнулся отъ злодѣянія людей. Земля

затряслась, солнце померкло, все небо облегли мрачныя тучи.

Распяли, завалили камнемъ въ гробу, поставили стражу, наложили печать. Казалось имъ, они торжествуютъ: ничто не можетъ устоять противъ ихъ силы, ихъ хитрости, ихъ умѣнія обольщать народъ. Іисусъ Своимъ словомъ собиралъ вокругъ Себя несмѣтныя толпы, а они эти же толпы натравили на Него, и народъ потребовалъ свободы разбойнику Вараввѣ, а на Іисуса кричалъ: „Распни! распни Его!“ Іисусъ прикосновеніемъ руки воскрешалъ мертвыхъ, а они Его Самого осудили на смерть и распяли, какъ злодѣя. Теперь они спокойны: ихъ дѣламъ нѣтъ помѣхи. Они свободно могутъ сѣять въ народѣ злое сѣмя; Іисусъ въ гробу и крѣпко заваленъ тамъ камнемъ. Изъ могилы нѣтъ возврата.

Но недаромъ Іисусъ Христосъ, умирая, послѣднимъ словомъ произнесъ: „Совершилось!“ Тамъ, гдѣ зло видѣло свою полную побѣду, Спаситель указалъ его погибель, и начало торжества добра. На Голгоѳѣ всѣ силы ада ополчились на любовь и правду Божію, истощили всю свою власть и вмѣстѣ съ тѣмъ проявили свое полное конечное безсиліе противъ добра. Что еще могло зло добавить къ могильному камню, къ печатямъ и стражѣ? Ничего. Исчерпаны были всѣ средства зла: и подкупъ, и предательство, и лжесвидѣтельство, и грубое насиліе; гвоздемъ *прибили*, камнемъ

завалили, залили воскомъ, а прошло два дня... стража бѣжала, камень свалился, и Христосъ воскресшимъ вышелъ изъ гроба.

Распятый Христосъ воскресъ, а съ Нимъ вмѣстѣ воскресла распятая истина, поруганная любовь, оплеванная кротость. Нѣтъ той силы на землѣ, что устояла бы противъ силы добра; нѣтъ той власти, что сокрушила бы могущество любви, остановила бы навсегда торжество истины.

Власть добра.

На второй день Пасхи въ Сочи произошли безпорядки. Около качелей по обыкновенію собралось много народу разныхъ національностей; преобладали рабочіе. Саженяхъ въ 50-ти стояла толпа турокъ, изъ которыхъ нѣкоторые плясали по-своему. Вокругъ всей площади расположились кругомъ русскіе рабочіе, которые пѣли, играли, пили и т. п. Къ одной такой толпѣ подошелъ вдругъ турокъ, поваръ изъ одной харчевни, и, обратившись къ одному изъ русскихъ, потребовалъ съ него долгъ. Пьяный должникъ отвѣтилъ ударомъ въ ухо. Озлобленный турокъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и произвелъ изъ него два выстрѣла прямо въ толпу. Къ счастію, первые два выстрѣла, никого не ранили, а больше стрѣлять ему не пришлось; онъ былъ моментально избитъ и остался живъ, благодаря лишь заступничеству нѣкоторыхъ русскихъ же, которые дали ему возможность бѣжать. Но, къ сожалѣнію, эти два выстрѣла были искрой, брошенной въ порохъ. Все озлобленіе русскихъ рабочихъ противъ турокъ вырвалось въ одномъ крикѣ: „Бей турокъ! Хлѣбъ у насъ отымаете, да еще стрѣлять въ

насъ будете?“ — кричала озлобленная толпа, надвигаясь на турокъ. И хотя почти у каждаго турка появился въ рукахъ ножъ, тѣмъ не менѣе они были смяты и разсѣяны по всей площади. Русскіе гнались за ними по всѣмъ направленіямъ; въ тѣ дома, куда прятались турки, бросались камни; однимъ словомъ, начинался погромъ. Но вдругъ въ самый разгаръ сраженія на площадь явился начальникъ участка Жано безъ всякаго оружія, съ палкой въ рукахъ и въ сопровожденіи лишь одного городового. Появленіе этого чиновника произвело магическое дѣйствіе на озвѣрѣвшую толпу. Необходимо сообщить, что г.. Жано очень любимъ въ Сочи бѣднымъ русскимъ населеніемъ за справедливое къ нему отношеніе. Все стихло, и порядокъ было почти водворился.

Но вдругъ изъ-за угла вылетаетъ джигитъ-имеретинъ, сшибаетъ съ ногъ какую-то женщину: его бросаются задержать, онъ ловкими ударами нагайки отбивается отъ нападающихъ на него и, оставляя за собою цѣлый рядъ окровавленныхъ физіономій, пронесся чрезъ всю площадь и затѣмъ скрылся.

Тогда озлобленные русскіе бросаются на находившихся на площади имеретинъ, и свалка начинается вновь. Имеретины оказались противниками болѣе серіозными, чѣмъ турки; въ рукахъ каждаго изъ нихъ были кизилевыя палки, съ которыми они и вступили въ бой. Когда же они замѣтили, что не устоятъ про-

тивъ русскихъ, то у нѣкоторыхъ изъ нихъ появились въ рукахъ и кинжалы. Это обстоятельство смутило сперва русскихъ, но, замѣтивъ вблизи заборъ изъ кольевъ, они моментально вооружились ими и съ крикомъ „ура“ бросились вновь на имеретинъ. Одинъ изъ нихъ избитый, окровавленный, преслѣдуемый толпой съ камнями и палками въ рукахъ, не находя себѣ нигдѣ спасенія, направился прямо къ г. Жано и, упавъ передъ нимъ на колѣни и охвативъ его ноги, просилъ защитить отъ разъяренной толпы. Преслѣдовавшіе добѣжали вплоть до г. Жано, но тронуть имеретина не посмѣли. Моментъ былъ все-таки довольно опасенъ: одно неосторожное движеніе или слово г. Жано могло испортить все; но его популярность и тактичность сдѣлали свое дѣло: толпа смутилась нѣсколько, ей стало вдругъ неловко, и тогда одинъ изъ преслѣдовавшихъ имеретина, протискавшись впередъ и подойдя къ г. Жано, крикнулъ: „Христосъ воскресе, ваше высокоблагородіе!“ — „Воистину воскресъ“, отвѣтилъ тотъ, смутившись, видимо, и самъ отъ такого неожиданнаго поворота дѣла. Толпа успокоилась, порядокъ былъ возстановленъ.

Пьяная озвѣрѣлая толпа въ дикомъ озлобленіи все крушитъ на своемъ пути, ее не могутъ остановить ни твердыя, какъ сталь, кизилевыя палки, ни обнаженные кинжалы. Идетъ побоище насмерть. Вдругъ выходитъ къ этимъ людямъ-звѣрямъ одинъ человѣкъ,

и все сразу стихаетъ. Какъ ножомъ отрѣзало. Выпали изъ рукъ окровавленныя колья, разжались кулаки, потухъ злобный огонь въ глазахъ. Почему? Вышедшій г. Жано очень любимъ за свое доброе, сердечное, справедливое отношеніе къ этимъ забитымъ нуждою, заброшеннымъ, ради заработка, на чужбину бѣднякамъ. Любовь все побѣждаетъ. Явись цѣлый отрядъ городовыхъ, команда солдатъ, словомъ, — вооруженная сила, — произошла бы еще большая драка, а тутъ въ лицѣ одного человѣка, благороднаго г. Жано, явилась сила любви, и все утихло.

Дикое побоище кончилось трогательной сценой. У ногъ Жано дрожащій отъ смертельнаго страха, затравленный, избитый толпою имеретинъ; безоружный одинокій Жано и усмиренная недавно буйная толпа. Въ ней звѣрь утихъ, предъ любовью любовь заговорила.

— Христосъ воскресе! — слышится изъ толпы.

— Воистину воскресе! — отвѣчаетъ Жано.

— Воистину воскресе! — можемъ сказать и мы. Дѣйствительно, пять минутъ тому назадъ здѣсь мертвъ былъ Христосъ, въ сердцахъ толпы царила злоба, дикая звѣриная злоба; а пришла любовь, и Христосъ воскресъ.

Больше бы такихъ Жано вездѣ, больше бы любви, справедливости къ меньшему брату, — меньше бы надо было наказаній, строгихъ суровыхъ мѣръ.

Пріятная неожиданность.

Въ послѣдніе мѣсяцы жизни Владимира Сергѣевича Соловьева приходилось особенно часто встрѣчаться съ нимъ и иногда подолгу, за полночь, засиживаться въ бесѣдѣ. Однажды такъ заговорились до разсвѣта. Дѣло было на окраинѣ Петербурга. До квартиры Владимира Сергѣевича половину дороги предстояло итти пѣшкомъ. На счастье подвернулся извозчикъ.

— Извозчикъ, — говоримъ, — туда-то.

— Семьдесятъ пять копеекъ.

— Что ты? Четверть часа ѣзды... Довольно полтины.

— Ладно, вези, — говоритъ Владимиръ Сергѣевичъ, — получишь рубль.

Простился съ нами, сѣлъ и поѣхалъ. Мы, провожавшіе его, переглянулись, недоумѣвая такой, намъ казалось, странной выходки.

— Всегда такъ, — сказалъ одинъ изъ оставшихся, бывшій неизмѣннымъ спутникомъ покойнаго философа.

Прошло два мѣсяца. Смерть нежданно сразила Владимира Сергѣевича. Стали появляться воспоминанія близкихъ, интимныхъ друзей покойнаго, и оказалось, что щедрость Соловьева къ извозчикамъ, носильщикамъ на вокзалахъ, прислугѣ въ гостиницѣ — была его обычною чертою. Гдѣ довольно было пятіалтыннаго или двугривеннаго, онъ давалъ полтинники, рубли.

— Послушай, Владимиръ Сергѣевичъ, — говорилъ ему по этому поводу однажды его пріятель: — вѣдь это же нейдетъ совсѣмъ къ тебѣ. Къ чему ты шикаришь, словно юнкеръ какой или только что произведенный поручикъ?

— Совсѣмъ не то, — отвѣчалъ Владимиръ Сергѣевичъ. — Причина иная, не желаніе задать шикъ. Возьмемъ носильщика или посыльнаго; онъ ждетъ отъ меня самое большее два пятіалтынныхъ или двугривенныхъ — и вдругъ получаетъ два полтинника. Какая это для него неожиданность и неожиданность пріятная, а въ жизни *такъ мало пріятныхъ неожиданностей*. Въ жизни неожиданно чаще достаются всякаго рода подзатыльники и тычки, а не удовольствія. Отчего намъ съ тобою не доставить этому бѣдняку пріятной неожиданности, если къ тому же самая возможность намъ стоитъ такъ дешево? На какой-нибудь завтракъ или ужинъ при случаѣ мы бросаемъ, не жалѣя, десятки рублей, а тутъ полтинникомъ сколько принесемъ радости!

Придетъ съ пріятной неожиданностью (нашимъ полтинникомъ или рублемъ) носильщикъ домой и туда принесетъ радость: повеселѣетъ, хоть на минуту, замученная нуждой и работой жена, можетъ-быть, пятакъ перепадетъ дѣтишкамъ на лакомство—и тѣ будутъ счастливы. И все это на нашъ полтинникъ.

Удивительное дѣло: мелочь, но какъ эта мелочь вдругъ пріобрѣтаетъ большой смыслъ и какъ живо характеризуетъ человѣка! Тутъ въ ней сказывается весь человѣкъ.

Извѣстный художникъ Брюловъ какъ-то смотрѣлъ работы своихъ учениковъ. Одинъ изъ нихъ былъ талантливый юноша, но теперь онъ былъ самъ недоволенъ своей картиной. Брюловъ подошелъ къ нему, взялъ кисть и палитру, сдѣлалъ нѣсколько мазковъ—и картина ожила, краски заговорили.

— Удивительно,—сказалъ ученикъ профессору:—вы чуть-чуть только коснулись картины, и она изъ посредственной мазни стала произведеніемъ искусства.

— Другъ мой,—отвѣтилъ Брюловъ,—тамъ только и есть истинное искусство, гдѣ есть это *„чуть-чуть“*.

Точно такъ же можно сказать, что только тамъ и есть истинная мудрость, гдѣ во всякой мелочи, во всякомъ „чуть-чуточномъ“ уголкѣ жизни умѣютъ угадать и указать серіозный смыслъ, придать имъ значеніе.

Мы обычно пренебрегаемъ мелочами жизни, не обращаемъ на нихъ вниманія, а строго говоря, и вся-то жизнь наша большею частью слагается изъ мелочей, и характеръ этихъ мелочей далеко не безразличенъ. Какъ искра, если она падетъ на горючій матеріалъ, способна произвести большое пламя, такъ и мелочи жизни, при извѣстной обстановкѣ, могутъ оказать громадное вліяніе.

Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ прекрасно разъяснилъ, какъ какой-нибудь полтинникъ, явившійся пріятною неожиданностью, можетъ внести снопъ свѣтлыхъ лучей въ трудовую жизнь поденщика. Точно также и всякая другая пріятная неожиданность, какъ бы она ничтожна, повидимому, ни была, способна оказать громадное вліяніе.

Читатели, вѣроятно, еще помнятъ каторжника Морозова, который, обвиняемый въ убійствѣ съ цѣлью грабежа почтальона, пытался бѣжать изъ тюрьмы, для чего убилъ одного тюремнаго надзирателя, переодѣлся въ его костюмъ и вооружился револьверомъ, но на свою бѣду столкнулся съ другимъ надзирателемъ; пытался и его удушить, но неудачно. Тогда онъ, въ бѣшеной злобѣ отъ неудачи, заперся въ камерѣ и сталъ отстрѣливаться. Пришлось повести настоящую осаду. Томимый голодомъ и жаждой, Морозовъ капитулировалъ, но поставилъ условіемъ, чтобы пригласили товарища прокурора.

— Сдамся тому прокурору, который во время моей болѣзни приносилъ мнѣ лимоны, — говорилъ Морозовъ.

Оказывается, во время предварительнаго слѣдствія Морозовъ отъ долгаго сидѣнья въ тюрьмѣ заболѣлъ цынгою и допрашивавшій его товарищъ прокурора, узнавъ о болѣзни арестанта, нѣсколько разъ приносилъ ему лимоны. Убійца-Морозовъ смотрѣлъ на прокурора, какъ на врага, какъ на охотника, который травитъ захваченнаго облавой звѣря, заключеннаго арестанта, — и вдругъ этотъ врагъ-охотникъ жалѣетъ затравленнаго звѣря, хочетъ облегчить его страданія, приноситъ ему лѣкарство — лимоны. Пятокъ кислыхъ лимоновъ, явившійся пріятною неожиданностью, могуче подѣйствовалъ на озвѣрѣлую душу убійцы, обогрѣлъ, если не все, то уголокъ окоченѣлаго сердца. Въ самую мрачную минуту жизни Морозова лимоны явились ему свѣтлою точкою. Онъ охотно растерзалъ бы, если бы была сила, всю эту окружающую его команду; знаетъ онъ, что у нихъ его ждетъ только суровый законъ съ тяжелою карой, и онъ вспоминаетъ о прокурорѣ съ лимонами, убѣжденный, что если кто отнесется къ нему — новому убійцѣ — съ жалостью, то это, всего вѣроятнѣе, случайный врачъ — прокуроръ.

И это не исключительный, но обычный фактъ. *Пріятная неожиданность* дѣйствуетъ одинаково

благотворно всегда и вездѣ. Я знаю другой, не менѣе поразительный случай.

Въ одномъ пріютѣ воспитывалась дѣвочка, назовемъ — Катя Смирнова. Дѣти всѣ были подобраны, можно сказать, съ улицы, — хуже, съ самаго дна житейскаго омута. Одну десяти лѣтъ родная мать продала; другая видѣла, какъ на ея глазахъ отецъ зарѣзалъ жену, ея мать.

Воспитательница, женщина доброй души, не могла проникнуть въ душу Кати, добиться ея расположенія и довѣрія. Катя Смирнова держалась всегда въ сторонѣ отъ всѣхъ, отъ нея на всѣхъ вѣяло холодкомъ. Такъ она и вышла изъ пріюта и поступила на мѣсто. На бѣду ея, она вышла очень красивой дѣвушкой. На мѣстѣ оказался юноша-студентъ, сталъ Катю развивать. Финалъ оказался обычный, грустный. Повторилась исторія Катюши изъ „Воскресенья". Прошло три года послѣ выхода изъ пріюта, и Катя очутилась въ больницѣ, куда помѣщаютъ съ болѣзнью, о которой обычно не принято говорить.

Начальница пріюта издали продолжала слѣдить за судьбой Кати, какъ и судьбой, впрочемъ, всѣхъ бывшихъ питомицъ; не разъ пыталась оказать поддержку падающей Катѣ, та и слышать не хотѣла, — никого изъ пріюта не „пускала" къ себѣ на глаза.

Когда она была въ больницѣ, ей говорятъ однажды, что пришла ея бывшая воспитатель-

ница. Смирнова съ грубой, циничной бранью кричитъ:

— Гоните ее въ шею! Какого чорта ей надо отъ меня!

Въ это время открывается дверь, и начальница, не обращая вниманія на грубую брань Смирновой, бросается ей на шею, говоря:

— Катя!.. Бѣдная!..

Смирнова ждала упрековъ, наставленій, надоѣдливой воркотни, но та теплая ласка, сердечная жалость и всепрощающая любовь, которая послышалась ей въ словахъ: „Катя!.. Бѣдная!“.. — были ей неожиданностью. Они растопили ея озлобленное, ожесточенное сердце. Она разрыдалась и со слезами положила свою повязанную голову на грудь воспитательницы, которую только что гнала съ бранью.

Пріятная неожиданность для Кати со стороны воспитательницы и на нее самое подѣйствовала неожиданно благотворно.

Провожая гостью, Смирнова просила:

— Приходите еще и скорѣе! Такъ тяжело на сердцѣ; такая тоска давила всѣ эти годы, а облегчить горе не передъ кѣмъ было. Съ вами поплакала, — теперь легче. Приходите, родная.

По выходѣ изъ больницы, Смирнова стала иною; даже характеръ ея измѣнился къ лучшему.

— Отмякла, — говорила она сама.

Наконецъ, вотъ еще случай. Въ Англіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовалось общество для оказанія пособія отбывшимъ свой срокъ въ тюремномъ заключеніи. На первыхъ же порахъ дѣятельности общества попался интересный субъектъ. Ему было тридцать съ небольшимъ лѣтъ, а онъ за это время въ общей сложности успѣлъ уже въ исправительныхъ колоніяхъ и въ тюрьмахъ просидѣть восемнадцать лѣтъ. Казалось, это — закоренѣлый и неисправимый типъ рецидивиста. Судьи и смотрители тюремъ говорили:

— Съ нимъ ничего не подѣлаешь. Чтобы прекратить его преступную дѣятельность, есть только одно средство — висѣлица.

Къ тому же склонялось и большинство членовъ новаго общества. Одна изъ участницъ, однакоже, оставалась при особомъ мнѣніи.

— Я думаю, — говорила она, — что для него не все еще потеряно, что онъ не видалъ своими глазами выхода къ иной, лучшей, честной жизни. Ему надо этотъ выходъ показать.

Она взяла арестанта, по выходѣ изъ тюрьмы, на свое попеченіе. Отыскала ему вдали отъ Лондона мѣсто на фермѣ и пригласила его къ себѣ.

— Здравствуйте! — сказала она ему, протягивая руку, когда онъ вошелъ.— Я вамъ нашла работу и надѣюсь, что вы честно и усердно будете трудиться на новомъ мѣстѣ, что вы забудете все прежнее и станете другимъ, но-

вымъ человѣкомъ. Вотъ вамъ деньги на дорогу до мѣста. Поѣзжайте съ Богомъ!

Недавній арестантъ вздрогнулъ и, чтобы устоять, схватился даже за спинку стула.

— Какъ, мнѣ, закоренѣлому вору, тюремному жителю, вы протягиваете руку? Вы, благородная лэди? И довѣряете еще деньги, какъ честному рабочему? Да знаете ли, что я и сюда-то, къ вамъ, шелъ съ тѣмъ, чтобы высмотрѣть все сначала, а потомъ ограбить?

Хозяйка дома перебила:

— Это — старое, это — тюремная отрыжка... Такъ было прежде; а я вѣрю, что впредь этого не будетъ.

И она не ошиблась. Сознаніе, что люди не совсѣмъ потеряли въ него вѣру, что имъ не гнушаются, а даже благородная лэди какъ равному даетъ ему руку, встряхнуло его. Онъ привыкъ уже къ тому, что по выходѣ изъ тюрьмы ему давали очень много скучныхъ наставленій и немножко денегъ, а затѣмъ предоставляли судьбѣ, пока онъ снова не попадалъ въ тюрьму. Теперь отнеслись иначе, и это было для него не только пріятною, но и спасительною неожиданностью.

Все это — факты, которые ясно и краснорѣчиво говорятъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое могутъ производить пріятныя неожиданности.

Мы въ жизни всегда держимъ себя настороже, какъ-то искоса, сбоку посматриваемъ на

всякое новое лицо; чувствуемъ себя словно на боевой позиціи. Взаимное недовѣріе, другобоязнь передаются другимъ, и разобщеніе растетъ и растетъ. Маленькія попытки въ иномъ родѣ, всякія пріятныя неожиданности, хотя бы въ мелочахъ, могутъ кореннымъ образомъ измѣнить наши взаимныя отношенія, а они сильно и очень сильно нуждаются въ перемѣнѣ, будутъ ли это взаимныя отношенія отдѣльныхъ членовъ семьи, разныхъ сословій или цѣлыхъ народовъ.

Оглавленіе.

Стр.

